
СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Н. В. Крыленко—Практика применения закона от 7 августа	1
Г. К. Рогинский—Практика применения закона 8 декабря	11
I. Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников	18
С. Н. Орловский—Проверка исполнения	61
К созыву всесоюзного совещания по уголовной статистике	62
Официальный отдел	62

За социалистическую законность

ОРГАН
ПРОКУРАТУРЫ СССР

И Ю Н Ъ
1934 г.

6

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Рукописи не возвращаются

Н. В. Крыленко

Практика применения закона от 7 августа 1932 г.¹

Товарищи, на мою долю выпала ответственная обязанность подвести итоги работы органов юстиции по основным линиям их работы за достаточно ответственный и продолжительный промежуток времени. Закон от 7/VIII 1932 г. насчитывает свыше полутора лет существования, директива 8/V — годовое существование. Пора уже за такой период подвести итоги в масштабе пошире, чем масштаб отдельного края, области, республики. Пора уже подвести эти итоги поглубже и ответить на вопрос о том, выдержали или не выдержали политический и исторический экзамен органы диктатуры пролетариата, какими являются суд и прокуратура, с тем, чтобы из этих итогов сделать для себя практические, существенные, серьезные выводы.

Прения по докладу т. Акулова, поставившего в этом докладе почти все основные практические, узловые вопросы нашей работы, показали достаточно самокритическое отношение выступавших товарищей к самим себе, настолько самокритическое, что т. Акулов счел даже нужным указать, что роль «кающихся дворян» нам с вами не так уж пристала. Тем не менее мой доклад будет также не из радужных в смысле итогов. Черных красок в нем будет довольно, — я не буду щадить товарищей при подведении этих итогов, при характеристике отдельных фактов и отдельных моментов. Но опять-таки это не будет значить, что наша работа вся в целом должна идти намарку. Положительные стороны работы нам известны. Но сегодня мы хотим говорить о недостатках поглубже. Если бы вся наша работа была ни к чему, то, конечно, давно руководящий наш орган, рычаг пролетарской революции в лице коммунистической партии принял бы меры. Если он сейчас принимает меры равным образом для поднятия нашей работы, то все-таки это принятие мер не носит характера огульной оценки нашей работы как сплошного минуса. И тем не менее

мой доклад будет носить преимущественно характер выявления наиболее темных черт нашей работы, нашей с вами, как практических работников, которые ведут эту работу и за нее отвечают.

Разрешите равным образом, для того чтобы показать и оттенить все значение отрицательных моментов нашей работы, поднять весь вопрос об итогах работы органов суда и прокуратуры по закону от 7/VIII и директиве от 8/V на принципиальную высоту, выявив прежде всего, хотя это нам в общем все и известно, принципиальное историческое и политическое содержание этих обоих законов.

Эти два документа — важнейшие два документа, определяющие два документа. Эти документа будут определять нашу работу еще на достаточный отрезок времени, который не приходится исчислять месяцами.

Надо прежде всего понять эти два документа в их неразрывной органической связи с особенностями нашей эпохи, с особенностями сегодняшнего этапа нашего соцстроительства.

Почему им должно придавать такое значение? Почему по ним, по этим двум документам, следует определять итоги нашей работы и давать ей оценку?

Вы увидите из моего доклада, что большинство ошибок вытекает из непонимания этих документов, а не из каких-либо объективных причин. Эти ошибки прежде всего вытекают из непонимания глубокого исторического содержания и значимости для нашей эпохи, для нашего этапа социалистического строительства этих двух документов.

Позвольте мне начать с того, что характеризует сегодняшний этап, сегодняшний день, от чего нужно исходить при определении путей нашей работы. Мы живем в переходную эпоху, т. е. в эпоху перехода к развернутому построению коммунистического общества, в переходный период от капиталистической к социалистической системе. Но что же характеризует сегодняшний день? Что характеризует это общество, в котором мы живем, и из чего нужно нам исходить? Для того чтобы нам было ясно,

¹ Сокращенная стенограмма доклада на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников.

я возьму лишь 2 классических определения: одно определение Ленина, другое определение т. Сталина. Одно относится к периоду сроком 10 лет назад, другое — к нынешнему дню.

Вот что Ленин писал о том, что означает слово переход: «Не означает ли оно в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса».

Дальше идет известная вам цитата Ленина о пяти укладах, которые характеризуют экономику недавнего прошлого, но здесь интересна сама постановка вопроса, которую дает Ленин. Он говорит:

«Ясное дело, что в мелко-крестьянской стране преобладает, и не может не преобладать, мелко-буржуазная стихия: большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там спекулянты и главным предметом спекуляции является хлеб» (Ленин, т. XXVI, стр. 322—323).

И

«Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного — в едином масштабе громадного государства — труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом» (Ленин, т. XXIV, стр. 508).

Вот, товарищи, определение недавнего прошлого. Для того чтобы определить сразу, что мы имеем сегодня, я беру слова т. Сталина из его доклада на XVII съезде. Он говорил, вспоминая эти слова Ленина, что во взаимоотношениях этих пяти укладов произошли существенные изменения. Вот слова т. Сталина:

«Ленин говорил при введении нэпа, что в нашей стране имеются элементы пяти общественно-экономических укладов: 1) патриархальное хозяйство (в значительной степени натуральное хозяйство), 2) мелко-товарное производство (большинство крестьян из тех, кто продает хлеб), 3) частно-хозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм, 5) социализм. Ленин считал, что из всех этих укладов должен в конце-концов возобладать социалистический уклад. Мы можем теперь сказать, что первый, третий и четвертый общественно-экономические уклады уже не существуют, второй общественно-экономический уклад оттеснен на второстепенные позиции, а пятый общественно-экономический уклад — социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве» (из отчетного доклада т. Сталина на XVII партсъезде).

Вот что мы на сегодня имеем. Трех укладов нет, один оттеснен на второстепенные позиции, пятый — социалистический уклад является первостепенным, господствующим и единственно командующим во всем хозяйстве. Это в области экономики.

Про область сознания Ленин говорит, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не

может не преобладать мелкобуржуазная стихия, которая рвет плановое хозяйство, социалистическое общество. А вот что сегодня говорит т. Сталин:

«... Пусть болтают эсеро-меньшевистские и буржуазно-троцкистские кумушки, что крестьянство по природе контрреволюционно, что оно призвано восстановить в СССР капитализм, что оно не может быть союзником рабочего класса в деле построения социализма, что в СССР невозможно построить социализм. Факты говорят, что эти господа клеветают и на СССР и на советское крестьянство. Факты говорят, что наше советское крестьянство окончательно отчалило от берегов капитализма и пошло вперед в союзе с рабочим классом — к социализму. Факты говорят, что мы уже построили фундамент социалистического общества в СССР, и нам остается лишь увенчать его надстройками; — дело, несомненно, более легкое, чем построение фундамента социалистического общества» (из отчетного доклада т. Сталина на XVII партсъезде).

Вот вам то, что есть в области уже не экономики, а в области сознания массы колхозного крестьянства. Но это не значит, что это дело, дело увенчания надстройки — легкое дело, это не значит, что это дело, к трудностям которого можно легко относиться; но основное соотношение между построением фундамента и надстройкой дано в чеканной формуле т. Сталиным.

Вот, следовательно, та характеристика, которая имеется на сегодня, и отсюда всем должно быть ясно все грандиозное значение не только содержания директивы 8/V, но и исторических основных причин, определивших это содержание и потребовавших от нас направления нашей работы иными методами, иными способами, чем те, которыми мы привыкли руководствоваться в предыдущий исторический период.

Какие задачи мы с вами привыкли считать основными, главными в нашей работе? Задачу подавления классовых врагов, остатков бывших капиталистических классов, задачу воспитания трудящихся масс к новой, социалистической дисциплине, к новым формам общественных отношений людей. Но жизнь идет и разветвляется путем противоречий, и одним из этих противоречий является то, о котором т. Сталин говорил на XVI съезде: противоречиво ли то, что укрепление диктатуры пролетариата, укрепление мощи пролетарского государства является предпосылкой и условием к построению социалистического общества? Он говорил, что это противоречиво, но в этом есть суть диалектики жизни и диалектики развития пролетарского государства. И практическое выражение этого противоречия есть требование: не ослаблять нашей борьбы по части подавления классовых врагов.

У Ленина есть прекрасные слова, когда он, выражая суть задач подавления на нашем этапе, говорил о том, что правильно выражает эту суть немецкое слово «нидер-гальтен» или держание внизу, придушение, придавление остатков бывших господствующих классов и которые в связи с этим объективно и неизбежно будут искать новых методов борьбы, новых форм борьбы. И чем крепче будет тот рычаг, при помощи которого мы держали внизу этих бывших господ, этих бывших представителей капиталистических классов, тем сильнее будет стремление этих господ вырваться из желез-

ных тисков диктатуры пролетариата и хоть в чем-нибудь урвать себе, как писал Ленин, чашечки бывших привилегий.

Вот почему глубоко верны те указания, которые даны т. Сталиным о новых формах классовой борьбы на нашем этапе, в частности о таких формах классовой борьбы, как хищения общественной собственности классовым врагом. Так увязываются в логической, органической и исторической связи объективно, переплетаясь друг с другом, данные нашей экономики и итоги нашей социалистической стройки с формами классовой борьбы со стороны опрокинутого классового врага.

Именно поэтому и издан закон 7/VIII в той жесткой редакции, в какой он дан. Вот текст этого закона:

«ЦИК и СНК Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священа и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первой обязанностью органов советской власти».

Таково историческое и политическое обоснование закона от 7/VIII. Но почему закон говорит вообще о «людях», а не о представителях бывших господствующих классов?

Товарищи, это тоже надо понять. Мы говорили о классовом враге, мы говорили об остатках бывших классов, мы говорили о бывших людях, как их называет т. Сталин. Но разве они только одни крадут, разве они только одни организуют покушения на общественную собственность и разве только их одних надо рассматривать, как говорит закон, как врагов народа? Этот вопрос существенный, и наша с вами задача разъяснить до конца, уметь понять до конца, что это значит практически, — вот над чем мы сейчас с вами должны работать.

Вот что писал Маркс в свое время:

«Рабочий класс не требовал чудес от коммуны... Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество, в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства» (Маркс, «Гражданская война во Франции», стр. 68).

Итак Маркс еще в 1871 г. писал о том, что переходный период есть длительный период, который должен изменить обстоятельства (т. е. экономику, быт, жизнь) и людей (т. е. сознание). Людей, а не только обстоятельства.

И пока этот длительный большой процесс не завершится или пока мы даже не подошли к его завершению, до тех пор хищения, покушения на основу советского строя будут исходить и исходят в определенном числе не только непосредственно от представителей бывших эксплуататорских классов, но и от трудящихся.

Ленин по этому же поводу писал много раз. Особенно он говорил о том, что старые взгляды, традиции, свойственные старому, капиталистическому обществу, еще продолжают иметь силу и жить и в среде трудящихся масс, в среде пролетарских слоев.

Вспомните его знаменитые слова, когда он

говорил о том, что борьба против старой привычки и в наше время смотреть на меру труда с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок хотя бы и у советского государства, — эта борьба необходима. «Эту борьбу уже начали передовые сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем пришельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к народной фабрике, к фабрике, перешедшей в собственность народа, по-прежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать». Все, что есть сознательного, честного, думающего в крестьянстве и в трудящихся массах, встанет в этой борьбе на сторону передовых рабочих» (Ленин, т. XII, стр. 163). Вот то, что нужно еще переделать, переработать. Еще картиннее Ленин говорил о том же, когда говорил о мелкобуржуазной массе. Вспомните его не менее знаменитые слова:

«Мы боролись с Сухаревкой. Сухаревка закрыта, но страшна не та Сухаревка, которая закрыта. Закрыта бывшая Сухаревка на Сухаревской площади, ее закрыть не трудно, страшна Сухаревка, которая живет в душе и действиях мелкого хозяина. Эту сухаревку нужно закрыть, эта сухаревка есть основа капитализма, пока она есть, капиталисты в Россию могут вернуться и могут стать более сильными, чем мы. Это нужно ясно понять» (Ленин т. XXVI, стр. 46).

Вот как ставил Ленин вопрос о практической переделке людей в борьбе против покушений на общественную собственность как основу советского строя.

У т. Сталина мы по этому поводу находим следующую формулировку: «Переделать крестьянина колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества» — такова задача.

На XVII съезде, анализируя нашу сегодняшнюю экономику, характеризуя задачи по борьбе за переделку сознания, т. Сталин определил те причины, которые еще питают мелкобуржуазные настроения. Он говорил, что «почва для таких настроений несомненно имеется в нашей стране, хотя бы потому, что у нас все еще существуют некоторые промежуточные слои населения как в городе, так и в деревне, представляющие питательную среду для таких настроений».

И дальше:

«Но можно ли сказать, что мы уже преодолели все пережитки капитализма в экономике. Нет, нельзя этого сказать. Тем более нельзя сказать, что мы преодолели пережитки капитализма в сознании людей. Нельзя этого сказать не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики, должны все время держать порох сухим» (из отчетного доклада т. Сталина на XVII партсъезде).

Вот то, что есть сейчас.

Итак, мы сейчас имеем: создание фундамента социалистической экономики, мы имеем господство, как единственной мощной силы, соци-

алистического уклада, рядом с этим мы имеем еще промежуточные слои, которые создают питательную среду для мелкобуржуазных настроений, мы имеем классовую борьбу, и мы имеем капиталистическое окружение, питающее надежды бывших людей, поддерживающее их в борьбе с нами.

Отсюда вытекает сложность и чрезвычайная трудность нашей с вами задачи по применению закона 7/VIII к трудящимся.

Как в практической нашей работе при проведении закона 7/VIII найти правильную линию для ведения дела в каждом конкретном случае? Ответ на это мы получим, когда от закона 7/VIII обратимся к директиве 8/V 1933 г.

Я должен сказать, что если закон 7/VIII ставит нас иной раз перед трудностями при конкретном его применении, то проведение в жизнь директивы от 8/V еще более ответственная и еще более трудная задача, ибо нельзя рассматривать эту директиву только как «кампанейскую». Ее политическое содержание гораздо шире. По своему политическому содержанию эта директива заключает в себе всю стратегию и тактику судебной политики пролетариата, и поэтому на сегодня, когда приближается годовщина ее существования, мы тем паче должны поставить вопрос о ее содержании во всем объеме. Ибо мы имеем с тех пор указания т. Сталина о необходимости соблюдения законов, сделанные им на XVII съезде. Мы имеем закон о Прокуратуре Союза, который в своей мотивировочной части является историческим. Мы имеем с тех пор ряд новых указаний, касающихся нашей политики.

Я бы сказал, что директива от 8/V представляет собой программу нашей работы в смысле указания объектов применения репрессии, во-первых, и, во-вторых, говорит о методах нашей работы по применению этой репрессии. И не только по применению репрессии, но и о методах нашей работы по проведению режима социалистической законности, причем эта социалистическая законность является в свою очередь методом осуществления социалистического строя, в полосу которого мы уже вступили, т. е. системой построения такого общественного порядка, который на базе уничтожения классов и планового социалистического хозяйства дает возможность любому трудящемуся прилагать свои силы на арене социалистического строительства.

К этому ведет директива от 8/V, и это ее содержание нужно прежде всего вскрыть и понять.

Нам нужно раскрыть каждый из этих моментов и определить, к чему они нас обязывают. Я постараюсь расшифровать, в чем это должно выражаться.

Было время, про которое Ленин писал:

«Народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право» (Ленин, т. IX, стр. 119).

Он говорит это про тот период, когда трудящиеся массы так сказать самостийно, стихийно, вне всяких законов разрушали старые порядки, но уже в 1919 г. 17/1 на сессии ВЦИК Ленин иначе поставил вопрос и говорил, что нужно действовать по закону, принуждать исполнять законы, причем принуждать не только врагов, но принуждать и членов ЦИК.

«Вы может быть скажете, разве так плохо дело в Советской Республике, что к исполнению воли ВЦИК надо принуждать. Приходится, товарищи, принуждать и это лучше сказать прямо, чем прятать голову под крыло и воображать, что все обстоит благополучно» (Ленин, т. XXIII, стр. 467—468).

Тов. Сталин, развивая в дальнейшем понятие о диктатуре пролетариата, указал, что понятие это включает в себя три стороны, и одной из них является построение социализма. Наши законы и являются рычагами этого строительства, проводимого в борьбе с классовыми врагами, мелкобуржуазными традициями, и вот почему их неуклонное проведение в жизнь есть наша задача, сверх задачи подавления классовых врагов.

В нашу эпоху это выражается в обязанности нашей с вами принуждать всех проводить эту социалистическую стройку по нашим законам, не взирая на лица, не взирая на «вельмож», позволяющих себе думать, как говорит т. Сталин, что наши законы пишутся не для них, а для дураков.

Значит союзность сейчас есть не только подавление врага, но и построение социализма по нашим законам, получаемым из одного центра, от социалистического государства. Но и это не все. Есть третья сторона союзности и не менее важная — охрана законов, которые дают возможность каждому трудящемуся проявить полностью свою трудовую энергию на общем поле социалистической стройки. Беря формулу короче — охрана прав трудящегося, охрана его прав и возможностей прилагать свой труд по общему плану социалистической стройки, вот в чем на сегодня, особенно, на сегодня, должна, кроме того, выразиться борьба за социалистический строй.

Вот 3 основные элемента социалистической законности сегодняшнего дня: борьба с классовым врагом, принуждение к исполнению советских законов тех, кто позволяет себе нарушать их; гарантирование каждому трудящемуся возможности приложить свой труд в пределах, которые ему дает советский закон. Это и есть содержание социалистической законности сегодняшнего дня. И об этом говорит директива от 8 мая 1933 г., закон от 25 июня 1932 г. и закон от 20 июня 1933 г. — об организации Прокуратуры Союза.

Эти принципы мы тоже должны усвоить и их проведение также обеспечить.

Но и это еще не все. Надо еще более конкретизировать это содержание. Очень просто было бы сказать нам с вами, что на сегодня социалистическая законность есть обеспечение возможности каждому трудиться в пределах его способностей на социалистической арене. На нынешнем этапе мы имеем такое положение, когда наше общество еще строится на несколько иных принципах, чем те, на которых будет строиться коммунистическое общество завтрашнего дня.

«Коммунистический труд,— писал Ленин,— в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне норм, труд даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по

сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу» (Ленин, т. XXV, стр. 151).

Есть ли это у нас на сегодня? Нет, конечно. На сегодня у нас не то. Сейчас у нас такое время, которое Маркс характеризует как время, когда «равенство состоит в том, что измерение производится равным мерилом — трудом», и когда «это равное право есть неравное право для неравного труда...». «Другими словами, оно есть равное право всех трудящихся на неравное вознаграждение, пропорциональное количеству вкладываемого труда», ибо «...один человек физически или умственно превосходит другого и стало быть доставляет за то же время большее количество труда или способен работать дольше...» (Маркс, Критика Готской программы, т. XV, стр. 274—275).

Вот что есть на сегодня, и это право мы сейчас должны охранять. Это право каждого трудиться по своим способностям, а получать пропорционально своему труду, который он вкладывает, — вот суть общественных отношений сегодня, вот что мы должны гарантировать каждому трудящемуся на арене социалистической стройки.

Для сегодняшнего дня это является основным стимулом в работе, пока не изжиты старые пережитки и пока мы не выросли все настолько, чтобы работать на общую пользу бесплатно, из одного сознания необходимости работать. Это не означает, конечно, что мы должны гарантировать только зарплату, хотя вы знаете, что на практике нам приходится иногда бороться и за зарплату.

Тов. Сталин еще в своей речи на совещании хозяйственников сказал, что «Рабочий ныне — не то, что раньше. Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия» (Сталин, «Речь на совещ. хозяйствен. 26/VI 31 г.

Вот вам конкретная расшифровка, в чем еще выражаются эти права и соответственно наша работа по соблюдению социальности. Наш рабочий имеет на это все права, сказал т. Сталин, — и мы обязаны ему гарантировать это.

А возьмите деревню. Тов. Сталин говорит: «на ее место (старой деревни Н. К.) выступает новая деревня с ее общественнохозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями» (Сталин, доклад XVII партсъезду, стр. 40).

Мы обязаны обеспечить колхознику возможность «жить по-человечески, — говорил т. Сталин, — если он только хочет работать честно, а не лодырничать, не бродяжничать и не расхищать колхозное добро».

И здесь на нас падает обязанность бороться всякий раз с нарушениями этих прав. Наша обязанность в настоящее время гарантировать определенную правовую атмосферу, устойчивую атмосферу социальности, исключаящую раз и навсегда всякие формы произвола, всякие формы отсебятины и проявление принципа — «чего моя нога хочет», проявление головопатыства большого и малого, украинского и РСФСРовского, узбекского и грузинского и т. д. Это есть сегодняшняя задача.

Вот почему, когда я буду говорить о практике нашей работы по директивам, я позволю себе напомнить о законе 25/VI 1932 г. который говорил о нашей обязанности:

«Привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях незаконных арестов, обысков, конфискации или изъятия имущества и пр. и налагать на виновных строгие меры взысканий...»

Принять меры к проверке практики наложения штрафов райисполкомами и сельсоветами, в особенности в связи с проводимыми сельскохозяйственными кампаниями, и в кратчайший срок отменить и снять административные штрафы и взыскания, наложенные в нарушение общесоюзного и республиканского законодательства.

Устранить факты наложения твердых заданий, раскулачивания и т. п., допущенные в нарушение законов советской власти в отношении отдельных колхозников и единоличников середняцких хозяйств, последовательно проводя установленные советскими законами задания и меры в отношении кулацких элементов».

И дальше:

«Неуклонно привлекать к строгой ответственности всех должностных лиц, виновных в нарушении основных начал колхозного строительства: а) в нарушениях выборности правления и других органов колхозов; б) в произвольном распоряжении имуществом колхозов, их денежными средствами и отведенной в их пользование землей; в) в применении недопустимых приемов командования в отношении колхозов (в частности, произвольная перестройка колхозов, их укрепление и проч.)».

Вот что практически лежит на нашей обязанности с 25/VI 1932 г. Позвольте и это внести в общий баланс подведения итогов применения директивы от 8/IV, понимая ее в расширенном смысле, как создание той правовой атмосферы, которая дает возможность всякому трудящемуся прилагать свой труд, если он хочет работать честно, за что ему должна быть гарантирована не только реальная зарплата, но и вся та совокупность материальных условий быта, которая вытекает из наших достижений на сегодня в области социалистической стройки.

Поэтому директива 8 мая говорит о недопущении произвольных арестов, о соблюдении законов и о порядке содержания под стражей и других сторонах нашей работы и, наконец, одновременно говорит о методах осуществления нашей работы, о том, что мы должны работать так, чтобы применять репрессию редко, но жестко, на базе поддержки и коллективного сочувствия всех трудящихся, ибо, как говорит эта директива, прошло то время, когда мы нуждались в массовой репрессии, уничтожено в основном кулачество, разгромлен классовый враг, повернулись на социалистический путь колхозные массы, и в иной атмосфере, иными методами должна осуществляться и политика революционного принуждения, которую мы проводим через суд.

Вот то, что требуется от нас в общей совокупности по применению директивы 8 мая.

А теперь с этих высот того, что должно, спустимся к тому, что есть. От этих высот того, что от нас требуется, перейдем к тому, как мы исполняем, чтобы поглядеть здесь на себя в зеркало и не пенять, если окажется, что рожа крива.

Начнем с закона 7/VIII. Я говорил о чрезвычайных трудностях, которые иной раз ставят конкретная жизнь, конкретная живая действительность, когда этот закон приходится проводить, когда перед нами не классовый враг (а в этом мы видим цель и содержание работы по закону 7/VIII), а трудящийся.

Хорошо говорить вообще о необходимости переделки, выяснять вообще причины наличия традиционных взглядов, буржуазных старых представлений, мелкобуржуазных инстинктов и вождельев у единоличников, у некоторой части колхозников и у определенных групп рабочих, которые тянут с фабрики на Сухаревку определенное количество народного добра.

Но иное дело решать вопрос, когда его конкретно ставит перед нами сама жизнь, когда на скамье подсудимых сидит живой человек и когда перед нами стоит вопрос об его конкретной жизни, о применении к нему суровых требований закона.

Прежде всего, два основных указания.

Абсолютно неправильным, абсолютной ошибкой будет, если мы будем ставить вопрос так: ты трудящийся, значит к тебе закон 7/VIII не применим.

Товарищи, нам нужно помнить, что у Ленина есть целый ряд указаний на необходимость применения самых жестких мер репрессии к отдельным трудящимся в определенных условиях, в определенной обстановке.

Я не буду приводить известную его цитату, когда он говорил о необходимости применить жесткую меру репрессии — расстрел за невыдачу квитанции о конфискации фуража, за неимение документов на хранение оружия. В определенной исторической обстановке, в определенных конкретных исторических условиях он ставил этот вопрос, как вопрос политически необходимый.

Если вы возьмете директиву по применению закона 7/VIII, изданную через некоторое время после издания закона, то там говорится о том, как в определенных условиях необходимо применять жесткую репрессию и по отношению к трудящимся, когда они, равным образом, покушаются на общественную собственность.

Я это говорю с тем, чтобы твердо установить следующий тезис: **не исключается никоим образом применение репрессии закона 7/VIII к трудящимся.** Это положение должно следовать за первым положением, что к классовым врагам надлежит применять закон 7/VIII со всей его строгостью.

Мы имеем далее указание на то, что к мелким хищениям, незначительным кражам, совершенным по нужде, по бессознательности, разрешается и следует переходить к применению ст. 162 УК.

Основным принципом, таким образом, является **определение конкретной обстановки, определение конкретного лица обвиняемого и определение не только обстановки кражи, но и обстановки вокруг этой кражи.**

Я утверждаю, и мне кажется, что никто против этого не будет спорить, что с точки зрения борьбы за охрану общественной собственности, с точки зрения воспитания соответствующего отношения к общественной собственности в трудящихся массах гораздо эффективнее, результативнее и целесообразнее будет проводить закон 7/VIII во всей его строгости, на базе соответствующей общественной разъяс-

нительной и воспитательной работы, чем ослаблять его применение.

Гораздо целесообразнее организовать редкий, да меткий удар по нарушителям общественной собственности в атмосфере предварительного проведения общественно-политической работы, чем воспитывать сознание, что трудящийся может красть и его нельзя карать по закону 7/VIII.

Вот принцип, из которого нужно исходить, и отсюда связь между законом 7/VIII и директивой 8/V. **Люди, которые расчлняют эти два документа, не понимают ни первого, ни второго.**

Сейчас основная задача — строить применение закона так, чтобы, применяя закон 7/VIII со всей его суровостью, вести дело так, чтобы каждое наше действие подкреплялось действием тысячных масс трудящихся, наблюдающих за применением закона, в этом суть.

Позволяю себе теперь перейти к реальным кускам жизни, к конкретным, невыдуманым, а вами же представленным материалам в ваших отчетах и сообщениях конкретно о том, как действовали наши суды по отдельным делам.

Кабардино-Балкарская область, Прималкинский район, середняк Голов осужден по закону 7/VIII за то, что, проезжая на подводе, «не принял мер к прекращению ломки кукурузы 15-летним мальчиком».

Татарская республика: приговором от 21/III 1933 г. середняк Юсупов приговорен к 10 годам за то, что послал своего малолетнего сына украсть 5 кило колхозного гороха. Нарсуд Татарской республики Мусловского р-на приговорил комсомольца 20 лет к 10 годам за то, что он (тракторист) повернул трактор и повредил подшипник, ремонт обошелся 7 рублей.

Нарсуд Калининского р-на ЦЧО осудил работницу завода Кабакову за кражу 1 кило крахмала к 10 годам.

Есть приговор к 10 годам заведующего школой за то, что по неисправности печей сгорела школа.

Нарсуд Боковского р-на за хищение одного кило зерна приговорил к 10 годам.

Нарсуд Бузулукского р-на, Н. Волги за хищение буквально нескольких колосьев приговаривал к 10 годам.

Нарсуд Моталинского р-на (Н. Волга) за хищение 1½ кило зерна приговаривает к 10 годам.

Нарсуд Еразнинского р-на, Бурят-Монголии (1933 г.) вынес приговор по закону 7/VIII двум колхозникам за увечье колхозного поросенка.

14/X 1933 г. президиум главсуда Татарской республики слушал угол. дело Павлинского р-на по обвинению Бодреева середняка по закону 7/VIII, осужденного к 10 годам за то, что он, возвращаясь с молотбы, взял горсть гороха несмотря на предупреждения остальных колхозников. Кассколлегия главсуда приговор утвердила.

А теперь позвольте перейти к фактам последнего времени, — к практике применения закона по такому острому вопросу, как вопрос о животноводстве.

Вы знаете, как остро стоит вопрос о животноводстве, какая здесь на нас с вами ложится обязанность и ответственность. А вот картина того, как наши циркуляры о борьбе за коня, о борьбе с враждебными элементами, калечащими лошадей, проводятся на практике.

По Ср. Волге убой скота принял угрожающие размеры. Что нужно было сделать? Нужно было принять соответствующие меры, в том числе, конечно, и суду. Какую установку взяли органы юстиции, столкнувшись с этим фактом? Они взяли установку на массовую репрессию. Возьмем дела по животноводству за 1933 г., к лишению свободы за 1933 г. осуждено 680, а за 12 мес. 1934 г. — 101; никаких изменений за год, никакого поворота в политике. Как будто никаких указаний не было и не было директивы 8/V. А если мы посмотрим приговоры, то мы получим такую картину: из 85 осужденных, дела которых были рассмотрены, к 10 годам в 1933 г. осуждено только 12 человек. Это означает, что закон 7/VIII вовсе не применяется; предпочли пойти на применение массовой репрессии, а меры репрессии, указанные в законе 7/VIII, не применялись. Итог — неприменение закона 7/VIII и неисполнение директивы 8/V.

А вот несколько иллюстраций к этим цифрам. Некий Богатырь одну лошадь искалечил, другую утопил — приговорен к 5 мес. и.т. работ. Другой факт: Осипов, белогвардеец, перевоза горячее со станции, убил лошадь, переломив ей позвоночник. Приговор: 3 мес. и.т. работ. В колхозе «Свободный труд» Бузулукского р-на за декабрь 1933 г. и январь 1934 г. от экземы пало 72 лошади, причем в 50 случаях установлено прямое сознательное вредительство, допущение заражения лошадей, но тем не менее закон не применяется, и виновные в этом лица приговариваются к 3—6 мес. и.т. работ.

Вот вам примеры после того, как мы из месяца в месяц говорим о применении этого закона!

В колхозе села Колотопино одному быку вышибли глаза, другому открутили хвост, третьему отшибли бок; виновные приговоры к 6 месяцам и.т. работ.

Эти примеры характеризуют, как преобладают указания о недопустимости массовых репрессий в применении декрета 7/VIII по борьбе за коня. Видимо, понимают так, что колхозник, который умышленно выколлот глаза лошади, не может быть судим по закону 7/VIII.

Вот конкретные примеры применения декрета 7/VIII. Я позволю себе привести и «философию» некоторых наших работников по этому поводу.

В Чечено-Ингушской АО было совещание судебно-следственных, прокурорских и милициских работников, и нарудья Полякова сказала: «Облсуд не знает своих кадров, меня никто не знает и я никого не знаю, установок никаких не дают. А бывший председатель облсуда ответил ей: «У тебя есть глаза, читай обвинительное заключение милиции, милиция зря писать не будет». Это еще не все, он говорит ей: «Есть такой закон 7/VIII, возьми его, прочти и шпарь 10 лет». Фамилия этого облсудьи Аушев.

А вот другой факт. По поводу директивы 8/V прокурор Петровский сказал: «Директива 8/V издана в момент успешного окончания борьбы с классовым врагом, когда необходимость массовых репрессий отпала».

Дальше пойдем. Я взял эти два примера, как характерные по применению закона 7/VIII и инструкции 8/V. Это даже не упущенство или незнание, или непонимание. Это тоже не прямо бездушное и не прямо формальное, а бесстыд-

но преступное отношение к делу, циничный подход к делу. Ведь нельзя же забывать, что это суд и что судят людей.

Какие выводы следуют из этого? Товарищи, во что бы то ни стало надо помнить об особой роли нашей работы, которая происходит на виду, которая должна учить, должна воспитывать.

Чему учат те примеры, о которых я здесь говорю? Вывод получим печальный.

От закона 7/VIII позвольте перейти к характеристике нашей работы по применению директивы 8/V, которая заключает в себе, как я сказал, гораздо больше указаний и директив по целому ряду отраслей, чем это кажется на первый взгляд.

Как же у нас в РСФСР проводится эта директива? Передо мной постановление Коллегии НКЮ РСФСР по этому поводу от 23/III 1934 г. Товарищи, я оперирую только документами РСФСР и хочу уже принять на себя все, — если другие думают, что у них обстоит лучше, пусть будет только наша вина. (Смех).

Вот решение Коллегии НКЮ РСФСР о применении директивы 8/V. Проведение директивы 8/V в судебной практике сказало в общем снижении числа осужденных почти в 3 раза. Дальше имеем резкое снижение числа присуждений к лишению свободы, которое в процентном отношении снижено вдвое.

Возьмите дела по с.-х. кампаниям, наиболее массовые дела. Здесь снижение почти на 50%, если сравнить первый квартал с третьим. В основном — коренной и решительный сдвиг. Но опять-таки это только в «основном». Снижение процента присуждений к лишению свободы не носит равномерного характера. Когда подходишь конкретно, то картина получается такая, которая заставляет призадуматься. По Ленинграду процент осужденных к лишению свободы и ссылке снижается до 21, а на Сев. Кавказе процент осужденных к лишению свободы и ссылке превышает 50. Получается ненормальность, которая опять-таки характеризует пестроту в политике.

По отдельным категориям осуждений к лишению свободы — колхозников 39,7% в III квартале, вместо 77,5% в первом. Бедняков — 37,4% в I квартале было 70,9%. Получается опять-таки сдвиг. Хороший сдвиг: с 70% до 37%. Но... «в основном». «В основном» очень хорошие сдвиги имеются.

Но чем ближе мы от этого «в общем и целом» спускаемся к живой и конкретной действительности по краям и областям, картина начинает изменяться, изменяться и изменяться.

Северный Кавказ преподносит следующий сюрприз. По сравнению с I кварталом число привлеченных кулаков по хозяйкампаниям снизилось почти в 5 раз. Число осужденных зажиточных снизилось в 10 раз, число осужденных середняков сокращается в 7 раз, процент осужденных колхозников снизился до 15, только в четыре с небольшим раза, а число осужденных бедняков увеличилось и достигло 18,8% всех осужденных, вместо 4,9% в I квартале.

Тут уже что то не так. Получается большее снижение по кулацко-зажиточной части, чем по середняцкой, колхозной и бедняцкой части. Конечно, тут есть опасность другая, опасность механического применения считааемых цифр. Нельзя и в обратную сторону ударяться, чтобы

ваша жизнь укладывалась в ровенькие колонки. Но факт остается фактом.

Возьмем Нижнюю Волгу. Число осужденных кулаков и зажиточных сокращается в 4 раза, бедняков — на одном уровне, в процентном отношении увеличивается.

В ЦЧО растет число осужденных кулаков и бедняков. По Н. Волге и ИПО при снижении кулаков и зажиточных — увеличение числа бедняков и колхозников.

По Зап. Сибири увеличение числа осужденных по всем категориям. I квартал — кулаков 386, III квартал — 725, соответственно по этим же двум кварталам: зажиточных — 127 и 273, середняков — 330 и 733, бедняков — 214 и 296, колхозников — 464 и 589 и т. д.

При таком положении говорить о правильности применения и правильности понимания, разумеется, не приходится.

Резко меняется картина, как только перейдем к отдельным краям и областям. В то же время мы имеем цифры, еще пока не подсчитанные и не проверенные, цифры, которые являются скорее сигналом, чем цифрами, которые говорят, что если мы возьмем I полугодие 1933 г. и II полугодие 1933 г., то получим картину сдвига в III квартале, резкое падение в два раза, а в общем итоге II полугодие 1933 г. дает больше, чем I полугодие 1933 г.

Это значит либо то, что на рубеже III и IV квартала, когда развиваются с.-х. кампании, взяли и, забывши все, махнули по-старинке, или это значит, что отчетным материал III квартала неверен, или это значит, что этот подсчет, который мы пока еще нацупываем, в нашем конъюнктурном исследовании неверен. Я не берусь ответить на это, но должен сказать, что достаточно такого сигнала о возможности подобного положения вещей, чтобы поставить вопрос относительно того, что делается по директиве 8/V.

А если мы перейдем к конкретным делам, то то, о чем я говорил — о законе от 7/VIII — бледнеет. По отдельным приговорам у меня есть такая папка, которая называется «челные судебные приговора».

Я возьму несколько из них: вот нарсудья Луговской привлек и осудил к 10 годам свидетеля по уголовному делу. Возьмем другой факт того же самого порядка, который характеризует то, как у нас работают отдельные работники. Нарсуд Мелитопольского р-на (нарсудья Кузин) судил и приговорил к лишению свободы **однофамильца** обвиняемого. Протест последнего ни к чему не привел, и только спустя 2 дня после осуждения однофамилец был освобожден. (С места: «Кузин уже тоже осужден»).

В Татарии в Каменско-Устинском р-не одна колхозница обратилась в нарсуд с иском об алиментах. Суд ей отказал и написал в постановлении так: «В алиментах отказать, так как она во время супружеской жизни изменяла мужу».

Нарсуд Первомайского р-на присудил колхозницу к 1 г. и.-т. работ за то, что она... «вела себя чрезмерно свободно и заставляла остальных женщин ревновать».

Бугульминский р-н в приговоре по делу Сулейманова, который привлекался к ответственности за спекуляцию, написал: «Для какой цели ему нужно было взять 2½ пуда хлеба, когда он человек одинокий и мог бы прокормиться путем милостыни».

Линсуд водной камеры г. Самары применил закон 7/VIII к двум рабочим — членам партии — на том основании, что они дали поручительство за растратчика, который потом скрылся. Несмотря на то, что один из них задержал растратчика и передал его милиции, тем не менее за соучастие в растрате и его присудил к 10 годам..

А вот и еще «дело». Оказывается (как гласит обвинительное заключение и приговор) гр-ка Х. работала школьной работницей, недобросовестно исполняла долг службы, а именно, будучи морально и физически невыдержанной, имела связь с женатым мужчиной и проводила с ним ночи, чем вызывала недовольство среди женщин, и в отношении ее вынесен был в Уржумском р-не обвинительный приговор.

Между тем, не приходится говорить, как много может сделать суд. У меня есть письмо одного осужденного, который пишет, как его суд исправил, где он говорит, какое влияние оказал условный приговор суда, проведенный соответствующим образом на фабрике, где он был бригадиром. Он пишет в газете политотдела Борской МТС: «**Как меня исправил суд.** Читатели газеты «Ленинский путь» наверное помнят заметку «Суд над Гавриловым» (№ 26). Гаврилов — это я, бригадир тракторного отряда. С тех пор прошло 2 месяца. Нарсуд присудил меня к 1 г. и 6 мес. лишения свободы за растратжирование горючего, за 50 проц. простоя тракторов и невыполнение ежедневных норм на взмете зяби.

Суд постановил тогда, что при условии устранения этих недостатков, приговор исполняться не будет. Если же работа не улучшится, то 1/I 1934 г. приговор будет приведен в исполнение. Срок истекает, я теперь должен рассказать, как я работаю после решения пролетарского суда. Тяжело мне было в первые дни после суда. Я даже заболел было. Думал все, как лучше наладить работу своего тракторного отряда. Начал я с того, что организовал приемку тракторов смены от смены, улучшил заправку, регулярно стал проводить предупредительный ремонт, поднял среди трактористов ответственность, и сам ночи не спал, все сделал за бесперебойной работой тракторов. Результаты получились хорошие, нормы стали выполняться и перерасход горючего стал уменьшаться. По плану с момента суда, я должен поднять зяби 234 га, а поднял — 235,7 га, горючего надо было израсходовать 4280 кг, израсходовал 4260 кг. Эти цифры показывают, что работа резко улучшилась. Все машины сданы мастерским в хорошем состоянии. Сам я сейчас занят по ремонту своих тракторов, и к 1/I ремонт будет закончен. Я хорошо понял, что пролетарский суд карает только врагов народа, наших классовых врагов, а рабочих и крестьян он воспитывает, это я почувствовал на себе. Я признал свои тяжелые проступки и исправил их на деле. А теперь прошу суд дать мне возможность еще раз доказать свою преданность делу колхозного строительства. Я это докажу не на словах, а на деле».

Вот вам маленький кусочек жизни, который характеризует, как можно много сделать при элементарно-добросовестном и серьезном деловом отношении к делу.

Я больше не буду на этих примерах останавливать ваше внимание и перейду к другой стороне, к другой обязанности, за которую мы несем ответственность, — к вопросу о создании

той устойчивой правовой атмосферы, которая является предпосылкой того, чтобы каждый работал так, как нужно на том участке, где он поставлен.

В директиве говорится о том, что надо прекратить полностью и изжить всякие незаконные аресты, когда арестует всякий, кому не лень. Так вот что мы имеем спустя год после 8/V.

ЦЧО, Самодуровский сельсовет, Фатежского р-на. Учитель Поздняков арестовал 8 колхозников, подозревавшихся в мелкой краже, избил их и посадил в холодный сарай. Вот так учитель. Этот пример говорит о том, как еще легко у нас арестовывать людей.

Вот факт по Ленинградской области. Митрофановский сельсовет создал бригаду и арестовал некую гражданку Никонорову, ей связали руки, привязали к дорогам и в таком виде во-зили по деревне.

Вот картина незаконных арестов, которые мы не должны допускать, и за недопущением которых по директиве мы должны следить.

Я приводил цитаты о штрафах. Здесь говорили о штрафной политике, а вот реальная жизнь, как проходят эти штрафы; я вам приведу пару примеров.

В колхозе им. Красный фронтовик, предсельсовета и секретарь партячейки наложили штраф в 30 и 35 трудовых за отдельные проступки колхозников, в результате чего 11 колхозников ушли из колхоза и перешли в колхоз другого района. Колхозник Талилин за курение в канцелярии оштрафован на 10 трудовых (Усланский р-н ТАССР). В колхозе дер. Халиловой двоих колхозников за уход с собрания оштрафовали на 10 трудовых. Начальник политотдела Охочевской МТС Щигринского р-на Маслова сняла за бездеятельность пред. колхоза Богданова и оштрафовала его на 150 трудовых. В колхозе им. Ворошилова 2 колхозника оштрафованы и один исключен из колхоза за оскорбление жены пред. колхоза. В Ново-Сергеевском р-не за плохой уход за свиньями оштрафовали колхозника на 150 трудовых. Колхоз «Красный клад», пред. колхоза исключен из колхоза и лишен заработанных трудовых.

Вот картина штрафной политики. Несмотря на то, что есть специальное постановление правительства, по которому нам приказано бороться за правильное применение этой политики, мы давали ряд директив и указаний о проверке штрафной политики и недопустимости таких штрафов. А вот живая действительность, как она есть в отдельных районах.

Это относительно борьбы за правовую атмосферу, за право каждого работать и получать пропорционально вкладываемому труду.

Вы знаете, что одно из основных требований директивы относится к порядку содержания под стражей: к санкционированию ареста прокурором и к проверке законности содержания под стражей.

Я думаю, товарищи, у нас нет ни одного краевого, областного прокурора, который мог бы, положив руку на сердце, сказать, что у него все обстоит благополучно. Те данные, которые мы имеем по ревизии мест лишения свободы, вскрывают картины совершенно недопустимого игнорирования требований инструкции, причем игнорирования обоюдного и органами милиции и органами прокуратуры. По Средней Волге мы имеем данные, которые привез в марте тов.

Нейман. Вот длиннейший список людей, которых приходилось освобождать, причем, если взять мотивировку содержания под стражей, то она поражает бессмысленностью. Так, Ничматуллин арестован 31/XII 1933 г. нарследователем. Арест санкционирован прокурором. Обвиняется «в дискредитировании начальника политотдела МТС, якобы последний изнасиловал гр-ку М., т. е. преступление, предусмотренное ст. 95.

Арестованный в Рязани Кочетов содержится на основании такого постановления об аресте: «На допросе он пояснил, что в июле 1933 г. он был из изолятора освобожден. Принимая во внимание, что для окончания данного дела необходимо приговор нарсуда Пензенского р-на, что таким образом расследование может быть быстрее закончено — постановил: «Расследование с личностью направить Нач. Сольицкого РУМа для окончания дела и направления по подсудности. Пом. Уполномочен. (подпись). Санкционирую. Прокурор Рязанск. р-на — Ларин — 26/IX 1933 г.»

Кочетов—рабочий, слесарь, был в 1932 г. осужден на 2 года и в июле 1933 г. из Сольицкого ИЗО освобожден.

Что же получается? Он был осужден раньше, освобожден, потом задержан, затем направлен для проверки верности его слов о том, что он был освобожден. И он сидит. Должен быть направлен в Пензу, а сидит в Рязани. Вот наблюдение за порядком осуждения. Таких фактов, больше, чем достаточно.

Вот еще один факт: Филинов осужден 31/XII 1931 г. к 1 году и-т. работ, содержится в Пензе, числится кассационным, а при выяснении оказалось, что ни то, ни другое, ни третье, а попросту забран милицией.

И этих фактов в приведенном т. Нейманом списке десятки.

Сейчас вопрос в том, чтобы полностью обеспечить настоящий надзор в прокуратуре за порядком арестов, за сроками содержания под стражей и за законностью содержания под стражей. То, что мы сейчас имеем в этой области, совершенно невероятно. У меня есть опять-таки пример по Свердловску. Вот что да-ло обследование.

«Санкция прокурора на арест предварительная в очень многих случаях по РУМ не спрашивается. Уполномоченные опер. отдела предпочитают арестовывать и по следственным делам под видом «выяснения личности», что дает им право содержать под стражей без санкции 48 часов. Как случай, характеризующий состояние прокурорского надзора в данной отрасли, можно привести: когда райпрокурор на постановлении об аресте надписал: «Хотя дело для ознакомления мне и не представлено, но, т. к. факт убийства имеет место, а по словам уполномоченного арестованный сознался, арест санкционирую». Райпрокурор, подпись. Получив санкцию на арест в последующем, по истечении месяца, уполномоченные не спрашивают санкции прокурора на продление срока содержания и держат под арестом 2—3 месяца, в силу чего мной было освобождено в Челябинске 20, в Свердловске—41 человек, содержащихся без санкции прокурора.

Сроки содержания под стражей следственных не более 1 месяца не выдерживаются в громадном количестве, особенно периферией. К примеру: только в одной Свердловской ФЗИПК в момент обследования обнаружено содержащихся более месяца следственных, числящихся

за РУМ 41 человек, причем некоторые из них содержались с августа (а проверка ФЗИТК бригадой НКЮ производилась 26/1). Содержания следственных арестованных более месяца производится без продления срока содержания прокурором, как система.

Содержание под стражей при отделениях милиции в камерах предварительного задержания более 3 суток также практикуется как система, как областным управлением милиции, так и периферией. Камеры при отделениях милиции, оперода, а также оперсекторах фактически превращены в домозаки, где арестованные, как следственные, так и осужденные, содержатся более месяца, к примеру: в камерах предварительного заключения по г. Свердловску на 31/1 1934 г. содержалось с 23/XII всего 266 человек, из которых сверх 8 дней содержится 218, причем из них осужденных 134, следственных — 91 и временно задержанных всего лишь 41.

Явно ненормальные взаимоотношения между руководством милицией и прокуратурой, в ряде случаев доходящие до резких конфликтов, разрешаемых только после вмешательства партийных органов. Так начальник обл. милиции Ключков запретил милиции выполнять постановление Свердловского прокурора об аресте лиц, обвиняемого в преступлении, предусмотренном законом от 7/VIII 1932 г., и выполнил данное постановление только тогда, когда бюро Свердловского горкома ВКП(б) вынесло постановление, что «в дальнейшем подобного поведения Ключков не потерпит».

Как безобразное явление, характеризующее крайнюю безответственность некоторых прокурорских работников за данный участок работы, является то, что в течение 2—3 последних месяцев в отделениях милиции г. Свердловска не было ни одного прокурора. Состояние камер, правильность содержания и целесообразность содержания под стражей прокурорами не проверялось».

Но разве так только в Свердловске?

Я был в Уфе. Пришли мы в домзак устроен как следует, чистоенько, хорошо, цветы, белые наволочки и пр. Я спросил прокурора: «А вы часто бываете здесь?». Каждый день бываю. Спросил начальника домзака — что у вас бывает прокурор? Каждый день. Дайте книгу. Какую книгу? Ну, книгу, в которой пишет он о своем посещении.

Мне принесли книгу, — распишитесь, как почетный гость. Но мне нужна не эта книга, а книга, в которой расписывается прокурор, что он видит, когда посещает домзак.

Оказалось, что такой книги нет.

Это характеризует уже отношение к делу. И в этой области недаром мы настаиваем на усилении прокурорского надзора за местами лишения свободы, на реальном его исполнении, проведении в жизнь.

Какой же общий итог, какие выводы?

В основном мы проделали большую работу и по закону 7/VIII и по директиве 8/V. Но если мы реально, конкретно подойдем к каждому краю и области, мы не можем найти такого края или области, про который мы могли бы сказать, что из двух основных руководящих указаний, директив партии и правительства оба проводятся так, как следует их проводить.

Здесь много говорили о кадрах, о недостатке кадров, о деньгах, о недостатке денег и т. д., а я сидел и думал: вот взять состав нашей судебной периферии. 96 и больше процен-

тов партийцев. 48 проц. рабочей прослойки, недурные кадры. (Драгунский. То же цифры).

Тов. Драгунский, когда мы берем такой критерий, как партийную принадлежность, то это должно быть лучшей гарантией того, что мы имеем человека, который сознательно, как мы полагаем, продумал свою работу, цели своей работы и действует с соблюдением партийной дисциплины, по указанию партии. С таким составом на периферии фактов приведенного порядка не должно было бы быть, а они есть.

Допустим, что мы пропустим сквозь правовое образование через некоторое время всю массу наших работников. Допустим, что мы их поставим в еще лучшие условия. Разве в этом уже вся суть? Есть у нас и постановление ЦК партии от 25/V/1 1932 г., запрещающее снимать судебных работников без ведома обкомитетов? Есть определенное материальное улучшение? Есть. Значит, в чем же дело? Почему же, откуда же эти случаи головотяпских приговоров?

Товарищи, здесь конечно налицо та язва, которая особенно опасна, — здесь налицо забвение партийного долга, забвение своих партийных обязанностей о добросовестном отношении к порученному делу, по существу тут разложение и омертвление отдельного человека, как активного члена партии, активного создателя бесклассового общества. Нельзя допустить, чтобы люди в здравом уме, с четкой пролетарской совестью, и сердцем, чтобы эти люди выносили подобные решения и подобные приговора. Этого допустить нельзя. А раз так, то весь вопрос в знании личного состава периферии и в такой форме контроля и руководства со стороны областных центров, которая гарантировала бы это знание. И в отсутствии этого знания — в большинстве случаев — все зло.

Есть ли у нас члены облсуда или облпрокурор, которые будут терпеть судью, если будут знать о такого рода приговорах? Ведь вы же его сменили? Значит, вы об этом не знаете. Другого ответа здесь не может быть. И добиться такого знания людей можно только живым методом руководства и управления, о чем и был поставлен вопрос на XVII партсъезде.

Тов. Акулов говорил о предполагаемом усилении прокурорских кадров и по низовой периферии, по нарсудам. Вы в ближайшие месяцы будете вести эту работу, за которую будете отмечать, по переукомплектованию состава и замене тех, кто негоден. Вся ответственность лежит на вас.

Этот путь практически дает возможность путем пересмотра исправить то, что можно исправить, и то, что должно исправить, в личном составе и одновременно еще раз разъяснить основные принципы и задачи нашей политики на сегодня. Эти задачи я обрисовал уже во вступительной части своего доклада и возвращаться к ним не хочу.

Мы с вами органы диктатуры, мы с вами те, которым дана возможность и обязанность карать, и вместе с тем на нас падает задача поднимать и воспитывать, и вести, и руководить. Как бы жестка ни была самокритика, которой мы подвергли себя на этом совещании, я полагаю, что общий вывод наш будет один. Каждый из нас на своем участке, уезжая отсюда, с еще большей энергией, засучив рукава, должен приняться за эту работу, чтобы каждый мог себе сказать словами известной поговорки: «Я сделал все, что мог, и пусть кто может — сделает лучше».

Практика применения закона 8-го декабря¹

Рогинский (ст. пом. прокурора Союза ССР). Моей задачей является сообщение о практике применения судебно-прокурорскими органами Союза закона 8 декабря.

Я подчеркиваю, что в мою задачу входит изложение практики по применению закона 8 декабря не только прокурорского аппарата, но и практики работы судебного аппарата.

Я считаю это своей задачей не только потому, что практику судебной работы прокуратуры нельзя оторвать от работы суда; не только потому, что оценивать работу прокуратуры, можно только в свете конкретных решений судебных органов, в свете судебных приговоров; не только потому, что борьба за качество судебной работы является одной из основных и необходимых функций прокурорского надзора, — я считаю это своей задачей потому, что по применению закона 8 декабря ответственность за качество и темпы судебной работы целиком и полностью лежат на прокуратуре. Прокуратура должна отвечать не только за качество и темпы прокурорской работы, но и за качество и темпы судебной работы.

В самом деле, закон 8 декабря в одном из своих пунктов совершенно прямо поручает прокурорскому аппарату в лице его центра — в лице Прокуратуры Союза — наблюдать за исполнением этого закона, а следовательно обеспечить должную работу всех органов юстиции по применению закона 8 декабря. Это поручение союзного правительства делает совершенно очевидным, что мы являемся ответственными за работу всей системы органов юстиции и в том числе и за работу суда по реализации закона 8 декабря.

Это мое утверждение находит подтверждение и в том, что лицом, отчитывающимся за работу органов юстиции всего Союза по применению закона 8 декабря, является прокурор Союза т. Акулов.

В моем распоряжении имеются три докладные записки, направленные прокурором Союза в Совет народных комиссаров Союза по вопросу о том, как у нас обстоит дело с реализацией закона 8 декабря. В этих записках т. Акулов отчитывается не только за работу прокуратуры, но и за работу судебных органов. Здесь нет разделения, говорящего о том, что от сих до сих пор отвечаю я, ибо это относится к прокурорским органам, а от сих до сих пор отвечают за работу верховные органы суда, так как это относится к работе суда. Тов. Акулов как прокурор Союза отчитывается за всю работу и прокурорских органов и органов судебных.

Более того, в порядке организации работы по закону 8 декабря именно Прокуратура Союза разработала ряд вопросов, внесла целый ряд предложений как по линии Верховного Суда Союза, так и главным образом, по линии наркомюстов, с требованием проведения определенных организационных мероприятий, которые бы улучшали качество работы суда по применению закона 8 декабря.

Я потому на этом вопросе так подробно останавливаюсь, что отношение прокуроров (во всяком случае большинства прокуроров) к судебной работе по применению закона 8 декабря по сути дела ничем не отличается от обычного, совершенно ошибочного отношения к судебной работе вообще. Судебной работой прокуроры вообще очень мало занимаются, судебная работа по закону 8 декабря проходит также вне должного надзора прокуратуры, а в ряде мест проходит и совсем мимо прокуратуры.

Вы увидите из дальнейшего изложения материалов, что те мероприятия, которые были проверены прокуратурами на местах для лучшей реализации закона 8 декабря, характеризуют большую работу по активизации прокурорского аппарата, характеризуют перестройку прокурорской работы, в то же время они свидетельствуют об очень незначительных мероприятиях в отношении качества и необходимых темпов в работе судов по реализации закона 8 декабря.

Какими материалами располагает Прокуратура Союза, говоря об итогах применения закона 8 декабря? Я должен сказать, что Прокуратура Союза имеет исчерпывающие данные не только для того, чтобы представлять общую картину по применению закона 8 декабря по всему Союзу или по отдельным союзным республикам, но имеет в своем распоряжении материал, который дает возможность представить, что делается в каждой данной судебной и прокурорской единице, что представляет собой работа каждой прокуратуры и суда. Действительно мы имеем большой материал, полученный Прокуратурой Союза в результате живого общения прокуратуры Союза с прокурорской периферией. На оперативных совещаниях при Прокуроре Союза отчитывались все прокуроры союзных республик, отчитывались основные краевые и областные прокуроры, отчитывались и прокуроры городские и районные прокуроры. Надо сказать, что Прокуратура Союза не только ограничивалась одним прокурорским докладом, а затем прекращала работу в отношении данного аппарата прокуратуры, — ничего подобного. Целый ряд прокуроров отчитывался по несколько раз в зависимости от того, как разворачивалась работа того или иного прокурора, когда устанавливалась из тех материалов, которые он присылал после отчета в Прокуратуру Союза, что перестройки нет, что движения вперед в этой работе нет, этот прокурор либо вызывался еще раз, либо к нему посылали работников Прокуратуры СССР. Во всяком случае принимались все меры к тому, чтобы довести дело оказания ему помощи в работе до конца.

Прокуратура РСФСР отчитывалась 3 раза, Прокуратура УССР отчитывалась 4 раза. Почему Прокуратура Союза уделяла такое большое внимание работе этих прокуратур? Совершенно понятно, — потому что прокуратуры РСФСР и УССР являются теми прокуратурами, которые должны быть ведущими прокуратурами в вопросе применения закона 8 декабря и являются решающими, потому что по сути дела

¹ Сокращенная стенограмма на Всесоюзном прокурорском совещании.

от качества работы этих прокуратур будет зависеть выполнение аппаратом прокуратуры поручения правительства по применению закона 8 декабря.

Вот почему Прокуратура Союза должна была такое большое внимание уделять этим прокуратурам. Но это внимание объяснялось еще и тем, что когда стали проверять через месяц после введения в действие закона 8 декабря, как дело обстоит в прокуратурах РСФСР и УССР, то столкнулись с неповоротливостью и отставанием в оперативном руководстве периферией со стороны этих прокуратур. В марте Прокуратура Союза вынуждена была после докладов Прокуратуры РСФСР и Прокуратуры УССР констатировать совершенно неудовлетворительную их работу по реализации закона 8 декабря. Когда через некоторое время в порядке проверки работы снова заслушали доклад РСФСР и УССР, предварительно побывав на местах и посмотрев, как преломились указания Прокуратуры Союза по линии этих прокуратур на периферии, то вынуждены были констатировать, что сдвига нет и что с работой обстоит плохо. Это обстоятельство вынудило Прокуратуру Союза к тому, чтобы центр оперативной работы перенести в Прокуратуру Союза, это вынудило Прокуратуру Союза оперативно руководить крайвыми и областными прокуратурами РСФСР и УССР.

Надо сказать, что за последнее время начинают намечаться некоторые сдвиги в работе этих прокуратур. Нам представляется, что в ближайшем своем докладе эти прокуратуры сумеют показать, что они действительно перестроились, что им теперь можно передать оперативное руководство своей периферией в реализации закона 8 декабря, но им предстоит очень большая работа по устранению отставания в работе, по устранению той неповоротливости в оперативном руководстве, что отрывало их от периферии.

Помимо этого живого общения мы имеем в Прокуратуре Союза все приговоры, которые вынесены по делам 8 декабря.

Приговоры эти мы имеем почти по каждому делу. Если нет одного или двух приговоров, то это является исключением, но, как правило, все приговоры, которые вынесены по закону 8 декабря, получают прокуратурой Союза и проверяются здесь.

Имеется много и обвинительных заключений. Прокуратура Союза не стала на тот путь, чтобы требовать каждое обвинительное заключение, так как это целиком обезличило бы руководство прокуратур союзных республик, обвинительные заключения требуются тогда, когда данное дело берется под непосредственный контроль и руководство со стороны Прокуратуры Союза.

Имеются все кассационные определения верховных судов. Имеется ряд конкретных дел, просмотренных непосредственно Прокуратурой Союза. Этот материал дал возможность на ходу, в процессе каждодневной работы, каждой крайней и областной прокуратуры знать, как преломляются на практике те указания, которые даны прокуратурой Союза по применению закона 8 декабря.

Следующий источник — это связь с печатью. В Прокуратуре Союза очень не плоха эта связь. Получаются те газеты, которые отражают проведенные на местах процессы по закону 8 декабря. Это очень важный и ценный

источник, потому что он дает возможность выяснить и определить, как был подготовлен процесс, на что этот процесс ориентировал, как был проведен процесс, как выступала прокуратура и выступала ли прокуратура вообще, как прокуратура подготовилась к своему выступлению в процессе и т. д.

Наконец связь с Народным комиссариатом тяжелой промышленности. Эта связь выражается либо в том, что Наркомтяжпром ставит перед Прокуратурой Союза вопрос об отмене привлечения к ответственности того или иного хозяйственника, либо напротив ставит вопрос о привлечении к ответственности того или иного хозяйственника. Надо подчеркнуть, что и этот источник дает серьезный материал для того, чтобы оценить, как воспринят закон 8 декабря на месте, с какими трудностями приходится сталкиваться прокурорам при привлечении к ответственности того или иного хозяйственника и как они умеют бороться за то, чтобы довести свое убеждение о необходимости привлечения к ответственности до конца.

Вы видите, что Прокуратура Союза имеет такой материал, который дает все основания действительно утверждать, что имеется исчерпывающий материал для подведения итогов по практике применения закона 8 декабря.

Первый вопрос, который, переходя от этих общих замечаний, необходимо поставить, — это вопрос о том, как же количественно сейчас выражается судебно-прокурорская работа по применению закона 8 декабря?

На 15 апреля (если есть ошибки в цифрах, то они весьма незначительны: сверка цифр Прокуратуры Союза, которую я провел с цифрами РСФСР и УССР, говорит о том, что приводимые мною количественные данные правильно отражают действительное положение по применению закона 8 декабря) количественно мы имеем следующее положение.

По всему Союзу на 15 апреля возбуждено 363 дела. По республикам эта цифра распределяется так: по РСФСР возбуждено 264 дела, по УССР 56 дел, БССР 11 дел, Грузинской республике 7 дел, Узбекской 13 дел, Таджикской 6 дел и Азербайджанской 6 дел. Вот количественное выражение практики проведения закона 8 декабря, как она распределяется по отдельным республикам и по всему Союзу в целом.

Надо сказать, что если взять эти цифры без критического подхода, только с точки зрения количественного выражения, то каждый должен будет сказать, что работа проделана большая, что ставить вопрос об отсутствии активности в прокурорском аппарате, говорить о том, что прокуратура плохо организовала работу по применению закона 8 декабря, конечно будет нельзя. Но говоря об этих цифрах, необходимо сразу поставить основной вопрос: каково качество тех дел, которые составляют эти цифры, что по существу конечного результата отражает эта цифра? Отражает ли она действительно правильно организованную работу прокурорского и судебного аппарата по применению закона 8 декабря? Или мы имеем целый ряд таких ошибок, недостатков и дефектов, которые при наличии больших количественных показателей возбужденных дел в то же время не дают оснований для признания работы удовлетворительной? Иначе говоря, нет ли здесь увлечения количественной стороной за счет качественной? Нет ли здесь кам-

панейщины? Нет ли того, что когда из Прокуратуры Союза нажали, взяли, что называется, в переплет, то прокуратуры отстающие, оперативно неповоротливые в целях создания этого внешнего эффекта а быть может кое-кто и желая втеречь очки, начали погоню за количеством дел, за цифрами, в ущерб качеству, игнорируя то указание Прокуратуры Союза, которое и должно определить правильность работы прокурорского аппарата, не допуская ни в коем случае массового привлечения, быть организованно, политически метко, не допустить погони за количеством дел.

Если мы так поставим вопрос и подойдем к этим цифрам с этой точки зрения, то количественные показатели возбужденных дел по закону 8 декабря нас не только не должны успокаивать, но наоборот должны заставить вплотную заняться анализом этих количественных показателей.

По РСФСР, как я уже указал, возбуждено 264 дела по закону 8 декабря. В суде первой инстанции рассмотрено 96 дел — всего 35% (о темпах я буду говорить дальше).

Верхсуд РСФСР рассмотрел в кассинстанции 72 дела. Каковы же результаты? Утверждено всего 52%, 48% отменено либо полностью, либо переквалифицировано, либо изменено частично. Полная отмена доходит примерно до 36%. Не важно почему этот приговор отменен, потому ли, что суд допустил ошибку, потому ли, что прокуратура направила в суд неподготовленное дело, важно, исходя из этих показателей, сразу же поставить вопрос о качестве этих проведенных в суде дел и о качестве работы прокуратуры и суда, как это определяется данными Кассколлегии Верхсуда РСФСР, где утверждается 52%, а 48% либо изменяется, либо совсем отменяется.

Если взять отдельные области, то имеются такие показатели.

Сталинград. Сталинградская прокуратура на 1 марта имела 3 возбужденных дела по закону 8 декабря, а на 30 марта сталинградский прокурор т. Гарин развил величайшую активность и дает нам 22 дела. В суде рассмотрено 9 дел, до Верхсуда доходит 7 дел, из них отменяется 4 — больше 50%. Говорить об удовлетворительном качестве работы по закону 8 декабря при таком положении дел в Сталинградской прокуратуре конечно нельзя.

Прокуратуре РСФСР надо немедленно на месте проверить работу т. Гарина и по остальным 13—15 делам по закону 8 декабря и научить его, как надо вести работу для того, чтобы, борясь с браком, самому не выпускать и притом систематически недоброкачественной и некомплектной продукции.

Свердловская область. На 1 марта Свердловской областной прокуратурой было возбуждено 7 дел, на 30 марта большой скачок — 15 дел. Суды первой инстанции рассмотрели 5 дел, в Верхсуде рассмотрено 5 дел. Результат — 4 дела отменено. Положение не только не лучше, но еще хуже, чем в Сталинградской прокуратуре.

Я бы мог привести аналогичные данные и по другим краям и областям, но я думаю, что и этого достаточно для некоторых общих выводов. Прежде чем к ним перейти, остановлюсь еще на одном обстоятельстве. Если взять РСФСР в целом, то увидим, что мы не имеем равномерно идущей работы по закону 8 де-

кабря, а имеем в вопросе возбуждения дел чрезвычайно скачкообразную кривую.

На 1 марта по РСФСР было возбуждено 133 дела. На 30 марта, т. е. за один месяц возбуждено 112 дел. Всего по 30 марта возбуждено 245. Если исходить из результатов рассмотрения этих дел в Верхсуде РСФСР, то мы должны будем прийти к несомненному выводу, что в ряде прокуратур (конечно не везде) имеется увлечение количественной стороной, имеется погоня за цифрой, имеется тенденция показать наибольшее количество возбужденных дел по закону 8 декабря, а на качество дел должного внимания не обращается.

Если вообще судебный брак недопустим, то по делам по закону 8 декабря он должен быть совершенно исключен. Отмены приговоров по делам по закону 8 декабря быть не должно.

Если приговор по делу, проходящему по закону 8 декабря, отменяется, то, как правило, ставить дело вторично на суд нет никакого смысла. В самом деле, подготавливая эти дела, мы мобилизуем общественность и в стадии расследования и в стадии слушания дела в суде, и если после этого через довольно продолжительное время дело возвращается с отмененным приговором для вторичного слушания — слушать дело вторично, когда вся работа сведена на-нет, нет смысла, вторичное слушание дела может дать обратный политический эффект тому, который мы должны получать по делам по закону 8 декабря. Это только дезориентирует общественное мнение.

Поэтому первый вопрос, который должен быть поставлен со всей остротой, — это вопрос о качестве возбужденных дел, это беспощадная борьба с погоней за количеством в ущерб качеству.

Должен сказать, что мы имеем только кассационную практику Верхсуда РСФСР.

Кассационной практики Украины я представить не могу, так как ее фактически нет. 56 дел возбуждено на Украине, из них 24 дела рассмотрено в судах первой инстанции, и только два дела и совсем недавно рассмотрено в кассационной инстанции Верхсуда УССР; больше в кассационной инстанции Украины дел не прошло, и поэтому показа того, как же работают прокурорско-судебные органы по реализации закона от 8 декабря на Украине, какова политика кассинстанции Верхсуда Украины, каковы нарушения в судебной практике на местах, что должно найти отражение в решениях Верхсуда Украины, — этого мы не имеем.

Этого не может нам сказать и прокуратура УССР, которая не только не занималась вопросом быстрого продвижения этих дел в кассационной инстанции Верхсуда Украины, но которая приложила довольно много усилий к тому, чтобы задержать рассмотрение этих дел в кассационной инстанции Верхсуда.

Мы имеем 24—25 приговоров, вынесенных судами первой инстанции, не прошедших еще кассационной инстанции Верхсуда Украины, но ряд рассмотренных Прокуратурой Союза приговоров говорит о том, что после рассмотрения всех дел в кассационной инстанции мы и на Украине получим не меньший процент отсева дел, чем в Верхсуде РСФСР.

И на Украине мы имеем погоню за количеством в ущерб качеству, мы имеем возбужденные таких дел, по которым закон 8 декабря применен быть не может: привлечение за вну-

тризаводской брак к ответственности по закону 8 декабря рабочих, десятников и т. д.

Аналогичную картину небрежного, невнимательного отношения к качеству возбужденных дел мы имеем и во всех других республиках.

Итак мой первый вывод, который я делаю, — этот вывод о том, что большое количество возбужденных дел по закону 8 декабря, как показывают кассационная практика Верховного Суда РСФСР и просмотр приговоров судов по другим республикам, свидетельствует, что на местах прокуратуры по делам по закону 8 декабря допустили погоню за количеством в ущерб качеству, допустили совершенно неудовлетворительный надзор за возбуждением, расследованием и рассмотрением этих дел в судах.

Перейдем ко второму вопросу — к вопросу расследования дел по закону 8 декабря. Прокуратура Союза потребовала, чтобы каждое дело по закону 8 декабря возбуждалось с разрешения краевого (областного) и республиканского прокурора. Это дано было как обязательное условие возбуждения этих дел и считалось, что это гарантирует действительно правильный подход к возбуждению дел по закону 8 декабря, что это гарантирует политически четкое и выдержанное применение закона 8 декабря. Далее Прокуратура Союза требовала, чтобы самый процесс расследования все время находился в поле зрения краевого (областного) прокурора и чтобы обвинительное заключение обязательно утверждалось и подписывалось краевым (областным) прокурором, потому что предполагалось, что если он дает свою подпись на обвинительном заключении, то это значит, что он знает это дело, читал его и отвечает за него. Прокуратура Союза требовала от республиканских прокуроров, где нет краевого (областного) деления, чтобы они конкретно, оперативно руководили каждым делом, чтобы и они лично утверждали обвинительные заключения.

Выполняются ли эти требования Прокуратуры Союза? Нет, не выполняются. В вопросе возбуждения дел и следственного прохождения этих дел мы имеем самотек. Требования Прокуратуры Союза сконцентрировать внимание руководителей прокурорских аппаратов на местах на этой работе не выполнены. (Акулов, Правильно). Отсюда мы имеем тот громадный брак в этой работе, о котором я говорил выше. А в этих делах, я повторяю, судебный и прокурорский брак совершенно недопустим. Мы судебную репрессию применяем по этим делам к ответственным хозяйственникам, и если мы срываем этих людей с работы, как после оказывается, без всяких оснований, то мы государству наносим большой вред. Вот почему сугубо осторожного подхода требовала Прокуратура Союза к этим делам. И второй вывод, к которому я прихожу, это самотек в расследовании и возбуждении дел по закону 8 декабря, самотек, который мы имеем до сих пор.

Республиканский, краевой (областной) прокурор должен безоговорочно выполнить указанные требования о порядке возбуждения и расследования этих дел, которые даны по линии Прокуратуры Союза. Только выполнение этих требований может дать надлежащее качество дел по закону 8 декабря. Вот ряд примеров, кого привлекают, о ком возбуждают дела и как ведут расследование. По делу о плохом ремонте пароходов на заводе имени Сталина Сталинградская прокуратура предала суду

рабочего-литейщика; та же Сталинградская прокуратура за выпуск хлебозаводом недоброкачественного хлеба возбуждает дело и привлекает к ответственности ряд второстепенных работников, директор же завода остается в стороне; но дальше, когда это дело проверяли в Прокуратуре Союза по существу, то оказалось, что никакого выпуска недоброкачественного хлеба не было, а был внутриводской брак.

В том же Сталинграде по закону 8 декабря предал суд работников артели инвалидов за недоброкачественную выпечку 796 булок.

В Киеве за выпуск швейной фабрикой им. Смирнова недоброкачественной продукции осудили работников.

В Узбекской республике ряд МТС за плохой ремонт тракторов осудили по закону 8 декабря рабочих трактористов и т. д. Примеров к сожалению можно привести очень много.

Как могло произойти, что такие дела были возбуждены по закону 8 декабря и направлены в суд? Единственно в результате самотека в работе по следствию, в результате того, что следователь был предоставлен сам себе и вел дело так, как он понимал, а ответственного политического руководства по делу не было. Самотек в следствии приводит к тому еще, что привлекают не тех, кого надо. Мы имеем ряд решений Верховного Суда РСФСР, в которых приговор остается в силе, но при этом дается задание прокуратуре привлечь еще целый ряд лиц, главным образом ответственных лиц — директора завода, пом. директора и нач. ОТК и т. д. Что кроме вреда может дать так проведенное дело, когда судят не тех, кого надо, и что политически будет достигнуто после проведенного процесса, если будет поставлен второй процесс в отношении директора, пом. директора и зав. ОТК и других ответственных лиц. Я считаю, что это дела не поправит. Мы должны обеспечить необходимое качество работы с первого момента возбуждения дел.

Вот почему надо решительно и немедленно ликвидировать основные дефекты нашей работы и в вопросе возбуждения дела и в вопросе руководства следствием и преданием суду.

Очень важно поставить следующий вопрос: темпы рассмотрения дел по закону 8 декабря в судах и темпы движения этих дел в расследовании. Я указал, что мы имеем 363 дела, возбужденных по всему Союзу. Между тем в суд передано не более 30%, а остальные дела находятся в следствии или лежат в суде и не рассмотрены. В директиве Прокуратуры Союза был поставлен вопрос о том, чтобы следствие по этим делам проводилось в сроки от 5 до 10 дней. Мы в Прокуратуре Союза провели ряд дел, почему дела задержались, потому ли, что нужно было провести ряд сложных следственных действий, экспертизу и т. д.? Ничего подобного. Это происходит все из-за того же самотека, потому что к этим делам «обычное» отношение. Они не выделены в особую категорию дел. Эти дела поступают к следователю, он их складывает в порядке очереди, и они лежат и ждут очереди. Правда, мы имеем и перегиб в другую сторону, когда прокурор Узбекистана т. Кибардин дает директиву о том, чтобы следствие по делам 8 декабря проводилось в сроки не больше чем до 5 дней. Прокуратура Союза указывает, что это следствие должно, как правило, быть произведено на производстве, что оно должно быть проведено открытым методом с привлечением обще-

ственности, считая, что если правильно подготовлено дело, то от 5 до 10 дней вполне можно такое дело проверить. Прокуратура Союза допускает удлинение срока следствия, когда необходимо провести сложное следствие, а между тем т. Кибардин, вместо того чтобы обеспечить должное выполнение этих указаний Прокуратуры Союза, говорит, что следствие нужно вести до 5 дней и никак не больше, отказываясь при этом от всех установок о методах следствия по делам по закону 8 декабря.

Конечно заранее ясно, что качество работы у Кабардина будет соответствовать этому администрированию. Однако темпы работы у нас неудовлетворительные. Вот по Западной Сибири из 18 дел рассмотрено на 15 апреля в суде только 2. Из них кассационная инстанция Верховного суда утвердила только одно дело. Средневожжский край: возбуждено 15, рассмотрено в суде на 10 апреля одно дело. Азово-Черноморская прокуратура возбудила 8 дел, рассмотрено в суде — 1. Прокуратура УССР возбудила 50 дел и после величайшего нажима рассмотрено в суде 24 дела.

Есть совершенно отстающие прокуратуры как по возбуждению дел, так и по рассмотрению в суде. Вот Северная краевая прокуратура: она до последнего времени совсем не имела дел по качеству, и только теперь, когда туда приехал новый крайпрокурор Сахов, мы имеем одно дело — директора завода «Сокол». У т. Алетера по Саратову мы по данным на 15 апреля не имеем также ни одного дела. По Челябинску почти нет дела, а мы знаем, т. Леонидов, каково у вас качество выпускаемой продукции.

Итак темпы неудовлетворительные, я это объясняю тем же самотеком в работе в отношении этих дел. Нет необходимой организации в работе, нет должного надзора со стороны непосредственно край (обл) прокурора за этими делами.

Я хочу еще раз обратить внимание на то, что у нас идет какая-то скачкообразная линия в работе по закону 8 декабря.

Было бы неправильным, конечно, если бы вопросы, связанные с неудовлетворительным качеством нашей работы, я целиком и полностью приписал только следствию и надзору за следствием. Это сузило бы вопрос. Это было бы неверно. Огромная доля вины лежит конечно на следствии, но очень много надо отнести и за счет суда, за счет неправильного подхода к этим делам со стороны судебного аппарата. И когда я вначале говорил о том, что мы являемся ответственными согласно указанию союзного правительства за качество всей работы, в том числе и за качество судебной работы, то я имел в виду, что те данные о низком качестве судебной работы, которые мы имеем, ни в какой степени не освобождают нас от ответственности за это низкое качество работы суда.

У меня есть целый ряд примеров, которые говорят о том, как зачастую суды неправильно подходят к применению закона 8 декабря по делам, которые являются великолепным примером закона 8 декабря и на которых можно мобилизовать внимание к борьбе против брака, — суды эти дела смазывают, переходя на ст. 111, эти дела применяя не предусмотренную законом меру уголовной репрессии.

Сталинградский краевой суд по одному из дел о недоброкачественной выпечке хлеба приговаривает директора завода к исправительно-трудовым работам, технического директора к

5 годам лишения свободы условно, а мастера завода к 6 годам лишения свободы. Кому будет понятен такой приговор? Что кроме недоумения он может вызвать? Конечно никакого мобилизующего воздействия такой приговор не окажет. Лучше совсем не ставить дела, чем так его провести.

Аналогичный пример: Североосетинский областной суд за выпуск швейной фабрикой недоброкачественной продукции осудил директора фабрики к 1 году исправительно-трудовых работ, а начальников двух цехов к 5 годам лишения свободы.

Западный областной суд по делу о выпуске чугуно-литейным заводом недоброкачественной продукции осудил технического директора к 5 годам в то время, когда из дела совершенно точно вытекала вина директора завода.

Ленинградский областной суд за выпуск МТС недоброкачественно отремонтированных тракторов осудил виновных совершенно неправильно по ст. 111 к исправительно-трудовым работам. Приговор прокурором опротестован.

Целый ряд таких неправильных решений говорит о наличии у многих судов неправильного подхода к делам по закону 8 декабря.

Имеется у нас ряд политически неправильных мотивов суда при рассмотрении этих дел. Вот например мы имеем такую мотивировку суда при отказе от применения закона 8 декабря: «Переходя к вопросу о том, умышленно или неумышленно это произведено, суд пришел к выводу, что неумышленно, так как обвиняемый принадлежит в целом к рабочему классу». Это, товарищи, выносит не народный суд, а Ленинградский областной суд. Комментарии к такой мотивировке излишни. Политическая неверность ее ясна.

Из-за краткости времени я оставляю в стороне вопрос о работе подготовительных заседаний, но должен сказать, что и здесь мы имеем совершенно неудовлетворительное качество работы подготовительных заседаний, дела не просматриваются, а штампуются, отсева должного нет и т. д.

Особо я хотел остановиться на темпах рассмотрения дел в судах и организации такой работы прокурорского надзора, когда бы вся судебная практика по этим делам была бы сконцентрирована в прокуратуре так, чтобы можно было немедленно исправить извращения судебной практики и судебной политики. У нас чрезвычайно сильно задерживаются рассмотрением дела в суде. Прокуратура передает дела в суд и они там лежат. Почему? Мы имеем совершенно точные данные, которые говорят о том, что в ряде мест судьи сознательно оттягивают рассмотрение этих дел.

Этот вопрос — вопрос политический, он, надо сказать, прошел мимо внимания прокуратуры. Ни один прокурор по сути дела не поставил вопроса о том, что необходимо выделить особых судей для рассмотрения этих дел, ликвидировать обезличку и т. д. Следующий вопрос, — также относящийся к судебной работе, — это вопрос (он не будет касаться областного (краевого) прокурора) будет касаться прокуратуры республик и в первую очередь прокурора РСФСР, потому что, как я уже указал, работы прокуратуры Украины по Верховному Суду Украины пока еще нет. Я считаю, что по отношению к надзору за кассинстанцией Верховного суда мы имеем точно так же недостаточное правильно организованную работу прокуратуры, иначе нельзя

объяснить целого ряда таких решений, которые мы имеем по линии кассинстанции Верховсуда и не опротестованных вовсе или опротестованных с большим опозданием прокуратурой РСФСР.

Мы должны добиться такого положения, чтобы когда кассинстанция Верховсуда отменяет приговоры суда первой инстанции, она отменяла их таким образом, чтобы они учили, политически выправляли работу судов на будущее, чтобы они давали соответствующее направление в работе судам и не только данному краевому суду, по которому приговор отменен, а всем судам. Этого нет. Кассинстанция Верховсуда часто выносит такие решения, которые ничему не учат, ничего не выправляют, а в ряде случаев прямо дезориентируют.

Какой же иной вывод можно сделать по определению по делу выпуска недоброкачественных бисквитов, выпущенных фабрикой Самойлова в Ленинграде?

Дело о недоброкачественном выпуске бисквитов, выпущенных фабрикой им. Самойлова совершенно правильно было квалифицировано по закону 8 декабря и направлено в суд. Суд переквалифицировал это дело на другие статьи и приговорил Стригалову к 3 годам условно и Алабова к 6 месяцам. У прокурора Ленинграда было расхождение с судом. Поскольку на месте было расхождение между прокуратурой и судом, Верховсуд должен был бы дать указания, почему он утверждает решение суда, если он стал на его точку зрения.

Верховсуд вынес такое решение: кассколлегии Верховсуда РСФСР оставляет приговор в силе, но снижает Стригалову с 3 лет условно до 1 года условно. Снизили с 3 лет до 1 года условно и кончено. Это говорит о совершенно неприципиальном, бюрократическом отношении со стороны отдельных товарищей кассколлегии Верховсуда к делам по закону 8 декабря. Сейчас это дело опротестовано в президиум Верховсуда, причем опротестовано с большим опозданием. После того как прошло столько времени, я не знаю даже, целесообразно ли вооружить это дело.

Если бы был со стороны прокуратуры РСФСР должный надзор за кассколлегией, то протест был бы внесен сразу же, причем даже независимо от того, правильно ли решен вопрос о применении ст. 111, а не закона 8 декабря, ибо такое определение не может быть оставлено в силе.

Я мог бы привести еще целый ряд решений аналогичного качества.

Какой же вывод? В центре — в прокуратуре РСФСР еще не организовано таким образом обслуживание кассколлегии, чтобы вся сумма вопросов и практика, которая стекается туда, были бы в поле зрения прокуратуры РСФСР и чтобы на этом материале воспитывались работники на местах.

Следующий вопрос о направлении удара: кого осудили, куда направлен репрессивный удар. Это характеризуется следующими цифрами: по рассмотренным в суде 192 делам осуждено 143 человека. Из них: директоров — 18%, зам. директоров — 4%, технических директоров и зав. производством, главных инженеров — 12%, нач. цехов — технических руководителей — 17%, мастеров — 28%, нач. ОТК — 18%, заведующих шахтой — 1% и прочих (десятники и т. д.) — 1,8%.

К каким мерам уголовной репрессии приговорены осужденные? В основном к 5 годам лишения свободы и выше, ниже 5 лет приговоренных мало. Вот кого мы привлекали и вот репрессии. Прокуратура Союза, когда слушала доклады прокуратуры УССР и прокуратуры РСФСР, подчеркнула, что привлечение к ответственности у нас до сих пор недостаточно правильно, что до сих пор продолжается направление удара на лиц второстепенных на данном предприятии, в то время как остаются в стороне лица ответственные, которые в первую голову должны отвечать и отвечают за качество выпускаемой продукции. По РСФСР это привело к тому, что по двум десяткам дел дополнительно вынесены определения кассационной инстанции Верховсуда о привлечении к ответственности тех или иных руководителей предприятий. Я уже указывал, что это нелепость, вторичный процесс ничего не даст. Вот почему, когда мы говорим о линии направления удара, нужно отметить, что та обезличка, которую мы имеем в работе следствия и в работе суда, — она приводит к ошибкам и в направлении удара.

Мне кажется, что репрессия не может вызвать замечаний, примерно она применяется так, как этого требует закон. На какие предприятия падает привлечение по закону 8 декабря? Вы знаете, что Прокуратура Союза издала ряд директив, в которых указывала, что основной удар должен быть направлен по линии тяжелой промышленности и промышленности, работающей на оборону.

У нас сейчас 30—40% дел по тяжелой и оборонной промышленности, в эту статистику включены и дела по ремонту тракторов и ремонту вагонов и т. д. А если взять чистую цифру по применению закона к промышленности, работающей на оборону, то мы имеем 5%, а всего получается по тяжелой и оборонной промышленности 20%. Это говорит о слабости прокурорской работы и отсутствии должного охвата этих отраслей промышленности — промышленности тяжелой и работающей на оборону. Этот вопрос сейчас должен занять основное внимание судебных и прокурорских работников по реализации закона 8 декабря.

В первой же директиве Прокуратуры Союза было указано требование проверять, какой эффект производят процессы на данном предприятии. Целый ряд прокуроров дал блестящие образцы результатов проверки эффективности процессов, проведенных на предприятиях (Ленинград, Москва и Московская область).

Тов. Пальгову (Ленинградская обл.) удалось очень не плохо поставить проверку эффективности процессов, поставленных на предприятиях. У него только та ошибка, что он приближает время проверки ко времени вынесения приговора.

Мне кажется, что не плохо провел эту работу тов. Фридберг — прокурор Восточносибирского края. Он поставил эту работу у себя в аппарате таким образом, что не считает дела законченным, пока не будет проверена эффективность процесса, причем он установил 2 срока: через 1 месяц после судебного процесса и примерно через 3 месяца. Таким образом он производит проверку тогда, когда этот приговор может дать немедленное отражение в работе предприятия, и затем он оттягивает эту проверку, чтобы проверить, действительно ли выправились предприятие, сократило ли оно

выпуск недоброкачественной продукции и т. д.

Но надо сказать, что целый ряд прокуратур проверкой результатов не занимаются. Они не интересуются, что делается на предприятии и какое получилось впечатление от процесса, а я считаю, что совершенно неправильно поставлен вопрос таким образом, что наша работа может считаться тогда законченной, когда мы проверили, что произошло на данном предприятии после проведения судебного процесса.

Мне кажется, что правильно стал ряд прокуроров на путь решительного проведения открытого следствия и привлечения общественности к делу уже в стадии самого предварительного расследования.

Опять-таки в Ленинграде и в других областях мы имеем очень не плохие образцы проведения открытого следствия, также и в Московской обл. Это приводит к тому, что в этих областях мы имеем меньшее количество брака по делам по закону 8 декабря. Сразу выясняется, и куда надо направить следствие, и кто виновен в выпуске брака, и т. д. Вот почему метод открытого следствия, на путь которого смело стал ряд прокуроров, должен качественно поднять работу всех прокуратур, но для этого нужно следствие поручать более квалифицированным следователям.

Мы в нашем предложении поставили вопрос о том, что надо в отношении следователей по делам по закону 8 декабря ликвидировать обезличку и надо не каждому следователю давать проведение следствия по закону 8 декабря, а нужно выделить определенную категорию следователей, которые и будут проводить следствие по этим делам и все время будут находиться в поле внимания непосредственно краевого, областного прокурора.

В частной беседе с некоторыми товарищами выяснилось, что они считают, что лучше этого не проводить и что это сузит их оперативные возможности. Я считаю эту точку зрения ошибочной, так как наше предложение ликвидирует обезличку и поднимает качество следствия на высокую ступень.

Следующий из вопросов, на котором я хотел остановиться, — это вопрос о понятии внутризаводского брака.

Прокуратура Союза дала директиву, в которой указала, что за внутризаводской брак применять закон 8 декабря нельзя. По внутризаводскому браку должна действовать инструкция, в свое время подписанная тт. Крыленко и Орджоникидзе, о порядке привлечения к уголовной ответственности хозяйственников, виновных в той или иной хозяйственной неполадке.

Мы бьем по закону 8 декабря за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции. Что мы понимаем под выпуском недоброкачественной продукции? Мы имеем ряд определенных касколлегии Верховсуда, из которых видно, что существует такое понимание внутризаводского брака, когда внутризаводским браком считается и та продукция, которая уже сдается приемщику, но приемщик отказывается ее принять, и она остается на заводе. Я считаю, что это неверно. Продукция завода, сдаваемая приемщику, является сданной продукцией, и выпуск такой недоброкачественной про-

дукции должен квалифицироваться по закону 8 декабря.

Последний вопрос о взаимоотношениях с профессиональными организациями и с хозяйственниками. Мне кажется, что на местах товарищи слабо ставят вопрос о бездеятельности профессиональных организаций, слабо ставят вопрос о том, что профорганизации в ряде мест выключили себя из борьбы за качество продукции и реализации закона 8 декабря. У меня есть ряд примеров, которые свидетельствуют об этом и не только об этом, но и о прямо противоположном прокуратуре.

Вот завком войлочной фабрики № 4 не только не помогал следственным органам, но выделит общественного защитника бракоделам.

Председатель завкома завода «Красный профинтерн» отказался предоставить Одесской сессии суда помещение для ведения процесса.

Мы имеем целый ряд других примеров, когда по линии профорганизаций и хозяйственников имеется прямое противодействие проведению процессов по закону 8 декабря. Вот в Западной Сибири, в Новосибирске, Уполнаркомтяжпрома на одном совещании заявил, что об издании закона он не знал, так как закона ему не доложили, а он его не заметил. На том же совещании было заявлено, что популяризацией закона не занимались, так как были заняты другой работой — подготовкой к первыборной кампании и к XVII партийному съезду.

Это противодействие работе прокуратуры со стороны профорганизаций и хозяйственников не встречало должного отпора со стороны прокуроров.

В директиве Прокуратуры Союза жестко поставлен вопрос о привлечении к ответственности тех, кто препятствует работе прокуратуры по этому закону. В этом вопросе нужно быть достаточно активным и решительным.

Я заканчиваю. Итак мои выводы следующие.

Мы имеем самотек и обезличку в работе по руководству следствием по делам 8 декабря, по возбуждению этих дел, по надзору за направлением этих дел, самотек в надзоре за работой наших судов, мы своевременно не реагируем на те извращения, которые мы имеем в судебной практике и в судебной политике, мы должным образом не реагируем на отставание темпов рассмотрения этих дел в суде и мы не имеем правильно организованного надзора в Прокуратуре Республики по РСФСР и по УССР за кассационной работой.

Надо будет пересмотреть линию направления репрессивного удара, направляя удар по тем лицам из руководства предприятия, которые отвечают за выпуск недоброкачественной продукции; надо будет основное внимание сосредоточить на тяжелой и оборонной промышленности. Только устранив указанные выше серьезные ошибки и дефекты в нашей работе по реализации закона 8 декабря, прокурорский и судебный аппарат сможет явиться действенным орудием в борьбе за выполнение указаний вождя нашей партии т. Сталина: «Улучшить качество выпускаемых товаров, прекратить выпуск некомплектной продукции и наказывать всех тех товарищей, невзирая на лица, которые обходят законы советской власти о качестве и комплектности продукции».

Первое Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников

Прения по докладу прокурора Союза И. А. Акулова и содокладу председателя Верховсуда СССР А. Н. Винокурова „XVII съезд партии и задачи революционной законности“¹

(Вечернее заседание 23 апреля и утреннее заседание 24 апреля)

Орловский (главный военный прокурор). Основное значение доклада т. Акулова в том, что вопросы, которые были решены XVII съездом партии, были обращены в его докладе в сторону практической сегодняшней работы органов советской юстиции.

И что особенно значительно в этом докладе — это то, что в нашей работе, как и во всякой отрасли советской работы, нет таких мелочей, мимо которых, отмахиваясь от которых, как бы они скучны иногда ни казались, мимо проходить нельзя, ибо из мелочей очень часто строятся величайшие дела в нашем социалистическом строительстве.

Мне хотелось бы остановиться на двух вопросах, которые мне кажется имеют большое значение: о работе Прокуратуры Союза по проверке работы судебно-прокурорских органов в республиках Средней Азии, которую я возглавлял по поручению прокурора Союза, и об оборонной работе советской юстиции.

О Средней Азии надо сказать, что в практике у нас очень часто получаются чрезвычайно оригинальные явления, мы имеем целый ряд процессов, которые иногда сплошь и рядом повторяются. В частности в Средней Азии мы имели в течение последних 3 лет ряд политических процессов, которые упирались в руководство органов юстиции той или иной союзной республики Средней Азии.

Комиссия при содействии нового руководства прокуратуры, в частности при содействии т. Ахметбекова, при содействии ЦК нацкомпартий Средней Азии выявила целый ряд неблагоприятных в работе и верхсудов и прокуратур союзных республик в Средней Азии.

У нас говорят, что нет кадров и нет работников. Мы упираемся иногда в то, что люди неправильно использованы, а иногда не занимают тем делом, которое им поручено. Мы видели таких прокуроров при верхсудах союзных республик, которые читают дело не с начала, а с конца, т. е. читают обвинительное заключение и приговор и может быть 3—4 документа посредине дела. Это трафарет, и поэтому работа таких товарищей качественно очень низка.

Мы видели такого члена Верховсуда Туркмении, как Пудовкина, который поехал на сессию в Чарджуй, взял с собой 100 дел, но рассмотрел там только 18 дел, а 82 дела привез обратно, пробыв в командировке 3 мес.

Мы видели кассационный отдел Верховсуда Туркмении. На 1 января 258 дел нерассмотренных, причем из этих дел 96 о лицах, содержащихся под стражей, лежат со сроком более 5 месяцев без рассмотрения.

Мы рассматривали работу Верховсуда Туркмении. Есть у них какие-либо постановления

плenumов Верховсуда Союза? Вы знаете, что Верховсуд занимался вопросами разъяснения закона 7 августа и давал указания на места. Таких папок и таких протоколов в природе вообще не оказалось.

В свете этих недочетов особое значение приобретает организационная работа суда и прокуратуры, которая заключается в умении организовать весь процесс нашей судебной, прокурорской работы, в умении так распорядиться людьми, чтобы Иванов, Петров и Сидоров были правильно поставлены на работу, что на местах не всегда имеет место.

Затем нужно наладить то, что отмечал здесь т. Акулов, — правильное воспитание и переподпитание кадров и контроль за исполнением, который не дает возможности повторяться таким случаям или будет их вскрывать своевременно.

И второй вопрос — об оборонной работе органов советской юстиции.

Я думаю, что сейчас, когда мы перестраиваемся в свете борьбы с функционалкой, мы, военная прокуратура, очень много отбрасываем вопросов, которыми до сих пор занимались по недоразумению. Мы занимались очень многими вопросами, которые не имеют внутриармейского значения. Вот например жалобы. Жалоба подается семьей красноармейца. Мы часто переписывались с риком и райпрокуратурой и т. д. Сейчас всю эту работу мы передаем общей прокуратуре. (Голос с места. Мы вели эту работу). Вели, но слабо. Мы до 20—30 чел. районных прокуроров предали суду, так как они не так вели эту работу, как нужно вести.

Я думаю, что нам сейчас в свете перестройки основное внимание необходимо уделить вопросам оборонной работы в армии.

Если мы повысим качество этой работы, тогда у нас не будет целого ряда таких недоразумений, которые мы имели в области взаимоотношений, а именно некоторую изоляцию военносудебных отделов от общих, которая все еще наблюдается до сих пор.

Антонов-Саратовский (председатель Уголовно-судебной коллегии Верховсуда СССР). Я хотел бы, товарищи, отметить, что в настоящее время судебная система не является достаточно мобилизованной и организованной, чтобы выполнить все те громадные задачи, которые стояли перед ней.

Если мы возьмем основной момент нашей судебной политики, о котором здесь говорили, — закон 7 августа, то мы должны будем сказать, что, несмотря на то, что этот закон существует уже почти 2 года, он все же в некоторых местах применяется неправильно. На Украине после издания этого закона — через несколько месяцев — было издано постановление, которое по существу создавало путаницу.

Второй момент — это неумение выявить классовое лицо. Сколько ни просматриваешь дел по

¹ Прения даются в сокращенном виде.

закону 7 августа, видишь, как иногда беспомощны судьи. Опираясь только на формальные признаки — паспорт или какой-нибудь документ сельсовета, — они судят, не умея в процессе судебного следствия выявить политическую физиономию человека, обвиняемого по закону 7 августа. И не спраста в отдельных областях и республиках, например, в Украинской ССР, в Среднеазиатских республиках, мы имеем любопытный факт, что нередко репрессии по закону 7 августа падают на родственные нам слои — колхозников, бедняков и т. д.

Я считаю, что и по закону 8 декабря не все обстоит благополучно. Не много привлечено по этому закону сравнительно с тем выласким браком, который существует в нашей стране. Но и качество этой работы неудовлетворительно. По данным, которые я непосредственно брал на местах, одна часть дел проскакивала в народном суде, но отменялась краевым судом, и другая часть отменялась Верховным, пройдя областные суды. Из всех дел по Харьковскому областному суду два дела имеются в Верховном суде, из них одно дело отменено, и отменено правильно, и другое дело находится на «весу». Результаты, товарищи, чрезвычайно слабые. Итак по целому ряду дел, какой бы мы вопрос нашей судебной политики ни взяли, мы видим, что отстаем, и прав т. Винокуров, говоря, что политику мы знаем, но в разрезе судебных мероприятий проводить ее еще не научились.

Те величайшие задачи, которые стоят перед нами, требуют прежде всего поднять квалификацию наших судей, установить определенный политический и юридический минимум для них, заставить всех наших судей знать этот минимум и проверить через некоторое время, что они знают, и затем сделать общую проверку наших судебных работников для того, чтобы устранить из нашей системы все те элементы, которые не отвечают званию советского судьи.

Вторая причина заключается в том, что расстановкой сил наших кадров не занимались руководящие судебные органы; получается так, что в Днепропетровске лучшие судьи, чем в Кривом Роге, где имеется рудная база. В Донбассе судьи слабее, чем в Харькове или в другой области. Это значит, что мы не умеем оперировать судьями, расставить правильно так наши кадры, чтобы там, где этого требуют политические и хозяйственные задачи, мы имели бы наиболее сильный состав судей.

Следующий момент я называю активизированием судей. У нас судья до сих пор считает, что если прокурор не дает ему, так сказать, пищи, не дает ему дел, он совершенно свободен и политически за это безделье не отвечает. С каких это пор общественно-политический работник не отвечает при проведении директивы партии и правительства, если другие ничего не делают? Никуда негодная постановка дела. Судья должен пользоваться статьями 91 и 95 УПК, если прокуратура не дает дел; судья, зная свой район, должен возбуждать дела по нарушениям вышеуказанных директив и постановлений. Многие товарищи скажут: какой путь, какая база имеется для такого возбуждения дел судьями? Колоссальная, которой не имеет прокуратура. Это товарищеские суды — производственные, совхозные, общественные сельские суды. Это — гигантская база, разветвленная по всему нашему производству.

Товарищеские суды являются широчайшей базой, которые могут сигнализировать нашим народным судам о преступлениях лучше, чем кто-либо другой.

Далее считаю нужным обратить внимание на то, что наши судьи жестко не борются с тем негодным материалом предварительного следствия, который им посылается следователем и прокурором. Здесь судья должен жестко отбраковать негодный материал, причем я считаю, что не только отбраковать и спасти от излишней загрузки. Нет, не только это; нужны меры более кардинальные. Судья должен, отменяя все негодное, вести учет следственному и прокурорскому браку и доводить до сведения вышестоящих судебных органов об этом браке с указанием виновных, — это с одной стороны; если этот брак выявится в судебном следствии (а в результате может быть политический провал судебного дела), необходимо, чтобы судья в особом определении привлекал к ответственности виновных в негодном следствии и обвинении. Только тогда мы будем иметь ответственность прокуроров, когда они будут знать, что закон 8 декабря относится также и к ним.

Наш судья выносит только решение, не обращая внимание на ту хозяйственную и организационную обстановку, которая создана в данном предприятии, совхозе, колхозе или учреждении и которая проходит по делу. Сигнализация у нас почти отсутствует. Я считаю, что активный судья должен выявлять и сигнализировать по хозяйственным и организационным неполадкам; своей сигнализацией партийным и советским органам, включая правительство, судья может дать громадный материал для изменения той организационной обстановки, которая сплошь и рядом создает преступления.

Мы выносим приговоры, но не знаем, какие результаты по этим приговорам, какова эффективность нашей репрессивной и воспитательной работы. Я считаю, что нам этот вопрос надо четко и обстоятельно поставить. Дело не в том, сколько мы засудим людей. Чем больше судья бьет на массовую репрессию, тем хуже ему должна быть характеристика. Дело в том, какова эффективность наших репрессий и воспитательной работы. Для народных судов колоссальную роль в учете и выявлении эффективности сыграл товарищеские суды, они вам сейчас сигнализируют результаты того или другого приговора.

Мне говорят, что время истекло, и я не могу сейчас коснуться ни качества судебного следствия, ни качества приговоров, ни роли товарищеских судов, ни наконец роли Наркомюста и взаимоотношений между судебной системой и прокурорской.

Я коснусь еще одного большого вопроса: наши судьи, дисциплинируя других посредством закона, очень небрежно сами относятся к законам правительства и к директивам, которые дают вышестоящие руководящие судебные органы. Надо четко установить, что наши судьи в первую очередь должны прекратить эту недопустимую, вредную партизанщину и строго соблюдать законы, соблюдать указания руководящих органов.

Бронецкий (пред. облсуда Западной Сибири). В свете решений XVII партсъезда вопрос стоит не только о перестройке нашей судебной работы, но и о перестройке нашей судебной политики.

Тов. Акулов говорил, что у нас, несмотря на директиву 8 мая, все же возрастает число осужденных.

Мне кажется, товарищи, что вопрос о перестройке судебной политики не ставился, так сказать, «на попа» т. Винокуровым. Тов. Винокуров говорил весьма неуверенно, я сказал бы даже, весьма непродуманно о реорганизации судебной системы, и из его доклада мы ничего не получили для себя в смысле перестройки нашего аппарата на местах.

Если мы обратимся к своей работе, то у нас получается следующее: по Западной Сибири из всех осужденных 25% составляют колхозники, из них 70% осуждено по должностным преступлениям.

На сегодня мы имеем в колхозной деревне громадное количество должностных лиц, и их привлекают к ответственности все, кому только не лень. Вчерашний единоличник, который умел расставить свою рабочую силу в своем единоличном хозяйстве в посевную кампанию и в уборочную, попав в колхоз, не сумел так организовать работу по посевной и уборочной, как он это делал в своем хозяйстве. (С места. Не захотел). Нет, не захотел, а не сумел, так как сегодняшний колхоз в 1000 гектар — это хорошее помещичье имение, где прежде сидели квалифицированные люди, а у нас работают просто малограмотные колхозники.

Поэтому встает вопрос о порядке привлечения и осуждения этих товарищей.

Из всех осужденных колхозников 25% осуждены по имущественным преступлениям, все остальные, т. е. основная масса колхозников осуждены по должностным преступлениям. Мне кажется, т. Винокуров должен был бы сделать вывод о необходимости прекращения привлечения колхозников за должностные преступления в массовом порядке. Нужно, чтобы несправившиеся в колхозах работники привлекались к ответственности не уголовным судом, а общественными судами в тех случаях, где нет корыстных моментов.

Этот вопрос очень важный, и мы должны со всей решительностью разрешить его сегодня.

Возьмем Назаровский район в Западной Сибири. В нем 15 председателей колхозов были осуждены за один 1933 г., причем в силе нами были оставлены только около 10% приговоров народных судов, остальные были изменены либо вовсе прекращены.

Из этого видно, что на местах имеет место в этом отношении буквально произвол. Мне кажется, что Прокуратуре Союза и Верховному Союзу нужно подумать о том, чтобы в дальнейшем к привлечению колхозных и должностных лиц к уголовной ответственности подходить в другом порядке, согласуя привлечение с краевыми земельными организациями. Это должно быть сделано сверху. (Голос с места. На т. Винокурова не стоит надеяться, надейся на себя). Товарищи, существуют десятки тысяч производственных колхозных судов, существуют они незаконно, как говорят здесь в Москве, стихийно. (Голос с места. А где их нет?). Они существуют повсюду, например у нас их свыше 1000. Почему они не узаконены? (Голос с места. Зачем их узаконивать?). Нельзя допустить такого состояния, чтобы стихийно появлялся какой-то судебный орган.

Поэтому мне кажется, что необходимо поставить вопрос очень резко о том, чтобы всех

этих новых должностных лиц, которых нам дает колхозная деревня, привлекать по мало-важным делам не в уголовном порядке, а в порядке общественного воздействия.

Вопрос относительно расширения функций общественных судов. По Западной Сибири, примерно в Кузбассе, производственные суды в промышленности занимают производственными делами на 63%. Колхозные — 80% и только 20% дел бытового порядка. У нас наблюдается стремление этих судов заниматься преимущественно карательным воздействием. Нужно усилить общественное воздействие в работе ПТС. Мне кажется, что вопрос относительно расширения объема прав, выпячивания этих общественных судов должен быть очередной нашей задачей.

Мы имеем также факты, когда на производстве люди, нарушившие трудовую дисциплину и преданные товарищескому производственному суду, требуют, чтобы их судили в народном суде, потому что товарищеский суд, рассматривающий это дело в клубе, на шахте, на заводе, в обеденный перерыв в столовой, несравненно более резко воздействует на этого правонарушителя, нежели нарсад. Мне кажется, что в этом отношении нам нужно взять более резкий курс на общественные суды.

По части руководства. До сих пор мы имеем директивы вообще, директивы приходят через 3—4 месяца после соответствующей кампании. Мне кажется, что следует, Наркомосту в особенности, по части руководства подойти к каждой области и к каждому краю отдельно, беря их конкретную работу, дав соответствующую оценку нашей работе и вытекающую отсюда соответствующую директиву.

Чудновский (председатель Свердловского облсуда). Тов. Акулов в своем докладе коснулся и вопроса относительно улучшения материального положения, в частности повышения заработной платы следователям. Но я должен сказать, что тот, кто знает положение работников на периферии, знает, что дело не столько в зарплате, которую получает наследователь или иной судебный работник, сколько в той технической базе и в тех возможностях, которые он имеет для того, чтобы выполнять свои функции.

Я думаю, что если сегодня поставить вопрос таким образом, что следователь будет получать достаточное жалование, но ему не дадут технической базы — средств на оплату экспертизы, свидетелей, разъезды и т. д., из этого дела ничего не выйдет. Следователь будет жить, быть может, несколько лучше, но для следствия это ничего не даст. Поэтому, мне кажется, чтобы наладить правильное ведение следствия и вообще работу судебных органов, необходимо решить вопрос об улучшении общего положения органов юстиции.

Нас очень часто упрекают в том, что мы не умеем вовремя метко и быстро наносить удар, в частности так говорят о делах по декрету 8 декабря. Дела 8 декабря движутся очень медленно, проводим мы их очень плохо и т. д., а между тем если бы например т. Винокуров взял на себя труд и попытался проверить, а сколько стоит быстро провести то или иное отдельное дело, то картина получилась бы иная.

Для того чтобы быстро разобрат дело, для того чтобы поставить его соответствующим образом, оно должно нам обойтись в 250 руб.

Если вы возьмете всю ту сумму, которую мы получаем на все расходы по области, не считая зарплаты, то мы в течение месяца сможем провести быстро на месте примерно 6—7 дел, а между тем в областной подсудности сейчас в связи с тем, что запрещена передача дел записным судьям, мы имеем десятки дел.

Надо сейчас, товарищи, прямо и резко подчеркнуть, что наряду с теми недостатками, которые у нас имеются, большое значение приобретает правильное и своевременное проведение дел, что нами до сих пор еще не выполняется в связи с тем, что мы не имеем возможности и средств для того, чтобы вовремя проводить ту или иную операцию.

Для того чтобы стать боевым оперативным органом, нужно иметь возможность двигаться, надо иметь возможность собирать сведения и сообщать их. А между тем дело обстоит таким образом, что мы не всегда можем позволить себе роскошь посылать спешные пакеты. Мы ждем, пока накопятся бумаги прокуратуры и суда, делаем общий пакет и посылает. Правда, Наркомюст тоже так поступает. Мы получаем бумагу Наркомюста от 15 марта и бумагу Верховного суда от 21 марта тоже в одном пакете. Я думаю, что нужно резко поставить этот вопрос, но надо поставить и другой вопрос относительно отношения к нашим работникам на местах в смысле их снабжения. Вы знаете, что если не единым хлебом жив человек, то единой идеей тоже жив не будешь. (Вышинский. Оппортунистическая установка). Я не знаю, оппортунистическая или нет, но ты тоже бывал на периферии и знаешь, это не оппортунистическая установка, а желудочное дело. (Вышинский. Сводить все к желудку — это и есть оппортунизм...)

Необходимо оказывать отсюда соответствующую помощь, установить твердые, крепкие контингенты снабжения работников юстиции. Это один из пунктов, который поможет разрыванию и улучшению работы.

Наконец не пора ли подумать и относительно того, чтобы поставить вопрос о порядке финансирования органов юстиции? Если вы хотите иметь систему органов юстиции, которая могла бы работать, поставьте ее в независимое положение от местных органов и местных влияний. Тогда мы сможем установить единую систему и единый метод. А что у нас сегодня получается? В Ленинградской обл. одна жизнь для работников юстиции, в Свердловской — другая, в Казахстане — третья, в другом месте — четвертая и т. д. (Крыленко. Вот я тебе на это отвечу, а ты мне ответь). Я думаю, Николай Васильевич, вам пора усвоить, что без денег ничего не будет. (Крыленко. Я как раз подсчитал, это стоит 18 млн.). Я не знаю, 18 или 120 млн. Речь идет относительно того, чтобы перестроить работу. И я говорю, что мы целиком и полностью принимаем на 100% указания т. Акулова о необходимости перестроить работу, но я заявляю, что пора отойти от положения, когда мы стеснялись говорить о деньгах. И вот в итоге мы оказались неподготовленными и все потому, что мы работаем в условиях плохой финансовой обеспеченности.

Сегал (главный транспортный прокурор). Перед транспортной прокуратурой и судами на транспорте стоят сейчас чрезвычайно серьезные задачи.

Если поставить вопрос — выполняют ли полностью наши органы на транспорте те задачи,

которые сейчас перед ними стоят, то нужно ответить, что полностью этих задач они не выполняют.

Транспортная прокуратура есть специальная прокуратура, и в этом отношении она находится в более благоприятных условиях, чем другие виды прокуратуры, потому что она имеет перед собой определенную отрасль хозяйства, с которой она повседневно связана и которую она имеет возможность более глубоко изучать и, следовательно, действовать более метко и целеустремленно.

Между тем нужно сказать, что и транспортная прокуратура с производством недостаточно связана. Огромная часть дел, которые проходят через транспортную прокуратуру и линейные суды, идут в значительной степени самоотъемом. А происходит это именно вследствие недостаточной связи с производством органов юстиции на транспорте.

Наряду с этим имеет место увлечение следовательской работой. Казалось бы, что если много занимаются обследованиями, то должны хорошо знать обстановку на транспорте. На самом деле обследованиями занимаются очень много, а действительную обстановку на транспорте знают слабо. Увлекаются обследованиями, так называемой профилактикой, которая выражается в том, что прокурор, обследовав участок на транспорте и обнаружив ряд безобразий и извращений, вместо того чтобы выполнять свою прокурорскую обязанность, ограничивается тем, что предлагает исправить, углибить, усилить и т. д. Это есть результат полного незнания, непонимания многими прокурорами того, что они должны делать на транспорте.

Транспортные прокуроры и судьи должны прежде всего поддерживать единоначалие на транспорте, бороться за дисциплину. А между тем в нашей работе имеет место чрезвычайно много случаев, когда прокурор не только не поддерживает, а подрывает единоначалие, вмешиваясь в оперативно-хозяйственные вопросы, которые должны разрешаться исключительно железнодорожной администрацией. Они думают, что этим они приносят пользу. Если допустить, что в данном случае прокурор разрешил узкий хозяйственный вопрос, то самым фактом вмешательства он нанес ущерб, он подорвал основы единоначалия на транспорте. От этого нужно предостеречь всех работников прокуратуры на транспорте.

Каковы же причины того, что при обилии разъездов и обследований связь прокуратуры с хозяйством транспорта все же недостаточна?

Причина в том, что прокурорские органы слабо связаны с массами железнодорожников. У нас не плохой актив, но на ряде дорог прокуроры не умеют им руководить. Получается, что актив наблюдает вообще, а за чем конкретно в данной обстановке нужно наблюдать, актив не знает. В результате, несмотря на тысячный актив, должного эффекта от его работы нет.

В работе судов громадную роль играет также связь с общественностью. Некоторые суды поставили себе задачу иметь сосовместителей. Может быть это и хорошо, но, мне кажется, что прежде всего суды должны иметь свой естественный актив — народных заседателей, без которых суд не может работать. У нас на транспорте суды растеряли заседателей. В линейных судах заседатели — подчас случайные

люди, неграмотны и дискредитируют суд. В результате прорывы в нашей карательной политике на транспорте.

О нашей карательной политике.

В 1933 г. 51% всех дел имеет такую меру защиты, как принудительная, условное осуждение и прочие меры. В эти дела входят и дела по закону 7 августа. 57,7% дел по крушениям имеют мерой репрессии принудительная, условное осуждение и т. д.

Можно ли признать, что на транспорте такого рода политика является правильной? Нет.

Здесь дело не в том, чтобы сажать побольше, а в том, что мы распыляем свой удар, привлекаем к ответственности многих, судим их и в то же время судим мягко.

Качество следствия и судебного надзора очень плохое. Прокуроры не понимают того, что самый лучший вид массовой работы прокурора — это выступления на суде, когда прокурор выступает перед массой, воспитывая массу на живом, конкретном примере данного дела.

Мы наблюдаем упрощенство в области следствия, в области уголовного процесса. Упрощенство у нас, товарищи, процветает под видом быстроты расследования, быстроты судебного рассмотрения, хотя этой быстроты фактически и нет.

На транспорте через суды и прокуратуру проходит чрезвычайно много ценного материала, на основе которого можно сигнализировать о ряде недостатков, но мы не умеем использовать этот материал, не умеем делать выводов из этого материала.

Какие задачи стоят перед нами в настоящее время?

Первая задача — способствовать укреплению единоначалия на транспорте, освободив прокуратуру от огромного количества всяких вопросов, которыми ее заваливает администрация и которые никакого отношения к прокурорской работе не имеют. Хозяйственники это делают с целью освободиться от ответственности за свою работу.

Нужно заставить командиров транспорта в целях внедрения единоначалия самих разрешать эти вопросы. Нужно добиться бережного отношения к командам транспорта. Надо сказать, что до сих пор этого нет. Мы у многих создали чувство неуверенности за завтрашний день. Это необходимо изжить, иначе мы транспорт не наладим.

Нужна правильная расстановка актива и конкретное руководство им, нужно уметь включать его в тот участок работы, который в данный момент является самым важным.

У нас большой следственный аппарат, между тем как из всех дел не более 22% расследуются следователями. Нужно научиться полностью использовать свой следственный аппарат и освободить его от других дел, которые не имеют отношения к следствию, нужно сделать его полнокровным и полноценным.

Особое внимание нужно обратить на борьбу за революционную законность на транспорте в смысле ликвидации незаконных поборов, штрафов и взысканий, которых на транспорте очень много.

Необходимо поднять эффективность наших процессов. На транспорте у нас часто никто не интересуется тем, что происходит после проведенного процесса. На практике вместо мобилизации масс вокруг проведенного про-

цесса часто имеет место обработка общественного мнения в защиту осужденных.

Вот задачи, которые стоят перед нами и которые мы с честью должны выполнить.

Нюрин а (и. о. прокурора РСФСР). Я хочу использовать свое время для того, чтобы остановить наше внимание на двух важных в нынешних условиях задачах, которые мы хуже всего усвоили, и здесь безусловно прав т. Акулов, который говорит, что плохого у нас достаточно много, больше чем хорошего.

Первая задача — это борьба за строжайшее соблюдение государственной дисциплины. Мне кажется, что нужно внести некоторые поправки в наше понимание того, что называется корыстным и бескорыстным служебным преступлением. Мы немножко еще по старинке подходим к этому вопросу. Если человек не положил себе в карман, мы склонны рассматривать это как бескорыстное преступление. Мы сейчас имеем еще не мало работников в советском и хозяйственном аппарате, которые в буквальном смысле этого слова в карман не кладут, но которые произвольно распоряжаются государственным имуществом, подчас забывая, что они — только уполномоченные государственной власти, что они должны распоряжаться этим имуществом в интересах государства в пределах предоставленных им прав. Можно не класть в карман, но за счет государственного кармана так распорядиться, желая показать себя добрым хозяином, что считать это бескорыстным преступлением нельзя.

Если какой-нибудь «начальник» считает, что бюджетная дисциплина для него не обязательна, если руководитель не чувствует всей тяжести ответственности за качество своей работы, то вопрос о том, что он при этом в карман не клад, особой роли не играет.

На этом участке работы у нас имеется еще слишком много брака. Мы имеем большое количество брака даже на таком важнейшем участке работы, который целиком и полностью сконцентрирован в областном и краевом суде и прокуратуре по делам по закону 8 декабря.

Из 72 дел, прошедших через Верховный Суд РСФСР, только по 41% дел приговоры были утверждены полностью; из 30 дел, переквалифицированных и отмененных, 11 падает на плохое качество следствия и 19 дел на плохое качество работы судов.

Мне кажется, что по такому исключительному закону, по которому мы привлекаем основную верхушку хозяйственных работников, требуется такое сугубое и бдительное руководство со стороны краевых прокуроров, при котором брака быть не должно.

Второй вопрос. Мне кажется, что борьбу с волокитой, с бюрократизмом, с бездушным отношением к трудящимся мы до сих пор ведем недостаточно. Если сегодня поставить вопрос, который ясно поставил Ленин, — кого мы из волокитчиков и бюрократов вытащили на главный суд, показали во всеобщем масштабе, — мы с вами на него не ответим в этой части, мы еще очень мало сделали и очень мало имеем, что показать.

По практике работы РСФСР можно сказать, что одна из важнейших задач, выдвинутых перед нами партией, — борьба за интересы трудящихся против бюрократических извращений отдельных администраторов, бюрократических извращений нашего аппарата, — эта часть работы у нас в величайшем запущении. Мы мало вни-

мания уделяем жалобе. У нас имеются такие приговоры и решения судов, которые говорят об исключительно бездушном отношении.

Нет никакого сомнения в том, что судья должен быть политиком, что за конкретными условиями конкретного дела он не должен забывать политической обстановки. Но совершенно никуда не годится, когда судья во имя той или другой политической задачи нарочито создает обстановку конкретного преступления.

Возьму пример по Москве, где мы можем требовать наиболее квалифицированной судебной работы. Была выдвинута задача борьбы с хищением вина и водки во время перевозки с завода к складам. Ясно, что в первую очередь должен был быть поставлен вопрос об охране ящиков и т. п. как одним из способов борьбы с хищениями. А вот практика. Вот какое дело мне пришлось опротестовать, когда оно прошло все инстанции до Верховного (нарсуд, коллегия, президиум горсуда и бюро жалоб НКЮ). Проходят мимо заводоуправления двое молодых рабочих. Купили они две полбутылки водки. В это время выезжает из завода грузовик с водкой. Какие-то мальчишки вскочили на грузовик и будто бы стащили несколько бутылок водки. Какой-то гражданин сказал милиционеру, что вот мальчишка украл водку и передал проходившему мимо. А тут как раз идут двое рабочих. Их привлекают к суду, судят по закону 7 августа и дают по 10 лет. Отец одного из них старый рабочий, с 30-летним производственным стажем. Он обратился с просьбой в суд: проверьте, пожалуйста, запросите, может быть этот грузовик с водкой сдал все в целости. И он был прав, так как в деле не было даже данных, что из этого грузовика украдена водка. Ему, однако, отказали. Но рабочий не успокоился: он добился того, что получил удостоверение о том, что в этот вечер склад получил ящик с вином и все ящики с вином были совершенно целы.

Что сделал президиум горсуда? Он переквалифицировал и дал по 2 года лишения свободы. (Винокур о в. А какова роль прокурора в этом деле?). Я прекратила это дело. (Голоса. Шум). Товарищи, вы у меня не забирайте время для того, чтобы проэкзменовать меня, как это надо сделать. Допустите, что все было сделано так, как нужно было. (Вышинский. А говорите вы не так, как нужно). Ну, хорошо, я не прекратила, а опротестовала, и дело теперь в кассколлегии Верховного.

У нас есть бюро жалоб. В бюро жалоб у нас есть магические две буквы: «б/п», это значит — без последствий. Вот, когда пришла эта жалоба в бюро жалоб, на ней были поставлены эти буквы «б/п».

Примеров, которых можно привести в том же духе, еще очень много. О чем они говорят? Они говорят о совершенно бездушном отношении, о том, что к жалобе у нас отношение как к несерьезному делу.

Я не имею возможности иллюстрировать; у нас имеется переписка по отдельным жалобам, когда мы десятки раз по одной и той же жалобе пишем, пишем дни, месяцы, а люди ждут. Даже когда т. Акулов пишет, дело зачастую доходит до наложения взыскания, и мы не можем добиться ответа и должны высылать людей для разрешения конкретной жалобы на месте.

Я это объясняю не только недисциплинированностью, это есть выражение высокомерного

отношения к жалобщику: подумаешь, какой-то колхозник жалуется, что его зря оштрафовали на несколько дней, конфисковали зря у единоличника его имущество, — пустяки, у нас дела большие. Но это грубейшая ошибка. В силу этого защита интересов отдельных трудящихся и групп трудящихся от бюрократических извращений отдельных администраторов поставлена из рук вон плохо.

Иван Алексеевич поставил вопрос о нашей штрафной политике. Мы обследовали ряд районов, в том числе Московскую обл., обнаружили неслыханные вещи. Штрафуют за плохое распространение литературы до 75 трудодней. Такое огромное количество нарушений в области штрафной политики, а ведь наши районные прокуроры сидят тут же.

Тут Иван Алексеевич ругал нас за то, что мы слишком загружаем районных прокуроров. Это верно, но надо сказать, что районный прокурор желает работать «в мировом масштабе», а на огромное количество «мелких», но важнейших дел, которые проходят через него, он не обращает внимания.

Основная работа — судебный надзор, следствие находится у него в загоне. Даже дела с высшей мерой, важнейшие дела проходят нередко без участия прокуратуры. Есть районные прокуроры, которые в течение года ни разу не выступают на суде. У нас, например, краевые прокуроры считают ниже своего достоинства вообще выступать в суде даже по закону 8 декабря. Один краевой прокурор по нашему прямому предложению уполномочил своего зама выступить по крупнейшему процессу, а вообще в лучшем случае выступает только пом. прокурора. Эту основную часть своего производства прокуроры забыли.

Мало мы, товарищи, боремся за свои кадры. В Караганде в одном районе был исключен из партии и снят с работы районный прокурор по обвинению в том, что (это было напечатано в газетах) он способствовал хищническому убою скота. (В чем это выразилось? Районный комитет партии запретил... убой куриц. Там был запрещен убой «скота» до курицы включительно. И вот районный прокурор, который боролся против такого извращения, и был исключен из партии. Надо отдать справедливость т. Спиридонову — прокурору Карагандинской области, который борется за этого прокурора. Если верны все те обстоятельства, которые он рассказал, мы их проверим, — мало добиться восстановления в партии этого районного прокурора, надо добиться соответствующего наказания тех, кто допускал такие искажения директив партии.

Мне кажется, что нашим работникам, которые по-большевистски, по-настоящему понимают свои обязанности и иногда за это «страдают», мы помощи и защиты во время и в полной мере нередко не оказываем.

Мухамедов (НКЮ Казакстана). Решения XVII съезда партии и инструкция 8 мая ставят большие ответственные задачи перед работниками юстиции.

Выполнение этих задач требует исключительного внимания к вопросам создания новых кадров.

В отдельных национальных республиках, как например в Казакстане, вопрос кадров является чрезвычайно трудным, это наше узкое место.

При помощи нашего краевого комитета партии мы произвели проверку работников проку-

ратуры и суда, и в результате 20—25% пришлось снять, а часть даже привлечь к уголовной ответственности.

Засоренность органов прокуратуры и суда в ряде районов у нас до сих пор есть, и работу по проверке нашего аппарата мы еще до конца не довели.

Нам дали новых работников из колхозников-ударников, более или менее грамотных товарищей. Нам дали работников с производства, рабочих, но поскольку они не работали до этого в органах юстиции, приходится их пропускать через специальные курсы.

Хуже всего у нас обстоит дело со следователями. У нас очень мало в районах хорошо грамотных следователей. Большинство следователей не могут даже правильно составить обвинительного акта. От такой следовательской работы и от такого качества ведения следствия результаты невелики и зачастую такое следствие замазывает дело.

Я не знаю, как в остальных районах, но у нас в Казакстане в ряде районов продолжается. Этому нужно положить конец.

Работников прокуратуры или суда часто во время посевной или какой-либо другой кампании прикрепляют к отдельному району или к отдельному колхозу до конца кампании. Эти работники в этих случаях отрываются от прямой своей работы в течение 3—4 месяцев и работают в прикрепленных колхозах или районах. С этим также необходимо вести борьбу.

Драгунский (прокурор Ивановской обл.). Тов. Акулов нарисовал нам мрачную картину нашей сегодняшней действительности, но мне кажется, что в ряде случаев действительность является гораздо более мрачной, чем те факты, о которых т. Акулов говорил.

Нужно ли приводить здесь эти факты? Я думаю, что каждый из периферийных работников может рассказать целый ряд фактов из работы прокуратуры, суда и следственного аппарата гораздо более мрачных, чем те, которые были рассказаны здесь. Нет нужды приводить эти факты сейчас, потому что они обсуждаются нами из раза в раз на каждом нашем совещании. Мы очень часто разбираем недостатки нашей работы, мы понимаем задачи, стоящие перед нами на данном отрезке времени нашего социалистического строительства, но очень мало до сих пор сделано нами для того, чтобы создать необходимые условия для реализации стоящих перед нами задач.

Нужно сказать, что в этом вопросе надлежащей помощи от центрального аппарата органов юстиции не было. Очень мало уделялось до сих пор внимания борьбе за создание условий, которые способствовали бы хорошему разрешению стоящих перед нами задач, а отсюда получается тот разрыв, какой мы имеем. Я считаю, что центр очень мало помогал нам в основном вопросе, в вопросе о кадрах. Я считаю, что это решающий участок работы. Тов. Акулов чутко понял трагедию десятков сотен и тысяч людей, которые стоят перед нашими органами, и надо отдать себе отчет, что времени буквально становится жутко от того, в чьих руках на местах находится это серьезнейшее оружие советской власти и диктатуры пролетариата — суд и следствие.

Сегодня нужно серьезно поставить вопрос о том, как проведена в жизнь директива ЦК нашей партии от декабря 1932 г. о коренном пересмотре — проверке и укреплении кадров орга-

нов юстиции снизу доверху. Я беру на себя смелость по тем материалам, которыми я располагаю, сказать, что эта важнейшая директива ЦК проведена из рук вон плохо в смысле проверки и отсева и еще хуже в смысле укрепления наших кадров новыми, более выдержанными товарищами, хотя в директиве есть прямое указание о даче нам исключительно крепких работников.

Я считаю, что такое положение получилось в значительной мере потому, что борьба за эту директиву была предоставлена только местам. Никакой помощи в центре мы не получили. Прокуратуре Союза и НКЮ нужно поставить в ЦК вопрос о проверке выполнения этой директивы на местах и о том, чтобы она в кратчайший срок была выполнена, ибо людей нам дают очень мало и далеко не лучших.

Второй вопрос — о следствии. Вот уже 8—10 лет неустанно ставят вопрос о том, что следствие надо решительно улучшить, а воз и ныне там... В этом вопросе получаются только заклинания: резолюция очень верная, правильная, последние решения коллегии Наркомюста РСФСР дают целый ряд серьезнейших, полезных указаний..., а дело не меняется. Почему? Я думаю, что причина здесь кроется в двух моментах: в организационно-материальной стороне вопроса и в кадрах. Теперь, как я слышал, первый вопрос разрешен, это в значительной мере создаст другие условия.

Основную массу дел дает милиция, и я утверждаю, что более жуткой постановки следствия как в милиции трудно найти (я не беру функции милиции по линии охраны безопасности, а только как следственного аппарата). Вы думаете, что если мы улучшим положение народного следователя, то дело сильно изменится? Все равно мы будем иметь огромное количество дел, где тысячи и десятки тысяч людей будут переживать трагедию, о которой говорил т. Акулов, потому что они будут сталкиваться с тысячами участковых инспекторов милиции, политически и технически совершенно безграмотных. Я знаю, что усилением прокурорского надзора можно повысить качество работы участкового инспектора милиции. Но если мы не получили других кадров участковых инспекторов, дело на много не изменится. Я считаю, что нужно поставить вопрос об едином следственном аппарате. Если постановка этого вопроса неприемлема сейчас, то во всяком случае что-то нужно сделать.

Последние два вопроса.

Об ИТУ. Сильнейшая болезнь наших органов ИТУ — это коммерческий уклон, который насаждает Главное управление мест лишения свободы Наркомюста. Наш областной начальник ИТУ знает только одно: качай деньги, и вся оценка его работы идет под этим углом зрения. Он ничего другого не знает, по крайней мере в огромном большинстве случаев он ориентируется только на одно, как можно скорее перевести требуемую с него сумму Главному управлению. Его совершенно недостаточно мобилизуют на то, чтобы проводить политику перевоспитания заключенных, главное, что от него требуют, — это деньги.

Последнее замечание о положении районного прокурора на периферии. Я считаю, что мы должны создать ему независимость от местных районных органов. Я полагаю, что мы в какой-то форме должны пойти по той линии, по которой пошли партийный и советский кон-

троль. Это вытекает из природы прокурорской власти, которая должна наблюдать за единообразным проведением революционной законности и бороться с произволом и с местными влияниями (Ленин). Я считаю, что районный прокурор, а возможно и областной и краевой прокурор должны быть представителями Прокуратуры Союза на месте, его полномочным представителем, назначаемым и смещаемым сверху. Это создаст известную гарантию против того неправильного руководства, командования, вмешательства в оперативные функции районного прокурора, какие до сих пор имеют место на периферии, несмотря на ряд категорических решений президиума ЦКК по этому вопросу.

Гребнев (прокурор Московской обл.). Тов. Акулов, давая оценку работы органам юстиции, характеризовал нашу работу как плохую. Мы должны, положив руку на сердце, сказать: да, плохо работали. Мы делаем больше брака, чем доброкачественной продукции.

Я считаю, что тов. Акулов правильно здесь определил нашу работу. Работали мы нехорошо, и нам нужно очень много сделать, чтобы исправить нашу работу.

Мы имеем в Московской областной прокуратуре целый ряд участков работы, где мы не плохо работали, хотя недостатков у нас на любом участке еще много. Но это не значит, что у нас нет хороших образцовых моментов в нашей работе. Взять например Калининский процесс текстильной фабрики «Пролетарка», одной из крупнейших фабрик Московской обл. и пожалуй в Союзе, где мы привлекли руководство фабрики по закону 8 декабря. Этот процесс был проведен при громадном участии рабочих.

Процесс получил широкое освещение в печати. По этому делу было специальное постановление горкома партии. Этот процесс прорабатывался не только по цехам данного завода, но и на всех других предприятиях г. Калинин.

Этот процесс сыграл большую роль в деле борьбы с браком. Брак на фабрике «Пролетарка» с 40% до судебного процесса снизился после процесса до 11%. Конечно мы не собираемся приписать это только себе. Это результат работы партийной и советской организаций, но открыто проведенное следствие и судебный процесс мобилизовали внимание рабочих на борьбу с браком, помогли этой борьбе.

Мы имеем целый ряд таких процессов, которые дали разительную эффективность по своим результатам.

Мы имеем ряд неплохих показателей и в работе по подготовке к севу. Теперь, когда сев только что начался, мы организовали два показательных процесса. Мы судили в Тепло-Огарском и Спасском р-нах двух бригадиров: одного за то, что он недосевал полной нормы на га, другого за то, что он плохо заделывал семена, давая незначительную глубину вспашки. Мы широко осветили в районе эти процессы, довели проработку этих процессов через партийные комитеты до сельсоветов и колхозов. Мы думаем, что эти два предупредительных процесса сыграют очень большую роль в успехе сева. За последнее время мы не плохо развернули работу с общественностью. Мы очень крепко ухватились за установку, которую дал т. Акулов по вопросу о соцсовместителях на одном из совещаний в Прокуратуре

Союза, сказав, что каждый прокурор и следователь должен образовать соцсовместителя. У нас теперь нет ни одного прокурора, который бы не имел хотя бы одного соцсовместителя, а в ряде районов имеется и по несколько соцсовместителей.

Хотя мы и имеем ряд положительных показателей, но все же мы не можем сказать, что работа на всех участках у нас обеспечена, потому что кадры прокуроров и особенно следователей недостаточно подготовлены для того, чтобы поднять на должную высоту те задачи, которые на них возложены партией и правительством. Специальная комиссия проверила кадры прокуроров по Московской обл. и сменила за прошлый год почти 50% прокурорских работников.

Вопрос о кадрах, об их переподготовке является сейчас основным вопросом, и мы сейчас с особенной силой на это напираем. Мы должны заняться подбором следователей и их подготовкой. Мы проверили 33 участка и уже охватили кустовыми совещаниями 70 участков, выявляя лицо каждого следователя по его делам.

Большой вопрос у нас — это вопрос дисциплины. Я считаю, что аппарат прокуратуры и суда без дисциплины с теми задачами, которые перед нами поставлены, не справится, а между тем дисциплина у нас важная.

Я не знаю, как обстоит дело с этим вопросом в других областях, но, судя по разговорам с товарищами, я прихожу к убеждению, что и у них дело обстоит не лучше.

Нужно также добиться, чтобы авторитет прокурора и следователя и судьи был на соответствующем уровне, чтобы у нас не было такого положения, когда рики выносят постановления о снятии следователей.

В Московской области потребовалось решение МЦК партии, чтобы одернуть тех, которые не выполняют решения ЦК партии по этому вопросу.

Анжаров (Казакстан). Совершенно излишне доказывать, что в Советском союзе чудеса в деле построения социалистического общества творятся людьми, и т. Акулов совершенно правильно уделил внимание вопросам кадров. Я думаю, что при разрешении этого вопроса Прокуратура Союза и Верховный суд должны дифференцировать подход к тем или иным республикам, краям и областям, в частности к Казакстану, ибо вопрос о кадрах является узким местом в работе органов юстиции Казакстана. Большой процент работников юстиции Казакстана технически и юридически малограмотен.

Вот факт: нарсудья за кражу одной коровы приговорил одного гражданина к 10 годам лишения свободы. Кому принадлежит эта корова, откуда он ее взял, в приговоре об этом ни слова. В приговоре судья пишет, где он жил, с кем он жил, а по существу дела пишет, что этот гражданин являлся скотокрадом — «воровал»; «невзирая на то и на другое». Как это понять? Оказывается, он воровал у колхозников и у единоличников. Следовательно, то и другое надо понимать как в колхозном, так и в единоличном секторе.

Совершенно правильно отметил прокурор Московской обл., что с дисциплиной у нас дело обстоит неважно. Недисциплинированных работников у нас много, но и здесь имеются объективные причины.

Возьмем Западную обл. Казакстана, где население на 80% разбросано, райпрокурор месяцами не бывает в районе, и в течение этого месяца все наши запросы, посланные на его имя, лежат без движения. В районе остаются малограмотные секретари, подобрать хорошего работника нельзя, потому что за 120 руб. никто не пойдет на должность секретаря райпрокурора. Все это затрудняет работу. Ведение следствия затягивается.

Второе — ввиду чрезвычайной разбросанности населения районов народный следователь не может вызывать (повесткой), — это, с одной стороны; с другой, колхозы никогда не отпускают на вызов, и они правы, ибо не рекомендуются отрывать от производства, особенно в горячие дни.

Я хочу сказать еще относительно задолженности по зарплате рабочих совхозов. Мы можем быть недостаточно принимаем мер, но все же то, что зависит от нас, мы делаем, например, нами осужден на 10 лет директор верблюдовхоза. Оказался аферистом. Он не только создал большую задолженность, но и проводил линию развала совхоза. Вступивший после него директор принял меры к ликвидации задолженности, наладил отчетность и направил сюда (в Москву). Москва, ссылаясь на то, что нет отчетности, не переводит денег на зарплату. Мы писали Прокуратуре Союза. После этого кое-какие незначительные суммы были переведены, но не в достаточной мере. (Голос из президиума. А сейчас это ликвидировано?). Не полностью.

Леонидов (Челябинский краевой прокурор). Можно очень коротенько сформулировать все то, что нам требуется для того, чтобы мы лучше работали. Во-первых, люди, во-вторых, средства. Когда я говорю о средствах, я не имею в виду только зарплату народным следователям. Средства — это означает машина, помещение, в котором работает суд и прокуратура, это означает возможность быстрее, гибче поворачиваться. И постольку, поскольку этих средств в нашем распоряжении нет, надо сказать, что мы не готовы к тому, чтобы нести большую работу. Эти средства должны быть даны.

Ни один наркомат, ни один орган партии и правительства не затратил так мало средств на обучение людей, на создание людей, как наш Наркомюст. Мы занимаемся крохоборством, кустарщиной. Мы не учим людей, мы «пропускаем» их «находу», чтобы они кое-как проскочили через какую-нибудь систему. Если взять систему ВЮК, она далека от подготовки таких работников, которые могли бы работать. Однако эти кадры лучше тех, которые мы получили из университетов. В нашей работе человек, который имеет 10-летний практический опыт, лучше того, кто учился три года. Ему нужно иметь дело с таким материалом, знание которого не приобретешь в университете. Нам нужно пересмотреть систему нашего обучения.

Я хочу поднять другой вопрос. Если плохо на транспорте, мы создаем транспортную прокуратуру. Недавно мы имели постановление ЦК партии о водном транспорте и мы создали водную прокуратуру. Хозяйство наше усложняется. Имеется много таких отраслей, которые требуют к себе специального внимания, и если например плохо работают совхозы, входящие в Наркомсовхозов, почему не создать

специальную прокуратуру по Наркомсовхозов?

Мы должны поставить вопрос об агрономе в сельскохозяйственных отделах прокуратуры, мы должны иметь прокурора—агронома, чтобы он мог разрешить вопрос, вскрывая причины преступлений.

Я хочу рассказать вам одно дело, когда человека судили за так называемый плагиат. Видите ли, он проработал несколько английских трудов и написал одну книжку по тяжелой промышленности. Суд признал, что $\frac{1}{4}$ работы принадлежит английским авторам и $\frac{3}{4}$ — ему. Его судили по закону 7 августа и дали 10 лет. Конечно мы судью сняли, но факт остается фактом, что наши люди не имеют нужной квалификации, не получают нужной подготовки. Этот вопрос нужно пересмотреть.

Турин (прокурор Одесской обл.). Тов. Акулов заострил вопрос о нашей следственной работе и о плохом качестве этой работы.

В чем же основная болезнь следственной работы?

Когда мы проанализировали в Одесской обл. работу следственных сельских камер, то убедились, что в основном решает дело акт милицейского работника. Стоит ему составить акт и это является уже приговором. Следователь штампует этот акт, штампует его прокурор, и суд решает: если милиция пропустила, следователь пропустил и прокурор пропустил, значит и он, судья, может пропустить это дело.

(Мы много говорим о работе суда, говорим о неудовлетворительности его работы, большая доля вины ложится на прокурора и нашего следователя. Если бы наш прокурор и следователь лучше работали, то целый ряд дел в суд не попал бы. Когда мы по Одесской обл. требовали целый ряд дел, которые не были кассированы, по весенней посевной кампании, то мы увидели, что очень многие дела не кассируются. Сейчас уже выработалось такое мнение, особенно среди колхозников, что кассировать нецелесообразно.

О чем это говорит? Это говорит уже об известном недоверии колхозников к высшей инстанции. Это объясняется штампованием дел следователем и прокурорскими работниками; в этом основном причина недоброкачественной работы судов.

Мы должны от прокурора требовать больше, чем от судьи. Прокурор в большинстве случаев крупный работник, входит в районный партийный комитет, является своего рода вождем, по крайней мере считает себя «вождем».

Правильно сейчас поставлен вопрос о прекращении обследования. Украина в этом отношении грешит больше, чем другие. Мы особенно много занимались этой так называемой профилактической работой. Мы заставляем наших работников заниматься всем, но не судом.

В Одесской обл. мы имели перегибы и в отношении инструкции 8 мая. Особенно в период весенней посевной кампании. У нас есть такой Бобринский р-н, где осудили за март 12 председателей колхозов. Характерно, что этот район отстал в севе, и там больше всего и судят. Мы по этому вопросу подняли шум. Наш секретарь парткомитета послал письмо по этому вопросу всем РПК, мы приняли меры, но получилось так, что мы не сумели предотвратить этих явлений.

Мы имеем явные перегибы, и «левый» загиб, и искажение инструкции 8 мая в отношении сева. Мы с т. Дубровским, представителем Про-

куратуры Союза, ездили по нашим селам. Одного например колхозника-ударника осудили на три года за то, что, когда он женился, ему дали лошадь для свадьбы, эта лошадь поскользнулась и вывихнула себе ногу.

За последнее время мы не учитываем целого ряда вещей по тем явлениям, которые происходят в советских организациях города. Последние два года были годами, когда все было брошено на село, и мы во многих случаях не боролись с преступлениями в городе. Возьмите антигосударственные преступления, которые мы имеем сейчас в наших советских и хозяйственных аппаратах в городах. Возьмите эти знаменитые товарооборотные и товарообменные операции, обычно связанные с взяточничеством. Это очень большая проблема, мы же здесь очень мало активны. Мы боремся за закон 7 августа и 8 декабря; мы делаем ошибки, нам указывают на них, и мы исправляем нашу работу; но возьмите вопрос о взяточничестве, особенно о скрытых видах взяточничества. У меня создалось такое впечатление, что мы с этим злом в 1927—1928 гг. лучше боролись, чем теперь. А возьмите дела на почве товарообменных операций и на почве так называемого стимулирования. В Одессе обнаружили фиктивно существующие артели по линии промкооперации. Во главе такой артели стоит один человек, записавший в нее бабушку и тетушку, и эта артель формально существует из 10 человек. Артель получает продукцию из государственных учреждений обманом, за счет хищений из государственных заводов и складов, путем взяточничества и всяких махинаций, продает на рынке эти товары. К сожалению мы эти вещи проглядели.

Мы сейчас при проведении своей работы знаем, что во главе нас стоит т. Акулов, что мы имеем Прокуратуру Союза и что мы опираемся не только на наш украинский центр, а мы во всех случаях говорим, что есть Москва, Прокуратура Союза, что руководство укрепилося, а вот среднее звено — оно до сих пор остается никуда негодным. Мы сейчас должны как никогда взяться за наши кадры, за наше самообразование. Мы сами не работаем над своими кадрами, мы не работаем с выдвиженцами. Вопрос о поднятии нашей квалификации, вопрос об овладении нашей техникой, вопрос о нашем самообразовании — это все важнейшие вопросы.

Теперь два слова об оперативности.

Товарищи, я не буду говорить об объективных причинах, но я должен сказать, что мы не в состоянии будем выполнять все требования, которые к нам предъявляются, если наш райпрокурор не будет иметь возможности передать по телефону те или иные сведения. Нужно поставить вопрос так, чтобы мы были оперативно обеспечены, ибо я должен получать от райпрокурора сведения, как это получает ОГПУ. Этого нам, товарищи, нужно добиться во что бы то ни стало. Нам необходимы телефонная и телеграфная связь с районными работниками. Кроме того нам необходимо изменить то отношение, которое существует к нашим организациям со стороны некоторых партийных организаций.

При разрешении всех этих вопросов мы сумеем выполнить те задачи, которые на нас возлагаются в связи с решениями XVII партийного съезда.

Пашуканис (Комакадемия). Успехи социалистического строительства и решения XVII съезда партии поставили перед органами юстиции новые и весьма ответственные задачи как в области подавления классово враждебных элементов, так и в области обеспечения новой социалистической дисциплины.

Тов. Акулов в своем докладе путем немногих, но удачно выбранных примеров показал, что органы юстиции не удовлетворяют этим требованиям.

Если взять те указания, которые были сделаны в известной нам директиве 8 мая, то особенно ясно это отставание, и больше всего грехов и прорех имеется по части работы суда как органа управления, как органа воспитания, ибо низкое качество работы судебных и прокурорских органов лишает эти органы того дисциплинирующего воздействия, которое они должны оказывать на широкие слои трудящихся.

Почему сейчас эта задача стоит на первом плане? Потому, что мы сейчас в новых условиях, в новой обстановке переживаем то, о чем говорил Ленин еще в 1918 г. «Мы отвоевали страну, теперь наша задача научиться управлять». У нас сейчас полностью завершена коллективизация, разгромлено кулачество, а поэтому главная и основная задача заключается в том, чтобы мы умели управлять. Нам надо учиться и учить управлять хозяйством, а это невозможно без внедрения социалистической дисциплины, и это в первую очередь требует от суда четкой работы и достижения высокого уровня в работе. Этого уровня мы сейчас не имеем.

Надо, товарищи, прямо сказать, что такие приговоры, которые цитировал т. Акулов, роняют уважение к суду, не только к тому суду, который этот приговор выносил, но ко всей системе, ибо, простите пожалуйста, всякий понимает, что мы имеем дело с весьма централизованной организацией, у которой всякое звено связано с вышестоящим, и за то, что делается в народном суде, несет ответственность вся система.

Ленин сказал когда-то в своем известном письме о двойном подчинении, что мы живем в море беззаконий. Можем ли мы сейчас, положить руку на сердце, сказать, что это к нам не относится? Не можем, и хуже того: не можем сказать, что в море беззаконий суд и прокуратура представляют собой блаженный остров.

Те примеры, которые приводил т. Акулов, можно увеличить в десятки и сотни раз. Эти «заочные» приговоры, это проведение дел с серьезной санкцией в течение суток, начиная с дознания, кончая вынесением приговора, пренебрежение нормами процессуального кодекса, исходя из того, что «суду все ясно», все это помноженное на плохое предварительное следствие, на чрезвычайную неповоротливость, нумень поставить дело тогда, когда это целесообразно, и наконец вопиющая неграмотность, противоречивость приговоров, — все это находит выражение в высоком проценте отмены приговоров высшими инстанциями, причем, что особенно тревожно, дела, серьезные дела с тяжелой санкцией, как раз дают не меньшее, а большее количество отмен.

Я думаю, что эти все вопросы надо поставить со всей остротой, надо сейчас добиться перелома и в той тенденции подменять качество количеством, которая имеется, тенденции перекры-

вать недостаток качества огульным размашистым применением мер репрессии, привлечением к суду и т. д. Этим страдают у нас многие органы. Если вы возьмете в любом районе протокол президиума райисполкома или бюро райкома, то вы увидите там, как щедро сыплются постановления о привлечении к суду, о привлечении к уголовной ответственности, причем иногда прямо удивляешься, товарищи, какое же на этих основаниях можно построить дело? Мне недавно пришлось столкнуться с таким случаем: председатель сельсовета, у которого учительница просила валяные сапоги, отказал ей и при этом сказал глупость, что Ленин мол нигде не говорил, что учительницам нужно давать сапоги. Но за это ведь нельзя привлекать к уголовной ответственности! Но дело в том, что в этом районе одна учительница замерзла, и вот этого председателя сельсовета привлекли к ответственности. Я спрашивал товарищей, что вы из этого постановления сделаете? Они отвечают: это дело прокурора, он у нас за это дело взялся. Вот эта размашистость репрессии производит впечатление, как будто поставлена цель, чтобы ни один гражданин не остался без судимости. Тов. Акулов говорил о размашистости применения штрафов. Но если там дело связано с доходами, то здесь получаются одни расходы.

Во что упирается вопрос качества судебной работы? Вопрос упирается в кадры. И тут большая вина того участка, за который я несу самую большую ответственность. Участок научный и научно-учебный. Мы мало говорили о кадрах, об их подготовке, но надо не только говорить, надо бить в набат. Тов. Солц был прав, когда он, слушая наши весьма схоластические словопроения, как лучше сформулировать Уголовный кодекс и какие подвести основы теоретические, говорил нам: с самым лучшим кодексом ничего не выйдет, когда будут плохие судьи. Он был совершенно прав. Больше половины работников юстиции по всем категориям не имеют специальной подготовки, если даже включить областных и краевых работников. Наши правовые вузы впадают жалкое существование, особенно в провинции; это карликовые учреждения, которые не имеют средств для того, чтобы надлежащим образом поставить учебу, которые находятся в финансовых тисках и не имеют помещений. Выпуски в этих вузах минимальные, а в течение ближайших лет эти выпуски еще сократятся. Правда, это объясняется тем, что когда Наркомюст перенял эти вузы у Наркомпроса, то состав учащихся был настолько плох, что пришлось произвести отсев и из-за этого ближайшие выпуски уменьшатся. Во всяком случае они дадут не больше одной десятой потребности.

Товарищи, здесь говорили, что эти вузы дают людей, которые не имеют жизненного опыта. Но для этого надо поставить как следует производственную практику, для этого есть другие средства. Надо установить определенный стаж для оканчивающих вузы, чтобы они работали известное время в качестве секретарей судов. Этим можно привить практические навыки и повысить качество и этого звена.

Дальше, областные курсы у нас страдают от некомплектности, потому что существует некомплектность работников юстиции. Кого же посылать на курсы? Посылают тех, от которых хотят избавиться, считая, что с курсов их прогонят. Куда годится такой подход? Если срав-

нить с промышленностью, то промышленность имеет великолепные кадры. Там это дело поставлено блестяще. Необходимо тех работников, которые десятки лет находятся на практической работе, приобрели большой практический опыт, политически проверены, посылать в юридическую академию, чтобы они получали марксистско-ленинскую подковку. Но оказывается, что мы этого сделать не можем. У нас есть только ВЮК, но мы должны создать юридическую академию, куда можно было бы посылать крупных практических работников, где была бы возможность дать им марксистско-ленинскую подготовку.

Сейчас, товарищи, наша теоретическая мысль уже может кое-какими, правда весьма небольшими, успехами похвастаться.

Буржуазное мировоззрение мы разгромили. Классовое понимание права, классовая сущность права — это то, что не подлежит больше оспариванию. Но наша научно-исследовательская работа все еще отстает от практики. Правда мы занялись вопросом об исполнении приговоров. По исправительно-трудовому делу мы кое-что имеем, но совершенно нет работ по уголовному процессу, совершенно не ведется работы по следствию, которое играет в нашей работе особую роль. На следствии нужно напирать.

Второй недостаток это чрезмерное увлечение тем, как сформулировать закон, 90% времени и энергии потратили на то, чтобы написать проект Уголовного кодекса, но совершенно не подумали о том, как организовать применение кодекса, какова должна быть структура судов, не ставили вопроса о судостроительстве, не ставили вопроса о кадрах.

Занимаясь УК, мы не подумали, что революционная законность не исчерпывается одним Уголовным кодексом. Для того чтобы действительно за нее бороться нужно думать о законодательстве в целом. Иногда, как говорил т. Акулов, в штрафной политике забывают об уставе артели. Но ведь имеются такие отрасли, где нужен целый факультет юристов, для того, чтобы разобраться во всей путанице. Например в жилищном законодательстве буквально чорт ногу сломит.

Особенно остро стоит вопрос в отношении тех отраслей, которые ближайшим образом связаны с широчайшими массами трудящихся: жилищное, кооперативное, налоговое, трудовое право — все они находятся в положении чрезвычайной множественности норм, противоречивости, хаоса, бессистемности.

Я думаю, что наряду с вопросом повышения качества работы органов юстиции, судебных и прокурорских работников нужно широко поставить вопрос о законодательстве, о кодификации, иначе мы не обеспечим революционной законности, воспитания и укрепления социалистического правосознания.

Фиолетов. (Северокавказский край). Я хотел коснуться одного вопроса — перестройки наших общественных судов.

Мы знаем, что у нас на селе имеется два вида судов общественной системы: один — это общественный суд сельской системы и второй — легализованный у нас постановлением Северокавказского краевого исполкома — колхозный суд.

Сейчас вопрос стоит о необходимости пересмотра и этой системы. Надо сказать, что колхозные суды себя оправдали, и нельзя гово-

ритель что они должны быть ликвидированы как незаконнорожденные. Я думаю, что здесь необходимо говорить о другом. Решения XVII съезда партии отводят большое внимание МТС и политотделам МТС, считая что вокруг МТС должны организоваться новые районы. Я думаю, что сейчас целесообразно поставить вопрос о перестройке общественного суда и об учреждении его именно при МТС. Это дало бы нам возможность увязать их с политотделами. Я думаю, что МТС не является такой единицей, при которой нельзя создать товарищеского суда. У нас есть при целом ряде организаций, товарищеские суды — например в жактах, в отдельных колхозах и в отдельных артелях. Мне кажется, что вопрос нужно все-таки обсудить.

Второй вопрос, который я хотел поднять здесь, касается тех областей и краев, куда входят национальные области, — относительно оперативного руководства со стороны краевой прокуратуры и крайсуда.

Надо сказать, что единственное учреждение в крае, которое по нашему Северокавказскому краю не может руководить национальными областями, это суд, который не является ни надзорной, ни кассационной инстанцией в отношении судов национальных областей и не может ими заниматься, поскольку они в кассационном порядке подчинены Верховному Суду. Мы у себя на Северном Кавказе этот вопрос будируем. В национальных областях признали это целесообразным и, сообщили об этом краевой партийной организации. Сейчас этот вопрос стоит в краевом комитете партии, чтобы поставить перед Наркомюстом и перед ЦК партии вопрос об изменении в этой части нашей конституции.

Третий вопрос, которого я хотел коснуться, это относительно ответственности, которая возлагается на нас, и относительно подчас совершенно неправильного отношения к нам со стороны местных организаций. Мы знаем, что целый ряд наших товарищей, вопреки постановлениям директивных организаций на местах, командированы в качестве уполномоченных хозяйполиткомпаний на длительное время. Этому нужно положить конец и именно из центра, ибо у нас на местах все использовано, но тем не менее там получают такие моменты. Например у меня по Северному Кавказу был снят судья и послан в командировку, и благодаря этому провалилось одно очень важное политическое дело потому, что другой молодой судья не смог с этим справиться. Это отражается на нашей работе.

Четвертый вопрос — это о качестве нашей работы. Мы очень мало занимаемся просмотром качества нашей работы. Мы на Северном Кавказе на двух президиумах просмотрели качество нескольких приговоров, вынесенных членами краевого суда, с одной стороны, и нарушением, с другой стороны. Качество этих приговоров показало нам, что некоторые из этих приговоров не только неграмотные, но и политически вредные.

Мы на основании изучения отдельных приговоров дали нашим нарсудам и членам краевого суда разъяснение в смысле поднятия качества нашей работы. Это даст некоторый результат.

Есаулов. Товарищи, ровно год и 8 месяцев прошло с тех пор, как был издан закон 7 августа, но должного перелома в работе мы до сих пор еще не имеем. В частности мы на своей

железной дороге занимались анализом работы транспортной прокуратуры и должны сказать, что у нас хищения не только не уменьшаются, но они стабильны и даже из месяца в месяц растут.

Мы правильно боремся с теми, кто расхищает общественную собственность, но мы плохо еще боремся с теми, кто не принимает мер к охране грузов и т. д.

Следующий вопрос, на котором я хотел бы остановиться, это вопрос о кассационной инстанции Верховного Суда Союза и в частности транспортной коллегии.

Тов. Антонов-Саратовский в своем выступлении много говорил о недостатках работы мест, но он мало сказал о недостатках работы Верховного Суда. У нас было дело, где шайка воров разбазарила 60 вагонов угля и 7 платформ леса. Во главе этой шайки стояли воры и кулаки. Мы вынесли им расстрел. Верховный Суд заменил. Это первое дело.

Второе дело — было расхищено 3 вагона зерна классово враждебными и кулацкими элементами, мы вынесли расстрел, Верховный Суд заменил. Я спрашиваю, кто дал право Верховному Суду нарушать закон? Верховный Суд является высшей инстанцией и знает, что мы должны бороться с классовым врагом, так почему же он проявляет либеральность в борьбе с этим врагом. (Акулов. В законе не сказано, что мы должны всех стрелять). В законе не сказано, что мы должны применять меры социальной защиты к классово враждебным элементам, которые расхищают общественную собственность. Уголь был расхищен классовыми врагами как раз в тот период, когда Южная дорога страдала от недостатка угля.

Верховный Суд отменяет приговор и не говорит в своем определении, на каком основании и почему к классово враждебным элементам не применяется закон, а это затрудняет нашу работу.

Теперь я хочу остановиться на нашем законодательстве. Мы отменили практику применения краткосрочного лишения свободы, но почему-то все законодательство пестрит мерами лишения свободы до одного года, до 6 месяцев и т. д.

Нужно пересмотреть Уголовно-процессуальный кодекс. У нас на территории Украины существует УПК, которое разнится от УПК РСФСР, причем по нашему кодексу суд не имеет права прекращать дела без судебного рассмотрения. Всякое дело, по которому состоялось решение о предании суду, должно быть рассмотрено. В РСФСР существует подготовительное заседание, которому предоставлено право отсеза и прекращения дел. Верховный Суд Союза издал приказ, по которому на Украине должны быть организованы подготовительные заседания. Мы с прокуратурой принесли протест; кодексом это не предусмотрено, а нам из транспортной прокуратуры ответили, что мы стоим на букве закона. Мы, действительно, стоим на букве закона для того, чтобы охранять закон от нарушений. Если практика указывает, что этот институт необходим, его нужно узаконить, а не обвинять прокурора в том, что он стоит на формальной букве закона.

Тут говорили о качестве следственной работы. Совершенно правильно, качество следственной работы никуда не годится. И я считаю, что т. Акулов совершенно прав, когда сказал, что

если мы судим за плохое качество продукции, то нужно судить и нас за брак в нашей работе.

Если мы говорим о перестройке работы прокуратуры и суда на основании решений XVII съезда партии, то нужно говорить и о работе коллегий защитников. У нас любопытное явление. У нас на Украине созданы коллективы коллегий защитников, которые отличаются от этого же института в РСФСР. В Москве разрешена частная практика, у нас запрещена даже в том случае, если отдельные члены коллегии защитников не желают входить в коллектив. По форме коллективы не плохи, но по существу они ведут неправильную работу. У нас выработаны такие ставки, Иван Алексеевич, благодаря которым трудящиеся не находят защиты в коллегиях защитников.

Спросите работников Транспортной коллегии Верховного Суда Союза, — кого защищают члены коллегии защитников? Не стрелочника, не помощника машиниста, не слесаря, а тех, кто получает зарплату не меньше 600 р. Это я заявляю со всей ответственностью, причем наркомост, не будь это сказано в упрек т. Михайлику, вел такую политику, что централизовал фонд коллегии защитников. Мы судим, члены коллегии защитников получают деньги, Наркомост деньги забирает и потом выдает прокурорам и судьям в виде пособий, Это безобразия, которому нужно положить решительный конец.

Теперь коллегиям защитников дают промфинплан, причем по этому финансовому плану защитнику приходится с одного заседания бегать на другое, чтобы по этому финансовому плану выработать как можно больше. От этого теряется качество работы. Мы слушали дело по Харьков-товарной, и у нас сидел член коллегии защитников, который участвовал одновременно и в другом деле, т. е. сидел одновременно на двух стульях.

Во главе Народного комиссариата юстиции стоит у нас серьезный судебный работник т. Михайлик, и мы не сомневаемся, что он за коллегию защитников возьмется и все безобразия в этом институте искоренит.

Барков (прокурор Западносибирского края). Если правильно, по-большевистски, до конца понять политический смысл решений XVII партсъезда, если можно так выразиться, в области правового строительства, то мы должны для себя сделать четыре вывода:

первый, что сейчас партия, как никогда, объявила борьбу за соблюдение государственной дисциплины, за насаждение ее в советском и кооперативном аппарате;

второй, что сейчас с особой силой поставлен вопрос о борьбе с нарушителями советских законов;

третий, что сейчас с особой силой ставится вопрос — быть может это грубо будет сказано — о борьбе с произволом;

четвертый, вот уже последнее время, даже и после XVII партсъезда, подчеркивается необходимость всемерного развития у каждого гражданина Советской страны социалистического правосознания.

Сейчас с особой силой подчеркивается, что каждый гражданин Советского союза ни за что, ни про что не может быть обижен.

В свете этих задач, которые поставила сейчас перед нами партия, оглядываясь на пройденный нами путь, подводя итоги нашей рабо-

ты, другой оценки чем та, которую дал т. Акулов, дать нельзя. Над выполнением этих задач будет работать вся партия, тем не менее она выделяет из своей среды отряд членов партии, который целиком и полностью будет отвечать перед страной, перед партией за соблюдение законов Советской страны. Этим отрядом являются работники советской юстиции.

В связи с этим я остановлюсь на двух вопросах, на которых здесь, кроме докладчика, никто не останавливался. Не останавливались потому, что концентрировали внимание на судебной и следственной работе. Но я хотел бы остановиться на штрафной политике в колхозах и на практике исключения из колхозов, ибо этот вид нарушения социалистической законности, если мы не будем с ним решительно и энергично бороться, может перерасти в политическую, я бы сказал, государственную опасность.

Сейчас вся партия борется за укрепление колхозов, за организационное, хозяйственное политическое укрепление, а между тем мы имеем вопиющие факты, вскрытые нами в Западной Сибири при проверке штрафной политики в колхозах. Пленум краевого комитета партии сказал, что мы хорошо сделали, вскрыв эти факты, но сделали это поздно. Нужно было раньше сигнализировать об этом. Мы выявили колхозы, где 50% колхозников были оштрафованы. Штрафуют по всякому поводу и без всяких поводов, штрафуют не на 5 трудовых, как это указано в законе, а на 40—50% годовых трудовых, штрафуют за то, что бригадира оскорбили, штрафуют за то, что с колхозного собрания раньше времени ушли, и т. д. По отдельным колхозам мы вскрыли случаи, от которых волосы дыбом становятся. В Барнаульском р-не Западносибирского края исключения из колхозов достигли громадного процента всего наличия колхозников. К началу 1933 г. в колхозе было 50 хозяйств, за год было принято 70 хозяйств и исключено 60 хозяйств.

Говорит, что в этом районе серьезно ставили вопрос о вовлечении трудящихся одиночников в колхоз, говорить, что в этом районе серьезно думали о закреплении социалистического хозяйства колхозов, нельзя. В этих районах, о которых я говорил, не только не имеется притока в колхозы, а наоборот имеется уменьшение процента коллективизации. Это явление начинает уже перерастать в опасность, так как служит тормозом вовлечения в колхозы.

Второй вопрос, на котором я хотел бы здесь остановиться, это вопрос о том, как строить всю нашу практику и политику в борьбе с нарушениями законов об избирательных правах.

Все мы конечно понимаем, что в условиях советской власти лишить гражданина политических прав — это самое тяжелое наказание, которое только можно придумать. Должен сказать, что мы очень плохо боремся с нарушителями законов о порядке и условиях лишения избирательных прав.

В частности в Западной Сибири, о чем я должен сказать в порядке самокритики, мы имеем тяжелое положение. В комиссии при крайисполкоме, которая занимается делами о лишении избирательных прав, накопилось до 18 тыс. нерассмотренных жалоб на неправильное лишение избирательных прав. Правда, было послано 20 комиссий для того, чтобы проверить жалобы в районах. Мы вскрыли в Ачин-

ском, Барнаульском, Минусинском и других районах такие факты, когда нам приходилось исключать из списка лишенных избирательных прав до 50—60% лиц как незаконно лишенных этих прав.

Мне кажется, что настал момент, когда нужно пересмотреть положение о прокуратуре. Мы сейчас отвечаем буквально за все: нас могут бить за любой вопрос политико-хозяйственной работы в районе и крае. Возьмем хотя бы жалобы. Почему бы не поставить резко вопрос о том, что по определенной группе жалоб, соответствующие органы отвечают целиком и полностью за рассмотрение их по существу. С ликвидацией РКИ нас буквально заваливают жалобами и такими, которые с успехом могли бы быть рассмотрены и разрешены соответствующими органами. Райпрокуроры, заваленные такими жалобами, естественно с ними не справляются.

Быть может, следовало бы реставрировать прежний циркуляр Наркомюста и сказать, что по налоговым делам мы жалоб не принимаем, что эти жалобы рассматривают такие-то и такие-то органы. Почему жалобы по земельным вопросам не могут рассматривать земельные органы, почему этими жалобами до сих пор занимались мы?

Теперь о кадрах. Конечно люди решают все. Перед отъездом на Союзное совещание я проводил аттестацию рай- и горпрокуроров Западной Сибири. Что показала аттестация? Из всего состава работников меня удовлетворяют только 25%, 45% необходимо переподготовить и одна треть должна быть заменена как не обеспечивающая выполнение новых задач, стоящих перед прокуратурой.

Мы с Броневским более щепетильно подходим к вопросу о подборе кадров. Западную Сибирь не так давно посетил т. М. И. Калинин. Выступая на пленуме краевого комитета партии, т. Калинин заострил внимание на кадрах юстиции и подчеркнул роль судьи, указав, что если мы хотим хорошо проводить политику партии и советской власти в деревне, то не должны думать, что ее могут проводить одни штатные агитаторы-пропагандисты. Хороший нарсудья, умеющий правильно организовать судебные процессы, будет агитировать за линию партии и совласти больше и лучше, чем многие наши штатные агитаторы.

Последний вопрос. Будут ли существовать в Советском союзе две исправительно-трудовые системы? Тов. Акулов не выдвинул этого вопроса, а об этом нужно было бы сказать. Я лично считаю целесообразным объединить всю систему исправительно-трудовых учреждений под единым руководством.

Заканчивая, я верю, что под руководством Центрального комитета нашей партии, при некотором материальном улучшении нашего положения и при подборке нам свежих сил мы несомненно с задачами, которые выдвинуты партией, справимся лучше, чем справлялись до сих пор.

Глузман (председатель Горьковского крайсуда). О перестройке нашей работы мы начали говорить приблизительно с того момента, как появились тезисы т. Кагановича. Между тем работники суда и прокуратуры должны были перестройку начать по существу не с этого момента, а с момента получения инструкции 8 мая. Этот документ ставил перед нами широкую программу перестройки методов на-

шей работы. Я думаю, что та характеристика нашей работы, которую дал т. Акулов, и те примеры, которые он привел о судьях, выносящих головотяпские приговоры, не вытекают из того, что они материально недостаточно обеспечены, это неверно. Здесь причина другая. Здесь многое зависит от подготовки судьи, и от его способности противостоять дурным «местным влияниям».

Состояние работы наших органов гораздо хуже, чем как ее охарактеризовал т. Акулов. Я не знаю, как назвать документ, который я сейчас оглашу.

Дело идет о педагогическом техникуме, находящемся в Лысвенском р-не Горьковского края. Этот техникум по окончании учебного года, как вообще водится, устроил что-то вроде банкета, и совершенно случайно на этот банкет не был приглашен заведующий районным отделением наробраза и культпроп этого района. На третий день РайКК выносит постановление о привлечении директора техникума к ответственности за разбазаривание и неправильное расходование средств и т. д. И что вы думаете? Следователь занялся этим делом, но подошел к делу не с той стороны, как это нужно было, а начал вмешиваться в личную жизнь студента, его интересовало, с кем из них директор был в связи, и даже послал соответствующим районным следователям отдельные поручения по этому делу. Дело слушалось в суде с участием государственного обвинителя, и судья осудил директора к 5 годам лишения свободы.

Это было совсем недавно, после XVII съезда партии. (Вышинский. Где это было?). В Лысвенском р-не Горьковского края. Это дело известно не только местным органам юстиции, но и отдельным руководителям района.

Кассационная коллегия, рассмотрев это дело, отменила приговор, дело прекратила, вынесла по этому делу развернутое постановление и поставила вопрос о привлечении к суду всех виновных в создании этого дела к уголовной и дисциплинарной ответственности.

Мы поставили этот вопрос в соответствующих директивных органах. Дело передано прокурору края.

Я считаю, что основной порок в нашей работе заключается в том, что руководящие органы юстиции не создали резерва своих работников, как это имеется в других учреждениях.

У нас, если снимают судью или прокурора, то месяцами приходится ему искать заместителя. У нас нет резервов, мы растрачиваем наши кадры и недостаточно за них боремся. Стоит только народному судье или прокурору выдвинуться, если он оказывается хорошим работником, как его забирают на другую работу.

Закон 8 декабря—это исключительный закон потому, что по этому закону мы привлекаем ответственных людей, и к этому закону надо было относиться с исключительной осторожностью, привлекая действительных виновников, к которым можно применить этот закон, а мелкие дела нужно отсеивать. Мы получили в крайсуд свыше 40 дел. К производству мы приняли только 6, остальные мы переквалифицировали и передали в нарсуды. Несмотря на то, что проработали только 6 дел, эти дела дали исключительные результаты.

Фридберг (прокурор Восточносибирского края). Мне кажется, что основные и главные вопросы, которые должны были быть поставлены органами юстиции в настоящее время,

т. е. те вопросы, которые сейчас ставит партия, мы, надо откровенно сказать, не поставили и с этим делом не справились. Несмотря на то, что в наших руках имеется целый арсенал оружия, которое дает возможность справиться с этими задачами, мы, как показала практика, с этими задачами не справились. У нас в Восточно-сибирском крае был прокурор Дементьев, который, когда в районе заболел судья, поехал в район и стал судить сам. Потом он подал на имя краевого прокурора рапорт, что он это делал под давлением местных органов.

Я считаю, что пока у нас имеют место такие факты, мы должны откровенно и прямо сказать, что задачи, которые стоят перед нами, нам сейчас не по-плечу, и основной вопрос упирается сейчас в кадры.

Я приведу вам пример чрезвычайно глупой и грубой формулировки, допущенной одним из местных руководителей. Когда к аймачному секретарю парткома обратился судья за квартирой, тот ему сказал: «Зачем тебе квартира? Ведь суды — это надстройка и скоро они не нужны будут...».

Нужно сказать, что наряду с разговорами о значении органов юстиции имеет место прямая недооценка их значения.

Нас необходимо укрепить работниками. Если нас не укрепят подготовленными судьями, то закон в наших руках станет чрезвычайно опасным орудием.

У меня есть приговор одного из наших районных судей. Обвиняемый по делу имел твердое задание, этот обвиняемый встретился с женщиной, у которой пропала корова, и судья привлек его к ответственности и пишет: на основании закона 7 августа Казарина Семёна Прокофьевича подвергнуть лишению свободы на 10 лет, но имея в виду, что в своем деянии он не имел злоумышленности, Казарина оправдать.

Перед ним на скамье сидел твердозаданец, поэтому он из предосторожности дал ему 10 лет, но так как тот не был виноват, он нашел выход из положения, сказав, что так как в его деяниях нет «злоумышленности», его оправдать.

Первейший и главнейший вопрос в том, чтобы укрепить наши кадры и чтобы внимание местных партийных органов к этому делу не было мимолетным, чтобы это внимание было закреплено.

Разрешите обратиться к вопросу о руководстве.

Тов. Акулов говорил, что нужно приостановить поток циркуляров и директив, идущих на места. Мне кажется, плотину нужно создать и нужно создать выше и прежде всего в Москве.

Мы говорим о новых формах работы, говорим новым языком, но по существу содержание нашей работы и содержание руководства остаются старыми.

О циркулярном руководстве. Циркулярным руководством мы заменяем живое оперативное руководство. Не бывает дня, чтобы мы не получили циркуляра, причем такого содержания, что когда его читаешь, думаешь: «Господи, зачем их посылают?». Если прокурор Республики считает, что этот циркуляр нужен, тогда я как прокурор не нужен, а если нужен я, тогда не нужны эти циркуляры.

Второй вопрос, о котором необходимо поговорить, это о чрезвычайно своеобразных методах анализа, который дается нашей работе.

Возьмите последние цифры о количестве осужденных и вы увидите, какая это сложная арифметика. Там несколько раз умножалось, делилось, вычиталось, и вообще очень трудно разобраться в этих цифрах. В конце концов благодаря этой сложной арифметике у нас на месте происходит чорт знает что. Суды буквально стараются подогнать эту арифметику, и в конце концов это арифметическое руководство демобилизует нас.

Все это происходит потому, что анализ карательной политики, анализ судебно-прокурорской работы основан на цифрах без учета дифференцированных условий и дифференцированного подхода к отдельным краям и областям.

Перестройка работы требует конечно и новых организованных методов, требует отказа от циркулярных методов работы, от механического подхода нашего руководства к нашей работе. Это основное, что может обеспечить выполнение тех задач, которые перед нами стоят.

Атаниазов (прокурор Казакской республики). В Казакстане особое значение имеет вопрос животноводства. Мы до сих пор, несмотря на большой размах репрессий, наблюдаем убой и хищение скота. А ведь вопрос о животноводстве является одним из основных вопросов, поставленных XVII партсъездом. Между тем до сих пор некоторые вопросы, связанные с животноводством, не полностью разрешены, вопрос об уголовной ответственности за убой коров, овец, коз, в частности того скота, который передан в порядке обзаведения, в порядке государственной помощи, до сих пор не разрешен. Мы ставили этот вопрос, но ответа не получили. Этот вопрос должен быть решен не только для Казакстана, но и для всех краев и областей.

Вопрос организационной перестройки в соответствии с решениями XVII съезда партии на совещании должен стоять особым вопросом, в частности вопрос о ликвидации функционалки в органах Наркомюста союзных и автономных республик.

Тов. Винокуров сказал, что НКЮ не должен заниматься судебной работой и подбором кадров. Тогда возникает вопрос, чем же он должен заниматься? Я думаю, что НКЮ — это орган судебный, это орган, объединяющий прокурорско-судебную систему, и естественно он должен заниматься этим вопросом. С другой стороны, перестройка прокуратуры в соответствии с решениями XVII съезда партии сильно запаздывает. Я думаю, что эти вопросы нужно детально проработать и в соответствии с решениями XVII съезда партии перестроить форму и содержание работы прокурорских органов.

Наконец я хотел бы отметить и работу Прокуратуры РСФСР и СССР. В порядке самокритики нужно сказать, что за последние месяцы руководство Прокуратуры РСФСР значительно ослабло, оно значительно отстает. Мы например, находясь в крае, были больше связаны с Прокуратурой СССР, чем с РСФСР. Это показывает, что руководящие органы прокуратуры РСФСР не перестроились на оперативное руководство. С того времени, как была организована Союзная прокуратура, мы чувствуем почти каждый день, что органы прокуратуры начинают поднимать свой авторитет, и хотя медленно, но налаживают свою работу. Я думаю, что на основе решений XVII съезда

партии и при помощи партии мы с задачами, которые поставлены XVII съездом, полностью справимся и их разрешим.

Агашев. Краевые, областные суды в целом знают, как работает тот или иной судья или народный суд, но дело здесь не в этом. Вопрос нужно поставить так, чтобы к этому вопросу областные, краевые суды подходили более серьезно.

Посмотрите, что делается в народном суде. Возьмите технический персонал, как он обеспечен материально и как он подготовлен технически и кто об этом заботится. Правильно указал т. Винокуров, что существующая у нас отчетность нас не удовлетворяет, ибо она ничего не дает. С народных судов требуют отчеты краевые, областные суды, краевые прокуроры, все требуют, а кто их будет давать? Неграмотный секретарь? И что этот секретарь получает? Эти вопросы серьезны. А как к этому подходит краевой суд?

Теперь я хочу остановиться на втором вопросе — о качестве нашей продукции. Краевые, областные суды получают готовую продукцию от органов расследования, штампованную прокурором и т. д. Так вот посмотрите, какую они дают продукцию. Чрезвычайно плохую.

Я приведу небольшие цифры: по Самаре за 4 месяца поступило 1200 уголовных дел. Из 1200 дел 205 дел были внесены в подготовительное заседание, из них 112 дел были прекращены за отсутствием состава преступления.

Как же на это реагировал вышестоящий прокурорский надзор? Мы пока не слыхали, чтобы за это кто-нибудь был привлечен к ответственности. Нарсудья иногда недостаточно квалифицирован, политически недостаточно силен и, получая недоброкачественный материал, он может допустить ряд ошибок и порой грубых, это не значит конечно что нарсудьи делают ошибки, только имея на руках такой материал, но их ошибки часто зависят от качества следствия.

Я хочу остановиться и еще на одном вопросе. Когда мы говорим о перестройке, о методах перестройки, то нельзя пройти мимо нашего руководства общественными судами. Когда же мы беремся за эти общественные суды, то мы здесь встречаем «но». Представьте себе, если взять нарсудью из сельской местности, то у каждого нарсудьи имеется несколько участков, кроме того при каждом участке имеется общественный суд, сельский суд, колхозный суд и одному судье очень трудно все это охватить.

В моем районе руководит этим делом судья, а прокурор этим не занимается, а если и занимается, то во всяком случае очень слабо и от случая к случаю.

Я хочу сказать в первую очередь о следственной работе. Это чрезвычайно важный участок, и тут у нас сплошь и рядом имеются крупные недостатки.

Я начну с органов милиции. Правильно, что следователь иногда плохо осуществляет надзор за органами дознания.

Если в этой области будет осуществляться совершенно четкий надзор, то мы конечно добьемся положительных результатов. Для этого необходимо ежемесячно проверять работу органов дознания. После следователя чаще всего страдает судья, которому часто не удается ознакомиться до судебного заседания с делом, он не в состоянии отсеять из дел, которые к нему поступают, те, которые не сле-

дует разбирать. Поэтому такой судья проводит процессы, а потом все это в высшей инстанции отменяется. Получается это главным образом потому, что в милиции было плохо проведено дознание.

Следователи должны категорически отказаться от былых консервативных методов работы, от кабинетного метода работы. Надо от этого дела отказаться.

Внеся ясность во все эти вопросы, я выражаю уверенность, что 1 всесоюзное совещание прокурорских и судебных работников даст конкретную установку, которую мы, разбегавшись по местам, сумеем осуществить на основе решений XVII съезда партии.

Тайгин (нарсудья Киргизской авт.республики). Я остановился на вопросе о том, как у нас на окраине преломляются законы и как они безобразно искажаются. Я главным образом остановился на декрете от 7 августа.

Мы не сразу получили разъясняющий материал и первое время судили очень много бедняков и середняков за маловажные хищения. Но и после того, когда было достаточно дано указаний, все-таки ошибки сразу не были исправлены и повторялись. И так продолжалось и продолжается до последнего времени.

Возьмем Наукатский район. Я в начале этого года по поручению прокурора Киргизской республики произвел обследование народного суда. Во время посевной кампании нарсуд осуждал даже вот за что: один бедняк похитил у своего соседа — частного лица — 8 кг ячменя и получил за это по закону 7 августа 10 лет. Затем двое бедняков продали на базаре один — 5 кг своей пшеницы, другой — 10 кг, тоже своей. Они за это по декрету от 7 августа получили по 10 лет. Мотивировался приговор тем, что они противодействовали проведению посевной кампании.

Во время весенней посевной кампании нельзя было драться. За драку осуждали по декрету 7 августа на 10 лет. Один подрался, получил легкое ранение и дня 3—4 не мог работать, в этом усмотрели противодействие со стороны нападавшего проведению весенней посевной кампании и осудили его по декрету от 7 августа на 10 лет.

Штрафная политика у нас проводилась также безобразно. В названном районе во время хлебопоставок было оштрафовано до 50% единоличников. Штрафы в общей сумме составили миллионы рублей; в среднем на одно хозяйство падало более 1000 руб., хозяйство разорялось, имущество приходилось продавать с молотка. Были случаи, когда сам судья принимал участие в таких безобразиях.

Во время хлебопоставок судили за самые незначительные преступления. Всякое маловажное преступление (например если тот или иной крестьянин убирает свой хлеб незрелым), рассматривалось как противодействие проведению хлебопоставок и за это привлекали по закону от 7 августа и давали 10 лет лишения свободы.

В работе органов юстиции Киргизии прокурорского надзора нет. У нас в этом районе за один год сменилось 6 прокуроров, и вообще наблюдается большая текучесть работников прокуратуры.

Михайлик (нарком юстиции и генеральный прокурор УССР).

Товарищи, оценка, которую давал нашей работе Иван Алексеевич в свете решений и

требований XVII съезда нашей партии, совершенно правильна.

(А кулов. На счет защитников скажите).

Причем конечно тут не о недовольстве нужно говорить, слушая суровую оценку Ивана Алексеевича (хотя слушать ее мало приятно, но она по существу правильна). Из этого нужно сделать соответствующие выводы.

Ошибки в работе имеются к сожалению не только в украинских судах и прокуратурах, а в судах и прокуратурах всего Союза; эти ошибки как раз при проведении основных политических задач, поставленных нашей партией, по проведению директивы 8 мая, закона 7 августа, 8 декабря и по целому ряду других задач, поставленных партией и правительством.

Почему мы здесь имели больше всего ошибок, говорю еще раз — к сожалению, не только по Украине, почему в этом вопросе у нас было очень много шатаний из стороны в сторону?

Во-первых, потому, что у нас настоящего систематического оперативного руководства народными судами и облсудами по сегодняшний день в нашей работе нет, неудовлетворительна совершенно и работа прокурорского надзора. Вот почему делает Иван Алексеевич такой резкий крен в сторону судебного надзора прокуратуры, и мы должны сделать его и перенести центр тяжести на судебно-прокурорскую работу.

Был еще один момент, который отчасти противодействовал осуществлению надлежащего руководства в нашей работе на этом участке, это — попытка систематически подменять, вернее заменять, необходимую общую организационную работу работой судов и прокуратуры. Очень часто, когда в отдельных работах были прорывы, то ликвидацию их пытались провести только через суд и прокуратуру. Очень часто тускались в ход массовые репрессии вместо организации самой работы на данном участке. Еще сегодня особенно в районах не видно настоящего лица нашего судьи и нашего прокурора, такого, как этого требуют партия и правительство. Ведь неслучайно на Украине несколько месяцев тому назад ЦК нашей партии (об этом знает Иван Алексеевич) должен был издать специальное развернутое постановление, говорящее о том, что такое прокурор и что такое народный суд. Не случайно в октябре нужно было издать специальное постановление СНК и ЦИК нашей республики, в котором объяснялись элементарные права суда и прокуратуры, элементарные обязанности местных властей в отношении этих органов. Это непонимание значения нашей работы тоже играло немаловажную роль в том, что наши суды и прокуроры работали неудовлетворительно. Путь исправления наших политических, организационных и оперативных ошибок Иван Алексеевич указывает правильно.

Нужно создать из Верховного суда полнокровный, оперативный орган в системе НКЮ, действующий под руководством НКЮ. Нам нужно несомненно заставить весь прокурорский надзор, начиная от прокурора Республики и кончая районными прокурорами, заниматься так называемым судебным надзором, судебной работой как основной своей работой.

Я бы хотел внести в этот вопрос необходимую ясность, сказав, что прокурор должен заниматься судебной работой как основной, подчеркнув, что в то же время надо, чтобы на ме-

стах эту правильную постановку вопроса поняли так, что сейчас удельный вес так называемого общего надзора не сводится на-нет. (А кулов: Поэтому вы его никак и ликвидировать не можете). Я не ликвидирую потому, что до сих пор приказа Прокуратуры Союза о реорганизации мы не имеем, а я считаю, что реорганизация должна быть проведена у нас организованным порядком, по единому приказу. (А кулов. Ты был в отпуску и не знаешь о том, что месяц тому назад был такой приказ). Я имел приказ Прокурора Союза к 15 апреля представить свои соображения о реорганизации. (А кулов. На основе...). Совершенно верно, представить свои соображения, и я помню, что на совещании у вас было предложено, чтобы мы в свей структуре на местах не партизанили. Но не в этом суть вопроса. Суть в другом. Я не хочу этим хотя бы в малой мере прикрыть те огромные ошибки, которые имеются в нашей работе. Я хочу говорить по существу. Мне кажется, что наряду с тем, что мы должны районных прокуроров заставить отвечать за суд, участвовать в нем, мы должны его заставить в то же время не ослаблять общего надзора за революционной законностью, за административными действиями, писаными и неписаными, сельсоветов, горсоветов, райисполкомов, облисполкомов, чтобы они не ослабляли надзора за тем, что мы называем нарушением закона, хотя бы в этом нарушении не было уголовного преступления. Прокурор конечно не должен действовать, как раньше говорилось: тащи и не пушай. Он должен протестовать, заставлять изменять те решения, которые вынесены неправильно. Но его основная работа — это работа судебная и следственная.

Два слова о следственной работе. Иван Алексеевич, я не в порядке комплиментов хочу сказать, вы правильно подняли на действительно огромную политическую высоту впервые вопрос о следствии и следственной работе. Здесь я хочу высказать сомнение, сможем ли увязать предстоящую реорганизацию прокуратуры по производственному принципу с тем высоким качеством следственной работы, которую вы правильно от нас требуете. Сейчас следственной работой по сути дела в Прокуратуре занимается отдел судебного надзора. Мы вместо него создали не один отдел, а отделы по производственному принципу, т. е. сельскохозяйственный, промышленный, финансов, кооперации и торговли, отдел культурного и советского строительства, мы создали 4—5 секторов, где будут сосредоточиваться вопросы данного производства, если можно так выразиться, целиком. Вот здесь есть опасность, что у нас следственная работа в ее общей части, в ее методологии, в ее качественном построении будет разбита между 4—5 командующими точками, и здесь качество руководства следственной работой может пострадать. Безусловно, нам необходимо, проводя эту организацию по производственно-территориальному принципу, заботиться о том, чтобы какой-то единый орган занимался вопросами качества следствия, ибо техника следствия и методология его — они по сути бывают одинаковы, независимо от производственного принципа. Этот момент необходимо обязательно учесть, ибо количество командующих точек будет больше, и поэтому есть опасность распыления руководства делом повышения качества следственной работы. Я

хочу еще остановиться на одном важном моменте, это — на вопросе о живых людях и кадрах. У нас имеется свой опыт на Украине. За 9 месяцев (ибо только за эти 9 месяцев я отвечаю за работу наркомата) мы должны были полностью снять руководство ряда областных прокуратур и судов.

Сегодня у нас в вопросе о кадрах ограничиваются только разговорами и постановлениями о постановке вопроса, а нам нужно уже сейчас, немедленно это дело реализовать.

Еще одно замечание. Необходимо крепко поставить вопрос о нашей прокурорской дисциплине. Я говорю не о внешнем респекте, который оказывают Ивану Алексеичу его подчиненные или мне — мои, а о том, чтобы каждый прокурор усвоил себе, что мы являемся единой централизованной системой, начиная с Прокуратуры Союза и кончая помощником районного прокурора. Здесь такая иерархия не случайна, она вытекает целиком из того положения, которое придает прокурорскому надзору ЦК партии и которое придавалось этому прокурорскому надзору Владимиром Ильичом Лениным. Такой дисциплины у нас еще нет. Мне кажется, что с этой трибуны необходимо особо отметить ту роль и то значение, которые сыграла в этом вопросе Прокуратура Союза.

Нужно оставить в одном лице наркомюста и прокурора республики. Я считаю, что на сегодняшнем этапе, делая полнокровным Верховный Суд Республики так, что он будет — ведать всем по линии судебной работы, кроме назначения кадров нужно оставить в одном лице в республике наркома и прокурора республики. (Голос из президиума. Соединить их?) Они соединены во всех республиках, кроме РСФСР. (Голос из президиума. Очень плохо).

Я считаю, что с этой трибуны на I всесоюзном совещании работников юстиции, в частности прокурорам нужно констатировать, что Прокуратура Союза как раз сделала то, что от нее ждали и партия и правительство. Вокруг вопроса о создании Прокуратуры Союза у нас шли серьезные разговоры и разговорчики, создавались теории и теорички. Я помню выступление т. Скрыпника и тех, кто его поддерживал в вопросе о Прокуратуре Союза. Я помню, когда я был на совещании у т. Акулова и выступил за то, чтобы Прокуратура Союза была полнокровным оперативным органом, я получил реплику от одного товарища: приятно удивлен.

Я хочу отметить, что за это короткое время Прокуратурой Союза проделана огромная организующая и дисциплинирующая работа. И больше того, эта работа первым делом показала союзным республикам, как нужно строить свою работу, чтобы, идя в ногу с требованиями нашей коммунистической партии, идя в ногу с требованиями союзного правительства, мы соблюдали суверенность наших отдельных союзных республик. Это была та суверенность, которая нужна партии, не скрипниковская суверенность, а та, которой требовали от нас Ленин и Сталин в своих формулировках о том, что такое национальная республика в нашем Союзе. В этом деле Прокуратура Союза сыграла большую организующую роль.

И наконец, два слова о защитниках. Первая справка: т. Есаулов излагал факты, которые имели место у нас, и эти факты изложены в основном правильно.

Вторая справка: 4 месяца назад эти ошибочные положения изменены в основном. Ликвидирована уже история с централизованным фондом, совершенно отменена глупейшая история с учетом, вернее с хронометражем трудовой наших членов коллегии защитников, совершенно запрещена в принудительном порядке переброска защитников из одного города в другой, новая такса нами не выработана.

Теперь, что делать с защитниками? Надо этот вопрос как-то подработать и решить. Я слышал от т. Крыленко, что частная практика защитников в Москве не имеет места и что защитники ведут работу в консультации. Очевидно, здесь нужно пойти на то, чтобы защитники были организованы в самоуправляющиеся консультации-коллективы.

Ахметбеков (НКЮ Узбекской ССР). Вопрос осуществления революционной законности в Средней Азии требует более глубокого внимания. Искривления, которые имели место в Узбекистане, говорят, что необходимо уделить более серьезное внимание в дальнейшем правильному осуществлению революционной законности.

По вопросу о применении декрета от 7 августа еще в прошлом году на совещании в Москве мною было сделано сообщение о том, что мы имеем крупные искривления в самом центральном аппарате органов юстиции. Таким ярким примером недооценки и смазывания самого закона 7 августа является включение в Уголовный кодекс ст. 226¹ и 226² т. е. переход от государственных преступлений на имущественные преступления.

Бригада Союзной прокуратуры, посетившая Среднюю Азию, оказала местным органам юстиции большую помощь в деле выявления и исправления этих недостатков, и в дальнейшем был намечен ряд практических мероприятий по изжитию этих недостатков.

Когда к нам приезжала бригада из Союза, она обещала нам дать 15 человек для укрепления нашего аппарата. К сожалению до сих пор мы не получили ни одного человека, кроме т. Удриса.

Был поставлен вопрос об организации института права в Ташкенте для подготовки кадров для среднеазиатских республик, но до сих пор об этом идут только разговоры. Между тем без организации института в Ташкенте и без соответствующей помощи и подброски судебных работников из центра мы всегда можем иметь те недостатки, которые имели место до сих пор. Самая главная задача, и ее я ставлю на совещании здесь, — это вопрос о подброске подготовленных кадров, и это должно быть в ближайшее время осуществлено и претворено в жизнь. Необходимо в ближайшее время организовать институт права в Ташкенте для подготовки юридических работников для республик Средней Азии. Когда мы получаем из Москвы европейских товарищей, то они могут работать только в городе. Не зная языка, они не могут работать на селе. Чтобы подготовить националов, нужно организовать правовой институт.

Кузьмин (Нарком юстиции и генеральный прокурор БССР). Я, товарищи, должен целиком и полностью присоединиться к тем основным предложениям, которые развил т. Акулов в своем докладе. Те крупные недостатки и прорывы в разных областях нашей работы и в организации судебной репрессии,

которые изложил в своем докладе т. Акулов, целиком относятся и к БССР. Больше того, в целом ряде отраслей работы у нас имелись и имеются еще большие извращения революционной законности и очень слабые неудовлетворительные темпы исправления этих извращений органами прокуратуры и суда. Это необходимо в особенности отметить потому, что БССР в Советском союзе занимает особое, специфическое место. Она является пограничной республикой, и мы являемся работниками, проводящими революционную социалистическую законность на стыке двух миров. Это предъявляет к нам повышенные требования по осуществлению борьбы за ревзаконность. Качество нашей работы во всех областях в высшей степени еще неудовлетворительно. Следственная работа, которая заняла одно из центральных мест в докладе т. Акулова, поставлена плохо. Судебная работа прокуратуры организована и поставлена неудовлетворительно. Проверка прокурорской работы по применению закона 7 августа 1932 г. показала, что прокуратура чрезвычайно мало участвует в судебных процессах. Есть случаи направления дел по закону 7 августа прямо без санкции прокуратуры в суд, что является грубейшим извращением в организации судебной политики.

У нас в БССР мы заняты сейчас не только исправлением теперешних ошибок судебной работы по применению закона об охране социалистической собственности, по охране коневодства, животноводства и т. д., но и в значительной степени исправлением ошибок в организации судебной репрессии, которые были совершены НКЮ, нарсудьями и райпрокурорами в заготовительную кампанию 1932/33 г., когда либеральное и попустительское отношение к кулаку и саботажнику сменилось довольно широкой практикой репрессивного увлечения, «левацких» загибов в области репрессии, применения конфискации и т. д. Достаточно отметить например такой факт, что даже кассационная коллегия Верховсуда БССР, усиливая репрессии, применяла в ряде случаев конфискацию имущества, не примененную нарсудом и без передачи дела на новое рассмотрение. Таковы ошибки, которые сейчас приходится нам исправлять.

Важнейшим тезисом в докладе т. Акулова является его указание на роль, характер и значение суда и прокуратуры в деле внедрения социалистического правосознания в широкие массы. Тезис о социалистическом правосознании, взятый из программы нашей партии и блестяще развитый и обоснованный в теоретических трудах Ленина и Сталина, приобретает в нашей работе исключительно важное значение.

В свое время Ф. Энгельс дал блестящую критику буржуазному юридическому мировоззрению. Мы целиком стоим на позициях марксизма-ленинизма в борьбе с юридическим мировоззрением буржуазии. Труды Ленина и Сталина дают нам новую громадную программу борьбы в переходный период по проведению и осуществлению социалистического правосознания.

Тем самым наша коммунистическая критика и наша положительная работа поднимается на небывалую высоту.

Сам по себе короткий тезис о социалистическом правосознании, выдвинутый т. Акуловым,

является на самом деле широкой программой работ органов советской юстиции.

Он, этот тезис, связан и стоит в центре ряда проблем в деле проведения нами директив партии и правительства.

В самом деле. Вопрос о социалистическом правосознании является неразрывно и органически связанным с широкой популяризацией советского права, советского законодательства.

В колоссальной степени возрастают требования трудящихся масс по ознакомлению их с конкретными законами, обязательствами и правами каждого трудящегося. Для БССР это имеет особо важное значение в связи с тем, что у нас за последние годы с изданием и переизданием основных законов и кодексов (УК, УПК, земельно-колхозное законодательство и т. д.) дело явно неблагополучно. Законы не переиздаются. Это конечно затрудняет борьбу за социалистическую законность, поскольку в проведении и осуществлении ее должны принять и принимают участие широкие слои трудящихся.

Затем мы упираемся в реформу нашего законодательства. Тов. Акулов в своем докладе и т. Пашуканис, выступавший от Коммунистической академии, поставили и эти вопросы. Надо их поддержать, и дело с реформой законодательства в том числе и УК продвигать в самое ближайшее время.

Пару слов о проекте УК ИССП Коммунистической академии, в составлении которого я вместе с рядом товарищей из Коммунистической академии и НКЮ РСФСР принимал участие. Составленный 5 лет назад он заключает в себе ряд серьезных недостатков и ошибок.

На 3 ошибках наиболее серьезных я хотел остановиться в своей критике.

Недостатки и ошибки проекта УК связаны: 1) с установлением твердых сроков в применении репрессии. Это одновременно и связывает руки судье и дает ему слишком большой протор, 2) они связаны с практикой широкого усмотрения судьи в отнесении тех или иных преступлений по категориям, избрании мер судебной репрессии и т. д., и наконец 3) со структурой УК, его общей и особенной частями.

Я уже не говорю о том, что закон 7 августа 1932 г. совершенно иначе ставит вопросы об охране социалистической собственности, чем они ставились в проекте УК. Ясно, что эти крупные ошибки необходимо исправить. А если т. Антонов-Саратовский думает, что этим будет ослаблена критика его неправильных позиций, то он глубоко ошибается.

Недостатки в организации судебной репрессии заключаются в том, что наши кадры, наши работники в первую очередь, в районе не поднялись еще до уровня решений XVII съезда партии, до уровня задач органов юстиции во 2-й пятилетке.

В нашем аппарате среди работников юстиции еще есть чуждые враждебные, контрреволюционные, бундовские элементы. Их необходимо изгнать из наших рядов в первую очередь. Мы в БССР эту работу проделали, хотя еще не полностью, и не везде заменили эти элементы хорошими, партийными кадрами.

Если этими бундовскими и контрреволюционными вредительскими элементами были поражены НКЗем Белоруссии, НКПрос, Академия наук, то они нашли свое место и в орга-

нах юстиции. Они мешали, компрометировали ту работу, которая на нас ложилась.

Следовательно задача сейчас, которая поставлена перед нами в докладе т. Акулова, состоит еще и в том, чтобы еще более четко, политически бдитительно просмотреть наши кадры под этим углом зрения и безжалостно устранять те, которые на словах стоят за линией партии, а на деле все делают для того, чтобы дезорганизовать нашу карательную политику.

Филиппов (Прокурор г. Москвы). Первый вопрос, который я считаю необходимым особенно заострить, это вопрос о борьбе прокуратуры за мелочи рабочего быта, за внимание к нуждам трудящихся. Я считаю, что на этом участке у нас, работников прокуратуры, дело обстоит не совсем благополучно. Мы, прокуроры, зачастую увлекаемся большими процессами, мы очень любим большие и крупные дела. Если спуститься в камеру районного, городского или областного прокурора и посмотреть, как обстоит у него дело с письмами рабочих, как обстоит с рабочими жалобами, с жалобами по наиболее острым вопросам, касающимся того или иного рабочего, то окажется, что дело обстоит плохо.

Возьмите жилищный вопрос. Мы имеем свыше 60 законов по жилищному вопросу. 60 законов! Прежде всего ни один народный судья, а зачастую и районный прокурор не знает их. Книги и справочники по этому вопросу найти очень трудно. В то же время мы видим, что это наиболее серьезный участок, которым нам следует заняться.

Я приведу один маленький пример, который имел место в Москве. У нас много барачков, как и в Ленинграде, в связи с большим строительством. Живет человек в барачке, получает зарплату 100 руб., а с него берут квартирную плату 75 руб., потому что берут 3—5 руб. за койку, а дальше идут всякого рода накладные расходы. Прав был районный прокурор, который вмешался в это дело. А сколько имеется такого рода жалоб рабочих? Очень и очень большое количество.

У нас считается предосудительным заниматься мелкими делами.

Возьмем вопросы снабжения. Рабочие и трудящиеся получают по закону определенные нормированные продукты. Приходит к прокурору рабочий и говорит: нам за 2 дня задержали выдачу мяса. Ему отвечают: позвольте, мы вашими орсам не занимаемся, у нас есть такая директива созывать орсы и обсуждать все вопросы, а этот вопрос такой небольшой и принципиально не серьезный, что заниматься им мы не будем.

Недавно мне и т. Гребневу Лазарь Моисеевич Каганович правильно указал: «товарищи прокуроры, поставьте перед собой основную задачу сейчас заняться мелочами рабочего быта, строго судите тех, кто нарушает советские законы, боритесь с нарушителями законов, боритесь за то, чтобы рабочий получал то, что ему полагается, и чтобы никто не смел нарушать его законные права».

Иван Алексеевич вчера передал мне один материал. Он написал: «т. Филиппов, этот вопрос заслуживает серьезного внимания, поставьте показательный процесс». Дело идет о том, что в одном жакете провалился потолок и в течение 2 мес. сыплется штукатурка, льется вода.

А сколько районных прокуроров подходят к этому вопросу так, как подошел Иван Алексеевич? Большинство невнимательно подходят. Прокуроры должны, невзирая на лица, привлекать к ответственности бюрократов, забывающих о нуждах трудящихся.

Второй вопрос — это о штрафной политике. Этому делу мы не уделяем достаточного внимания. В Москве штрафуют 23 инстанции. Существуют всякого рода инспекции — и овощные, и санитарные, и пр., а реального надзора за этим делом нет.

Нам предлагают создать штаб по изучению жалоб. Какой нужен здесь штаб, когда человеку дают 50 руб. штрафа за то, что «раздражал инспектора»? Наше дело бороться с реальными людьми, которые позволяют себе нарушать законы, наше дело поставить вопрос о том, что пора пересмотреть законодательство и исправить это дело.

Последний вопрос — это вопрос об инспекции. Сейчас надавали права всем инспекциям — рыбной, кооперативной, санитарной, и др. Существуют десятки инспекций, а какая система прокурорского надзора за этим делом? Как нам наладить надзор за этими инспекциями, указаний нет. Инспекциями нужно серьезно заняться, иначе мы их превратим в бюрократический аппарат, который нам никакой пользы не принесет, а при правильной организации это будет хороший и надежный помощник.

Котляр (председатель ЦК Союза работников госучрежд.). Тов. Акулов в своем докладе очень критически подошел к нашей работе в области прокуратуры и суда. Я думаю, что это совершенно законно потому, что те повышенные требования, которые предъявляются этому участку работы со стороны партии и трудящихся, возлагают на нас большую ответственность. По нашим делам судят о всей власти. Разница между судебными работниками и работниками, которые осуществляют социалистическое строительство, — большая, ибо наш хозяйственник в основном имеет дело главным образом с материалом, тогда как вы в своей повседневной работе имеете дело с живыми людьми, причем не только с человеком, но и с делом, которое возникает вокруг этого человека, и тем преступлением, которое этот человек совершает. От вас требуется, чтобы вы не только изучали человека, но и дело. И вы должны знать и технику, и механику, и должны знать, как совершилось это преступление, как помочь ему, чтобы этот человек вышел из этого дела, объективно его судить так, чтобы он осознал свои ошибки и их исправил. Поэтому требования, которые предъявляются этой фаланге работников, исключительны.

Едва ли кто-либо скажет о том, что на таком съезде, в такой аудитории самокритика должна быть меньше, чем была. Она совершенно правильна и закономерна. И правильно т. Акулов в этом разрезе построил свой доклад.

Все решения XVII партийного съезда по линии вашего производства освещены уже, и я думаю коснуться только одного вопроса относительно массовой работы в условиях суда и прокуратуры.

На XVII партийном съезде в резолюции по докладу т. Кагановича отмечено, что «так как шефство и соцсовместительство оправдали себя, то в дальнейшем нужно развернуть и качественно поднять эту работу». Надо отметить, что в этом отношении у вас имеются в сравне-

нии с другими организациями большие успехи. Причем надо сказать, что здесь рабочее шефство и соцсовместительство имеет широкое применение и достаточно проникло в наш аппарат. Если речь идет сейчас об укреплении работы, то мы видим, что из числа 10 000 соцсовместителей, находящихся во всем нашем Союзе, мы имеем в нашей системе примерно 40%. Это является большим достижением. Чем это объясняется?

Это объясняется, во-первых, тем, что методы работы, применяемые в нашем аппарате, более близки рабочим с производства. С другой стороны, забота, которая проявляется целым рядом наших организаций, приближает их. И поэтому здесь взаимосвязь: с одной стороны, рабочие получают возможность обучаться государственному управлению и, с другой стороны, аппарат идет им навстречу.

Надо, товарищи, также сказать, что из имеющихся материалов видно, что процент отмененных решений, вынесенных судами под председательством народного судьи — соцсовместителя, в ряде случаев ниже процента отмены аналогичных приговоров по делам, рассмотренным штатными судьями. Это замечается во многих областях.

Особенно ценным является опыт, который проделала Днепропетровская прокуратура, где железнодорожники — лучшие ударники участвуют в работе органов юстиции, ведя борьбу с расхлябанностью, расхищениями и т. д.

Всесоюзный слет соцсовместителей доказал, что фаланга работников, входящих в систему НКЮ и прокуратуры, без сомнения правильно и хорошо работает, помогая вам во всех отношениях. 1 января 1933 г. в системе НКЮ мы имели 1 455 участников шефбригад и 2 038 соцсовместителей, а на 1 февраля 1934 г. мы имеем 2 631 участника шефбригад и свыше 3 000 соцсовместителей, — это по неполным данным. Из общего количества соцсовместителей, работающих в системе НКЮ, заместителей прокуроров мы имеем 23% по отношению к штатному количеству последних.

Сейчас, товарищи, надо еще больше внимания и заботы уделить соцсовместителям, ибо имеется ряд случаев, когда наши работники недоценивают это движение; имеют место случаи, когда соцсовместители приезжают для работы в аппарат за свой счет, когда им не оплачивается проезд, есть целый ряд случаев, когда не заботятся о поднятии их квалификации и т. д. Нам нужно будет найти средства, чтобы обеспечить соцсовместителям возможность проводить возложенную на них работу и создать к ним такое отношение, которое обеспечивало бы им нормальные условия работы.

Я уверен, товарищи, в том, что органы суда и прокуратуры, подытожив решения XVII съезда партии и материалы сегодняшнего совещания, с сознанием особой ответственности еще упорнее и настойчивее будут крепить революционное правосознание и еще бдительнее будут стоять на страже революционной законности и еще более будут связываться с широкими рабочими массами.

Нет сомнений в том, что это совещание внесет наибольшую ясность и конкретность в нашу работу и поможет всему рабочему классу лучше и быстрее построить бесклассовое социалистическое общество.

Китикьян (НКЮ ССР Армении). Первое о чем я должен сказать, это о работе Союзной

прокуратуры. Создание Союзной прокуратуры имело колоссальное значение в деле укрепления революционной законности на окраинах нашей республики. За короткое существование Союзной прокуратуры мы действительно почувствовали руководство с ее стороны, которое не сводилось, как обычно, к циркулярам, письмам и к указаниям, а это руководство было действительно оперативным и конкретным по определенным конкретным делам. Желательно было бы еще больше усилить это руководство посылкой к нам таких же бригад, как в Среднюю Азию, ибо это руководство поможет нам перестроиться под знаком решений XVII съезда партии. У нас качество работы очень плохое. Ряд ораторов стремился объяснить плохую работу, исключительно качеством наших кадров. Кадры плохие, некультурные, неквалифицированные и т. д. Так говорили многие товарищи, выступавшие сегодня. Это неверно.

У нас есть, конечно, плохие, малограмотные, некультурные работники, в особенности в низовых звеньях, но многое в их работе зависит от нас, от нашего руководства. Мы не сумели перестроиться и перестроить нашу работу так, чтобы иметь влияние на эти кадры.

В некоторых районах партийные организации не думают и не интересуются нашей работой. Партийные организации занимаются вопросами сева, разными сельскохозяйственными кампаниями, и это правильно, но точно так же они должны заниматься и нашей работой.

Наша работа не менее важна, чем та работа, которую проводят партийные организации. Качество нашей работы не менее важно, чем качество выпускаемой продукции.

Булат (председатель Верховного Суда РСФСР). Все вероятно помнят указания т. Сталина на XVII съезде партии, в котором он поставил вопрос, когда говорил в докладе о нашей организационной работе и организационной перестройке о том, что на 9/10 ликвидация трудностей, какие стоят перед нами, зависят исключительно от нас самих.

Мне кажется, что нам сейчас, когда мы рассматриваем вопрос в какой мере и степени мы перестроили нашу работу, нужно особо помнить это указание. Если посмотреть на перестройку нашей работы в краях и в Верховном суде, то имеет место такое явление, когда формально как будто бы перестроились, переменили вывеску, пересадили людей, а по существу работаем еще по-старому.

Если взять вопрос о нашей помощи народным судам, то у нас как правило, начиная от областных судов и кончая Верховным, очень часто эта помощь заключается в том, что мы приезжаем на места, проверяем и обследуем работу этих народных судов. Мне кажется, что всю систему нашей работы после съезда нам необходимо резко изменить. Необходимо прекратить обследовательскую работу, которая по существу не дает того, что нужно. Надо заменить этот метод методом показа, методом учебы, методом непосредственной помощи на месте народным судам, помощи по существу.

Здесь кто-то из товарищей в прениях говорил о телеграмме, которую я дал по вопросу о том, что краевые суды не разбирают дел, связанных с весенним севом. Получилось так, что весь центр тяжести борьбы за краевые суды переложили на народные суды. Поэтому мы считали необходимым дать указания на то, что нужно этим вопросом заняться и краевым

судам. У нас областные и краевые суды подходят формально к краевой подсудности и как правило берут к своему производству дела с серьезной мерой социальной защиты. В процессе весеннего сева и при проведении других хозяйственно-политических кампаний нужно помогать нарсудам, нужно учить нарсудью, как проводить процесс.

Несколько слов о лице нашего судьи. Мне кажется, что если мы ставим серьезно вопрос о революционной законности, то надо, чтобы наши районные прокуроры и народные судьи действительно боролись за ревзаконность, невзирая на лица. Нашим судьям приходится испытывать давление со стороны районных организаций. Я приведу как иллюстрацию чрезвычайно интересный пример:

В Московской области Калязинского р-на председатель колхоза Нестерова судили в течение короткого времени три раза. Первый раз ее судили за то, что она не сдала семян МТС, и ее приговорили к 6 мес. принудработ. Второй раз ее судили за то, что она не выполнила договора, как сказано в приговоре, заключенного с кожевенной артелью на работу колхозников в этой артели. Третий раз ее судили за то, что по неосторожности колхозника была подожжена рига.

Что представляет собою Нестерова? Она работает председателем колхоза. После всех этих судимостей она пришла в райком и заявила, что больше оставаться работать при наличии судимостей не может. Между тем районный комитет не позволяет снять ее с работы. В одном журнале портрет Нестеровой был помещен на первой странице, как одной из лучших председателей колхоза, работает она прекрасно и колхозники дают о ней прекрасные отзывы. И несмотря на все это, суд умудрился в течение полугодя осудить Нестерову три раза, в то время как состава преступления не было ни в одном случае. И нарсудья, вместо того, чтобы правильно подойти к разрешению этого дела, которое было возбуждено против Нестеровой, осудил ее.

Народный судья подошел к делу не с точки зрения революционной законности, а озираясь на лица, возбудившие это дело.

И последнее замечание — по вопросу о работе защитников. Мы только третьего дня разбирали вопрос о том, что Крымский главный суд исключил из коллегии защитников 4 защитников. Мотивировка в отношении двух из них записана так: «Исключить за то, что не были согласны с квалификацией суда и настойчиво добивались отмены дела в Верховном суде». Я почти дословно привожу это из постановления главсуда. И надо сказать, что это в Крыму не единственный случай. Мы имеем со стороны главсудов, а иногда и областных судов, случаи, когда они терроризируют защитников. У нас нередки кассационные жалобы, которые защитниками пишутся в таком виде, что при отсутствии состава преступления защитник просит только о смягчении именно потому, что суды терроризируют защитников и недооценивают их работы, они не понимают, что в целом ряде случаев, когда защитники хорошо подобраны и представляют квалифицированный состав, они помогают судебным органам разобраться в деле. Поэтому я считаю, что для защитников (все мы знаем, что в составе их есть такие, которые не место в коллегии защитников и от них нужно избавиться), необходимо создать та-

кие условия для их работы, чтобы не создавать недопустимого отношения к защитникам подобно тому, как мы имеем в Крыму и в других местах.

Немцов (член Верховного Суда СССР). Работа судебно-прокурорских органов на транспорте пожалуй ничем не отличается по своему качеству от работы общих судов. Она такая же скверная. Причины плохого качества работы лежат главным образом не в объективных причинах, а в нас самих. Мы сами, и только мы, виновны в плохом качестве работы, и это надо особенно подчеркнуть.

За краткостью времени я остановлюсь на тех живых примерах, с которыми мне, только что вернувшемуся из поездки, пришлось встретиться на местах. Заслушал я на 4 дорогах несколько процессов в выездной сессии Верховного суда и один процесс не успел заслушать, это последнее дело является самым интересным по тем задачам, которые мы хотели поставить на этом процессе. Мы по приезде на ст. Дебальцево с прокурором Мироновым зашли в нашу лабораторию, где готовятся наши дела, в лабораторию органов следствия, в арестные помещения и нашли там готовящийся процесс работников ст. Дебальцево, двух депо западного и восточного, по обвинению в плохом качестве ремонта паровозов и вагонов.

Следствие привлекло 7 кадровых рабочих со стажем 30—35 лет, работающих, что называется, из стари в этих самых депо, по должности не выше мастеров этих цехов котельного, вагонного и т. д. Они были арестованы в январе, о них велось следствие, мы приехали к концу марта, и они содержались под стражей с санкции прокуратуры, 3 месяца они сидели под следствием. Что мы в материалах о них встретили? Следственные бумаги представляли их вначале очень страшными людьми, им инкриминировалось обвинение в том, что они с контрреволюционной целью выпускали из ремонта недоброкачественные паровозы, умышленно добиваясь большого возврата паровозов после ремонта и т. д. Было признано, что среди этих 7 рабочих один б. меньшевик, а другой уехал с белыми. Вот эти два признака послужили, так сказать, определением того, что плохое качество ремонта было организовано с вредительской целью со стороны вот этих «классово чуждых элементов».

Эти два признака дали возможность следственным органам привлечь их к ответственности как классово враждебные элементы, а действительную причину и настоящих виновников плохого ремонта никто не считал нужным выявить.

Когда мы опросили каждого в отдельности для того, чтобы установить отчего получалась течь, то они отвечали, что работают очень давно, но от чего получилась эта течь — причину мы не установили. Когда мы одного из них спросили: а что тебе предъявляет следствие, он нам ответил: меня один раз допросили, а что дальше, я не знаю.

Что мы сделали по этому делу? Мы вместе с прокурором поехали в это депо и начали говорить с рабочими об этом случае. Когда мы им задали вопрос о том, что один из обвиняемых как-будто бы бежал с белыми, то получили такой ответ, что этот обвиняемый действительно был увезен белыми, но потом через неделю вернулся, привез с собой винтовки,

которые раздавал красным. Но об этом следствие умолчало.

За кратким временем я не могу подробно останавливаться на этом эпизоде, но должен сказать, что этот вопрос мы согласовали с начальником управления НКПС, обвиняемых освободили и сделали соответствующие выводы.

Следует подчеркнуть, что впоследствии было опровергнуто и утверждение, что один из обвиняемых был раньше меньшевиком.

Мы по этому делу специально написали записку в ЦК. Ясно, что такие действия, граничащие с преступлением не помогают партии в борьбе за качество продукции.

Основное значение нашей работы заключается в том, что мы должны являться проводниками революционной законности. Мы должны после этого совещания, разъезжаясь на места, дать обязательства, что качество нашей работы будет лучше, чем было вчера, а вчерашнюю работу мы по-большевистски, со всей беспристрастностью самокритики должны признать очень скверной.

Джафаров (НКЮ и Прокурор Азербайджанской ССР). Правильно сказал тов. Акулов, что главным звеном в деле улучшения качества нашей работы является народный следователь. Зачастую же народный следователь является техническим исполнителем поручений районного прокурора, а лицо народного следователя не всегда видно, в то же время судьба дела зависит от него. Тут необходимо поставить вопрос о создании авторитета следователям.

В Азербайджане мы это очень хорошо почувствовали, ибо очень часто наши дела проваливаются благодаря недоброкачественности тех материалов, которые мы присылаем в Союзную прокуратуру.

Следующий вопрос о реальности наших приговоров. Тов. Акулов сказал, что мы очень много судим, очень много прекращаем дел. Я должен совершенно откровенно сказать, что очень часто не малый процент наших приговоров остается невыполненным, в особенности по

делам, по которым мы приговариваем к принудительным работам. Иногда эти приговора остаются невыполненными потому, что просто не находят обвиняемого, а в других случаях потому, что имеет место злой умысел со стороны некоторых работников.

Почти все выступающие здесь товарищи говорили о кадрах. Это вполне понятно, потому, что живые люди делают дела. С кадрами чрезвычайно скверно и в нацреспубликах. Разве кадров нет? Я бы не сказал, что их нет. Вопрос упирается в подбор и в расстановку сил. Вместе с тем вопрос упирается и в условия работы. Вопрос не в жаловании. Когда я зимой разъезжал по районам, я видел народных судей, которые сидели в холодных камерах и не в состоянии были работать. Они не могут достать даже дров. Не менее острым является вопрос о транспорте. Когда следователю надо поехать в колхоз и на месте произвести следствие, он вынужден куда-то обращаться за перевозочными средствами. Иногда ему приходится обращаться даже в ту организацию, против которой имеется дело. Может ли все это не отразиться на работе следователя?

О руководстве Союзной прокуратуры. Какие здесь недостатки? В Союзной прокуратуре есть товарищи, которые не знают, я не говорю уже политического и экономического, но географического расположения национальных республик. Чтобы не быть голословным, приведу пример: недавно мы получили список районов с предложением проверить по этому списку все районы, почему они не выполнили директивы Москвы. В этом списке и Баку, и Армения, и Таджикистан, но только один всего район Азербайджана.

Мы часто получаем задания без учета в этих заданиях места, где расположен Азербайджан, и сроков выполнения этого задания. Правда мы не всегда хорошо выполняем директивы, но это происходит не злостно, может быть мы не поняли и не уяснили себе этого. За это конечно нас нужно бить, но все-таки люди, сидящие в Союзной прокуратуре, должны учесть это.

Прения по докладу наркома юстиции Н. В. Крыленко—Практика применения закона от 7 августа 1932 г.

(Утреннее заседание 25 апреля)

Завицкий (председатель Верховного Суда УССР). Тов. Крыленко свой доклад иллюстрировал букетом грубейших нарушений судебными органами советских законов. А как раз на нас, на судебных работников, возложена задача решительной борьбы за укрепление революционной законности. На нас возложена задача судебной работой воспитывать в широких массах уважение к советским законам, к директивам партии и правительства и помогать партии и правительству преодолевать трудности социалистического строительства. На нас возложена задача судебной репрессией сломить сопротивление классового врага, выявить замаскированного, припрятавшегося классового врага, который ведет сейчас отчаянную борьбу против социалистического строительства, против мероприятий партии, выявить своевременно, метко и жестко ударить по нему.

Как же мы выполняем все эти требования нашей партии?

В порядке самокритики нужно сказать, что выполняем мы эту задачу еще очень плохо. Качество нашей судебной работы низкое. Слишком большой процент брака. Тов. Крыленко говорил только в отношении РСФСР, но нужно сказать, что такие же безобразия и грубые извращения имеют место в большом количестве и на Украине. На Украине областные суды 50—60% решений народных судов отменяют. Верховный суд отменяет 45—50% решений областных судов. Отсюда вы видите, какой большой процент брака в нашей работе. Если бы такой брак был на производстве, за это судили бы и очень крепко. А мы при таком браке в нашей работе недостаточно боремся с бракоделами; мы не подняли еще на должную высоту ответственности судебных работников за брак который они допускают в своем производстве.

Если мы сейчас обратимся на Украине к вопросу о применении закона 7 августа по данным со времени издания закона по 1 января

1934 г., то увидим, что по 50% дел, которые проходили через Верховный суд, отменялись решения областного суда.

Грубые искривления наших законов со стороны отдельных судебных работников имели место и на Украине. Киевский облсуд осудил по закону 7 августа середнячку Колодийцеву за попытку украсть незначительное количество картофеля из-за тяжелого материального положения.

Тот же Киевский суд осудил сына кулака на 10 лет за то, что его отец срезал некоторое количество колосков в колхозном поле, а так как отец был стар, то осудили вместо отца сына.

Таких примеров можно было бы привести еще очень и очень много.

Какие же меры были приняты, чтобы изжить эти безобразия и добиться повышения качества нашей работы?

НКЮ снял ряд руководящих работников Киевского облсуда и прокуратуры, снял руководство Донецкого облсуда и прокуратуры и укрепил их лучшими работниками. Также было проведено укрепление Одесского и Харьковского облсудов. Со своей стороны мы принимали меры к улучшению всей нашей работы путем усиления живого оперативного руководства местами.

НКЮ и Верховный суд за последнее время направили в каждую область на один месяц своих ответственных работников, которые с помощью областного комитета партии должны помочь облсуду перестроить работу как в самой области, так и в нарсудах.

Мы поставили перед собой, как обязательство, чтобы облсуд при отмене приговора нарсуда выносил мотивированное постановление о причинах отмены приговора, с указанием допущенных ошибок. Мы поставили у себя в Верховном суде такую же задачу, чтобы каждый измененный или отмененный приговор облсуда имел мотивировку, чтобы каждое наше указание было руководящим указанием для низовой судебной системы.

Я думаю, что этот порядок работы и та зарплата, которую мы получили от сегодняшнего совещания, на котором ярко выявились недостатки и недочеты в нашей работе, все еще имеющее место, помогут нам добиться еще большего улучшения качества нашей работы. Мы сумеем по-настоящему перестроить нашу работу и поставить ее на высоту тех требований, которые нам предъявляются.

Лейман (прокурор Уральской обл.). Для того, чтобы работать лучше, чем мы работали до сих пор, необходимо коренным образом перестроить наше руководство, руководство областных органов юстиции в отношении низовой периферии и дальше — Народного комиссариата юстиции в отношении мест.

Работники юстиции бывшей Уральской обл. могут засвидетельствовать, что попытки перестройки руководства и усиления живого руководства были. Это особенно имело место в последнем, IV квартале 1933 г. В нашей области в течение IV квартала все время обязательно находились либо представители Союзной прокуратуры, либо представители Прокуратуры Республики.

На Урале, несмотря на значительную проделанную работу по реализации инструкции 8 мая, после издания этой инструкции был ряд серьезных, грубейших нарушений революцион-

ной законности. Одним из видов нарушений революционной законности Прокуратурой Союза было признано неправильное привлечение к судебной ответственности специалистов, возбуждение необоснованных уголовных дел против ряда других категорий работников.

В результате этих обследований были сделаны организационные выводы в отношении и. о. прокурора Уральской обл. Тумарина; был снят с работы и предан суду прокурор г. Надеждинска; впоследствии как не справившееся с работой и непроявившее твердой линии за осуществление инструкции 8 мая было снято руководство органов прокуратуры нескольких городов Уральской обл., в частности Магнитогорска, Перми и других районов.

Казалось бы, что внимание и Прокуратуры Республики и Прокуратуры Союза должно было бы дать значительные результаты в смысле улучшения работы, однако мы не можем сказать, что мы достигли значительных сдвигов. Все недостатки были широко проработаны на кустовых совещаниях работников юстиции Уральской обл., но мы еще не можем сказать, чтобы эти меры были достаточны для того, чтобы обеспечить на данный период времени правильное проведение инструкции 8 мая.

Одна из трудностей заключалась в том, что снятых работников мы не имели возможности быстро заменить за отсутствием подходящих квалифицированных кадров, и ряд ответственных участков нашей области оставался без руководителей, что естественно отрицательно отзывалось на борьбе с этими недостатками.

Мне кажется, что одним из крупных недостатков не только областных прокуроров и районных прокуратор, но и Наркомюста заключается в том, что мы с большим опозданием подводим итоги своей собственной работы.

Когда мы говорим о перестройке работы, это значит нужно построить работу так, чтобы мы могли быстрее, решительнее вскрывать наши недостатки, чтобы на основе вскрытия этих недостатков Наркомюст мог своевременно ударить по тем местам, где имеется больше прорывов. Мне кажется, что нынешняя форма отчетности, в том числе и наши конъюнктурные сводки не отражают действительного положения вещей. Мы должны иначе освещать свою оперативную работу в оперативных сводках. Их надо построить так, чтобы они давали полный политический анализ работы. Наша работа в ряде случаев получает недостаточное отражение, она отражается в отчетах количественно и не отражает сущности производственного характера той или иной работы.

Арасланов (Башкирия). Я буду говорить об инструкции 8 мая. Недочеты и отдельные безобразия имелись и у нас, в Башкирии.

Как поняли реализацию инструкции 8 мая и как понимают ее отдельные работники сейчас? Если взять милицию, то она подходит к этому делу формально. Эти недостатки мы конечно исправляли, но должен сказать, что они продолжают еще и сейчас.

В Башкирии не разрешен еще и вопрос относительно конвоирования. Крупные процессы о бандитизме срываются. Нет возможности своевременно рассмотреть дело. Этот вопрос надо разрешить здесь — по линии Союзной прокуратуры.

(Вышинский). Этот вопрос уже давно разрешен, есть постановление СНК Союза, кото-

рое обязывает милицию конвоировать всех арестованных; о невыполнении этого постановления сообщайте нам конкретные факты).

У нас имеются факты. Я считаю, что это нужно разрешить.

Я хочу предъявить т. Крыленко претензию. У нас в башкирских условиях с кадрами, особенно с работниками суда и прокуратуры, дело обстоит недостаточно благополучно.

Я считаю, что уделяется недостаточное внимание комплектованию кадров автономных республик. Мы просим федерацию дать нам кого-нибудь. Мы не можем получить кадры даже свои, которые подготавливаем. Наркомюст федерации дал нам прокурора, который от нас уехал в отпуск и не возвратился. Мы по этому вопросу обращались в Наркомюст федерации с просьбой дать нам взамен его другого, но не получили.

А что получается с нашими кадрами, которые мы подготавливаем? В нынешнем году окончившие курсы в Башкирию не направляются. (Крыленко. Какой процент, что вы рассказываете?). Какой бы процент ни был. Дальше. Казанский институт совправа подготовил нам 16 человек, из них мы можем получить только 6. Мы обратились к Николаю Васильевичу с телеграммой (Крыленко. Я отказал). Я дал телеграмму, Хазов дал, а Николай Васильевич отвечает, есть бумага о том, что вам направлены коренные работники — башкиры. У вас в Башкирской республике — татары, русских вам не нужно. Я считаю, что такая постановка вопроса при распределении кадров неправильна. (Крыленко. Это не так).

У нас большой процент русского населения — 50%. Если взять татар и башкир, то они составляют 50%. Таким образом мы подготавливаем кадры пропорционально: мы имеем отдельно татарские и русские районы.

Николай Васильевич, этих работников вы должны будете возвратить, потому что вопрос упирается в кадры. То издевательское отношение к законам, те безобразия, которые бывают в башкирских условиях, исключительно упираются в кадры. В Башкирии мы работников юстиции найти не можем и мы их за свои копейки подготавливаем, а эти кадры направляются в другие районы. Я считаю, что вы нашу претензию примете к сведению и возвратите нам обратно в Башкирию наших работников.

Сольц (ст. пом. прокурора СССР). Я считаю, что т. Крыленко не дал ответа на тот вопрос, который нас интересует: как мы справились с законом 7 августа и с постановлением 8 мая? Надо было ответить, что не справились, но т. Крыленко так говорил, что я так и не понял, справились мы или не справились. А когда я сегодня читал резолюцию, то в ней он повторил то, против чего вчера выступал, что в общем и целом есть сдвиг и как будто справились.

Я думаю, что мы не справились. Доказательством этого является то, что постановление 8 мая было издано именно потому, что мы не справились.

Тов. Крыленко сказал, что у нас создалось такое положение, когда Центральный комитет партии совершенно правильно должен был напомнить нам, что наступил момент, когда нужно с особой серьезностью относиться к социалистической собственности, ибо все человечество, и наше человечество в том числе, при-

выкло к тому, что собственность есть своя, частная собственность и что другой собственности нет, а Центральный комитет сказал, что у нас есть социалистическая собственность, вы пожалуйста будьте с ней осторожны. Но Центральный комитет никак не ожидал, что это будет так понято и так будет проведено в жизнь, как это было нами понято и проведено в жизнь.

Мы не можем сказать, что не опасно, когда воруют трудящиеся, это еще более опасно; но меры к ним должны быть применены другие, потому что когда ворует значительная масса людей, то те меры, которые требует закон 7 августа, к ним нельзя применять, ибо этот закон нельзя применять широко. Вот здесь-то и исправил нас Центральный комитет, сказав — применяйте этот закон к организаторам и помните, что, когда вы судите целую группу людей, этот закон можно применить к одному — двум; а когда вы будете применять его к целой массе, то получится только одно безобразие. Это нами не было понято, и до сих пор кое-кем не понято.

Закон 7 августа нужно проводить так, чтобы брать не количеством, а качеством. Нельзя гнаться за количеством дел по закону 7 августа; нужно бороться за качество этих дел, так как на основе этих дел мы должны учить массы. Если мы будем применять закон 7 августа в массовом порядке, то получится такое положение, когда люди перестанут бояться, их перестанет пугать 10 лет, а это самое страшное, потому что когда перестают бояться закона, который дает не менее 10 лет, это уже совсем плохо. Не нужно иметь много дел, нужно иметь немного, но таких, которые действительно мобилизовали бы массу и воспитывали бы ее.

Центральный комитет партии помогает нам, когда мы делаем ошибки, но чтобы мы помогли Центральному комитету проводить единую генеральную линию, которую проводит Центральный комитет, — этого часто не видно, а отсюда получается то количество брака, которое является совершенно недопустимым. И мы в той резолюции, которую предлагает т. Крыленко, пишем: «Несмотря на правильное в основном применение закона и достижения в этом отношении, все же сделано еще недостаточно и нужны поправки».

Значит, в общем и целом применение закона правильно. Почему же т. Крыленко рассказывал здесь так много анекдотов? Если бы были только анекдоты, беды в этом не было бы. К сожалению десятки процентов дел отменяются; их отменяли бы еще больше, если бы все умели настаивать и добиваться их отмены. А сколько неграмотных и несознательных, которые не могут этого добиться? Но если мы сами признаем, что много дел решено неправильно и что процент отмены приговоров ненормален, то сказать, что закон в общем применяется нашими судами правильно, нельзя.

Плохо и неправильно применяется инструкция, подлинного смысла которой многие до сих пор не усвоили, сведя все дело к «лимिताм».

Так как многие не поняли в этом вопросе линии партии, то Центральный комитет сказал нам: «Поймите, что нельзя повсюду и всегда действовать одинаково, что обстановка изменилась, что нужно изменить и свою тактику».

Я думаю, что т. Крыленко не ответил на вопрос, почему нам не удалось справиться с этой задачей, почему нам вновь и вновь нужно сказать, что мы не выполняем тех указаний, которые нам дал Центральный комитет. Основное заключается в том, что к выполнению этих указаний до сих пор имеется формальное, внешнее отношение, а не по существу, не глубоко продуманное.

Надо добиться того, чтобы каждый приговор, как указывал т. Акулов, учил, чтобы он был не только возмездием за то скверное, что сделано, — у нас возмездие вообще исключается из нашей карательной политики. Поэтому нужно, чтобы мы работали так, чтобы наши приговоры, наша карательная политика учили, уменьшали то количество осужденных, которое у нас получается.

Гинзбург (Горпрокурор г. Полоцка БССР). Я, товарищи, хотел бы остановиться на вопросе конкретного преломления карательной политики на практике того района, где я работаю. Я захватил с собой сведения, включая и сведения по I кварталу 1934 г. В прошлом году в нашем районе — Полоцком (БССР) имело место применение лишения свободы к общему числу осужденных в размере 61%.

II квартал был непоказательный. В III квартале процент лишения свободы снизился до 34, IV квартал дал 37% и I квартал 1934 г. — 30,8%.

Как показательную цифру могу привести, что за заготовительную кампанию (льнозаготовки) в этом году было осуждено примерно в 4 раза меньше, чем в 1932—1933 гг. Но вместе с тем наряду с положительным явлением общее число судимых остается стабильным.

Мы имеем значительное количество должностных преступлений (ст. 111), привлечение низовых колхозных и сельских работников по обвинению в халатности, причем надо сказать, что по этим делам мы установили у себя, что ни одно дело и ни одно дознание не идет без прокурора.

Мы установили у себя такой порядок, что все дела с лишением свободы, по которым суд выносит приговор, по истечении кассационной жалобы поступают прокурору и в кассационную инстанцию идут в обязательном порядке.

Без нашего заключения дела в кассационную инстанцию не идут. Но я должен также обратить внимание на неудовлетворительную работу нашей кассационной коллегии, в частности это выражается в том, что работа кассационной коллегии носит келейный характер.

Приезжает один член Верховного суда из кассационной инстанции, привозит с собой дела, берет с собой члена суда и в кабинете, часто без прокурора, разбирает дела. По нашему району процент отмены не очень большой, но это объясняется не силой наших судов, а слабостью кассационного состава суда.

Я хочу еще по одному вопросу сказать. У нас есть журнал «За социалистическую законность» — орган Прокуратуры Союза. Я считаю, что нужно стать на путь превращения этого журнала в массовый орган, чтобы он был не месячный, а выходил чаще. Если Украина может иметь свой журнал, то такие республики, как наша, как Узбекистан, Таджикистан и другие, не в силах осуществить такое издание. И издание такого журнала, освещающего нашу практику, один раз в месяц недостаточно.

Нужно перестроить его, чтобы он был массовым журналом.

Винокуров (пред. Верховного суда СССР). Если взять цифры, которые имеются по поводу хищения социалистической собственности, то конечно мы не можем сказать, что мы не справились с этим делом, как говорил т. Сольц, но мы плохо справились, — это будет верно. Партия два раза вмешивалась в это дело: 1 февраля, когда была издана директива о том, чтобы в мелких случаях применять другие статьи. А второй раз она вмешалась 8 мая, говоря о неприменении массовой репрессии. Нужно эти даты иметь в виду, т. Сольц. И вот я укажу дальше, что после директивы 8 мая политика судов изменилась, и в настоящее время мы имеем другую картину, картину довольно благополучную. (Крыленко. В основном). Я даже с вами немного несогласен. Вы немного слишком мрачно смотрите. (Крыленко. Нет).

Прежде всего мы должны сказать, какую работу провели суды. Можно приводить анекдотические случаи, эти случаи можно увеличить, но нельзя забывать, что были тяжелые случаи, с которыми приходилось иметь дело суду. Были миллионные хищения, особенно на транспорте, в которых участвовали наши классовые враги, махровые классовые враги. И нужно сказать, что наши суды хорошо справились с этой задачей.

Кроме того суды проделали громадную общественную работу. 50% наших процессов прошли на глазах общественности. Вот и сделайте отсюда вывод, какую громадную массово-политическую работу провели суды.

Я должен сказать, что, судя по цифрам, после директивы 8 мая мы имеем неуклонное систематическое падение количества дел и осужденных по закону 7 августа. Исходя из этого, нельзя сказать, что мы не справились с законом, как это говорит т. Сольц. Я понимаю, что во второй половине 1933 г. мы это могли сказать, но сейчас этого сказать нельзя, ибо после директивы правительства 8 мая наши суды правда еще недостаточно, но все же взяли линию, которую нам указал ЦК.

Относительно социального состава осужденных. Мы часто еще бьем по социально-близким нам элементам. Сюда попадает еще 50% колхозников, трудящихся одиночников и т. д.

Среди колхозников и одиночников тоже имеются враждебные нам элементы. Мы даже просили, чтобы суды отмечали в приговорах социальное лицо обвиняемого — колхозник, рабочий или кулак.

Должен сказать, что еще очень много судят должностных лиц. Среди этих должностных лиц очень большое место занимает классовый враг. Классовый враг — там, где пахнет продуктами или деньгами. В учреждениях растраты совершают большей частью наши враги. Действительно судят много должностных лиц, но это правильно.

Последний вопрос, связанный с применением директивы 8 мая, — относительно замены лишения свободы общественно-воспитательными мерами. Это важный вопрос. У меня имеются данные относительно линейных судов и судов УССР. Если в I квартале эти меры составляли 12% по линейным судам, то в IV квартале составляют уже 25%. Если в УССР в I квартале эти работы занимали 15%, то в IV квартале — 23%.

И вот, товарищи, мне кажется, что выйти сюда и сказать, что мы не справились, подписать свидетельство о бедности не следует. Мы должны сказать, что суды сначала перегнули, ЦК вмешался, он дал директиву, и с того момента наши суды по этой линии идут, идут еще недостаточно крепко, но я надеюсь, что через некоторое время с этой трибуны мы сможем сказать, что мы с этой задачей справились окончательно.

Антонов-Саратовский (Верхсуд СССР). Товарищи, вчера мы заслушали блестящую диссертацию т. Крыленко относительно значения закона 7 августа и директивы 8 мая. Разумеется, это чрезвычайно полезно, но первейшей обязанностью докладчика было сказать Всесоюзному совещанию — каковы социально-политические результаты, какова эффективность применения закона 7 августа. На этот основной вопрос ни в докладе, ни в резолюции ответа не имеется. Что мы ответим стране и партии о результатах применения закона 7 августа? Этот пробел надо восполнить.

По тем данным, которые имеются в Верхсуде Союза, мы добились значительных результатов применения закона 7 августа. О чем говорят цифровые данные? Они говорят о том, что волна расхищения общественной собственности, которая захлестнула деревню полтора года назад, во многих районах и областях спала благодаря закону 7 августа. Тов. Винокуров приводил цифры по всему Союзу. Я возьму отдельную область и покажу на ее примере, как этот процесс происходил. Я возьму такую область, которая особенно показательна, — Днепропетровскую. Там было когда-то гнездо махновщины, оперировали около десятка правительств, и там была особенно разболтана деревня. Какие мы имеем данные по этой области?

Если мы количество лиц, привлеченных в 1932 г., возьмем за сто, то получим следующие ряды цифр, характеризующие снижение кривой в области хищений во всем обобщественном секторе и отдельно в колхозном.

Во всем обобщественном секторе: в 1932 г. — 100, в 1933 г. — 55, в январе 1934 г. — 32, в феврале — 24, в марте — 14.

В колхозном секторе: в 1932 г. — 100, в 1933 г. — 57, в январе 1934 г. — 26, в феврале — 10, в марте — 8.

Если принять во внимание, что теперь еще имеют место перегибы, благодаря которым по закону 7 августа привлекают и за мелкие преступления, то, по-моему, приведенные цифры показывают, что наша работа по применению закона 7 августа оправдана.

Мы крепко внедрили в сознание сельского населения, что общественная собственность священна и неприкосновенна. Об этом надо нам заявить, надо не только заявить с трибуны, но и записать в резолюции.

Но вместе с тем, ведя борьбу с обломками кулачества и мелкобуржуазной стихией в деревне, мы в известной степени упустили из виду город. В результате мы имеем в кооперации и в госторговле, даже в промышленности некоторый рост преступлений по хищению общественной собственности и по растратам.

На этот участок нам нужно обратить усиленное внимание, так как мы его упустили. Как видите, положительные результаты применения закона 7 августа имеются, но нельзя говорить, что закон нужно «свернуть», как пришлось мне

услышать от товарищей, с которыми я столкнулся в Харькове, от б. зам. пред. Харьковского облсуда т. Гайлиса, который сказал, что закон после 8 мая «свернут». Это неправильная установка и ложное понимание директивы 8 мая. Закон остается во всей своей силе, как основа социалистической революционной законности.

Тов. Сольц неправ, когда говорит, что директива 8 мая вызвана была только плохой работой судов. Нет, изменение социальных отношений в деревне — вот координальная причина этой директивы.

О чем говорит инструкция 8 мая? Она говорит не о свертывании закона 7 августа, а о том, чтобы мы не разменивали закона по мелочам и чтобы не стреляли из пушек по воробьям, ибо эта стрельба приносит громадный политический вред.

Многочисленные извращения в применении закона, о котором здесь было сказано много, в значительной мере можно объяснить тем, что в ряде мест закона не поняли, не знали как его применить, а наши верхи и руководящие органы сплошь и рядом не давали четких указаний, а иногда давали разноречивые указания. (Голос с места. Правильно).

Наши судебные руководящие органы в НКЮ, несмотря на большой политический опыт и знание, не сумели дать низам точных указаний и не смогли показать, как нужно правильно применять этот закон. На Украине например, с законом 7 августа конкурируют пп. «г» и «е» ст. 170 УК. Это дезориентировало судебных работников, так как не было дано указаний, когда применять закон и когда ст. 170.

Я был там и скажу, что облсуды, нарсуды и прокуроры не знают, когда и к кому применять закон 7 августа и когда ст. 170 УК УССР. Имеются крупные ошибки в работе Верхсуда.

В 1934 г. кассколлегия Верхсуда УССР под председательством Озола рассмотрела жалобу середняка Батенко, который был осужден Днепропетровским облсудом по закону 7 августа на 10 лет за систематическую кражу. Он украл 33 кг баббита, ценного импортного материала, за который государство платит золотом. До этого Батенко судился в 1932 г. и был осужден на 2 года.

Что сделала кассколлегия с этим приговором? Она изменила квалификацию и сняла с Батенко обвинение по закону 7 августа, т. е. этот расхититель баббита в большом масштабе стал не расхитителем народного имущества, а просто мелким ворышкой.

Вот вам пример, как руководит коллегия.

Случай бюрократического и бездушного отношения, о чем говорили здесь и т. Сольц, и т. Акулов, имеют место не только на низах, но и у нас здесь.

Приведу вам такой пример из практики судов РСФСР. Середняк Бессарабов отказался от сельского хозяйства и начал работать кузнецом на ремонтном заводе. Он имел от прошлого урожая 43 пуда хлеба. Батайская милиция возбудила против него дело по ст. 61 УК РСФСР. Обвинение было нелепое, неправильное. Народный суд, без предварительного следствия, по слухам, по сплетням, не выяснившись даже на судебном следствии, переквалифицировал ст. 61 на закон 7 августа и приговорил ни в чем неповинного человека к 10 годам.

Что сделала кассколлегия? Она утвердила приговор нарсуда, причем сказала, что обвиняемый осужден народным судом не по закону 7 августа, а по ст. 61, ч. 3. Вот образец бездушного отношения к делу и людям.

Бессарабов жалуется в Верховный Суд РСФСР. Из бюро жалоб он получил ответ, что жалоба осталась без последствий. Жена Бессарабова обратилась в Верховный Суд Союза. Что она пишет? «Я живой человек, страдания моего мужа — страдания живого человека. До сих пор судили моего мужа, не заглядывая в дело. Прошу истребовать дело». Мы дело истребовали, поставили на пересмотр.

Вот второй вывод, который нужно записать, что нам нужно пересмотреть дела по 7 августа и там, где мы наделали ошибки, вернуть людей к производственному труду и к нашей общественности.

Степанов (пред. Моск. облсуда). Я взял слово для того, чтобы сказать, что же мы как областной суд, руководящий народными судами нашей Московской обл., делаем для того, чтобы поднять суд на должную высоту.

Понимая все значение инструкции 8 мая, мы обращаем внимание на то, из чего состоит работа народного судьи. Мы установили, что на нашего нарсудья падает огромное количество дел, доходящее до 200 в месяц. Мы поставили своей задачей добиться уменьшения числа дел, а для этого необходимо было отсеять целый ряд дел, увеличив массовую работу, опираясь при этом на сельские общественные суды, колхозные суды, стремясь создать в колхозах колхозные суды и товарищеские суды на производствах.

Вот благодаря этой массовой работе мы мелкие дела, которые проходили до последнего времени в нарсудах, передаем теперь по этим инстанциям.

Совместно с областной прокуратурой мы сейчас добиваемся проведения распорядительных заседаний для того, чтобы на них отсеивать дела с недоброкачественным следственным материалом.

Например по всем оконченным нами по закону 8 декабря делам мы получили 100% утверждение в суде высшей инстанции. Это результат нашей совместной работы с прокуратурой.

Мы придаем большое значение самой технике оформления материалов. Конечно, низкая оплата технических работников имеет большое значение, но мы обращаем на это дело большое внимание. В качестве одного из способов стимулирования технических работников мы организовали смотр секретарей народных судов. Это дало большие результаты. Вместе с тем мы обязали наших секретарей в народных судах обо всех недочетах, которые имеются в судебной практике народного суда, поскольку секретарь также несет ответственность за состояние своего участка, ставить в известность областной суд о том, каков порядок рассмотрения дел в народном суде, как-то: слушание дел лачками, вынесение приговоров в последующие дни и т. д. Мы имеем уже целый ряд сообщений по этому вопросу. Это подымает дисциплину среди наших народных судей, которые сперва не совсем одобрительно отнеслись к этому мероприятию.

Нам нужно было бы обратить внимание на целый ряд мелочей, из которых составляет качество нашей работы, для того чтобы дать

еще более четкие указания об изжитии этих недостатков в нашей дальнейшей работе.

Я — судебный работник сравнительно молодой, возможно многое мне не совсем четко представляется. За этот год я присутствую на втором совещании и слышу на нем почти об однородных недостатках в нашей практической работе.

Мы стремимся к тому, чтобы довести работу наших народных судей до соответствующего уровня, чтобы мы не имели больше таких безобразных явлений, которые были до сих пор, чтобы поставить качество работы наших народных судов на должную высоту.

У нас в народных судах нет Уголовного кодекса, нет хорошей соответствующей инструкции, которую можно было бы дать секретарю народного суда. Нет надлежащей инструкции судебному исполнителю. В этом отношении мы стоим на позорном месте.

Ширвиндт (ст. пом. прокурора СССР). В докладе тт. Акулова и Крыленко были намечены основные принципиальные позиции, из которых органы юстиции будут исходить в своей дальнейшей работе.

В этих докладах были даны руководящие высказывания тт. Ленина и Сталина, относящиеся к нашей работе. Мне хотелось бы указать на одно крайне важное указание т. Сталина, которое было им сделано на XVII съезде партии и которое в особенности применимо к нашей работе и должно явиться основным руководством для этого совещания.

Тов. Сталин на XVII съезде говорит в разделе о партии, а это применимо ко всем областям работы и в частности к нашей работе: «некоторые думают, что достаточно выработать правильную линию. Изучить ее в виде общих тезисов и резолюций и проголосовать ее единогласно, чтобы победа пришла сама собой, так сказать самотеком. Это конечно неверно. Так могут думать только несправильные бюрократы и канцеляристы. Более того, после того как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все — ее выполнение или ее провал».

Мне кажется, что это указание т. Сталина является здесь для нас особенно важным, потому что на целом ряде предыдущих совещаний было именно такое положение, когда руководящая линия, принципиальные установки давались довольно ясные, но отсутствие организационного оформления и закрепления всего этого приводило к тому, что, о чем товарищи говорили — или плохо справились, или не справились вовсе. Поэтому я хочу коснуться выяснения тех моментов, которые приводят к организационной путанице.

Прежде всего я хотел бы затронуть вопрос в части применения директивы 8 мая, которая вызвала некоторую полемику между тт. Крыленко и Сольцем. В частности т. Сольц указал, что во время моей последней поездки по республикам Средней Азии я осуществлял директиву 8 мая в том виде, что переводил из мест лишения свободы в лагеря, чем я способствовал выполнению лимитной политики чисто формальным порядком.

Я считаю важным установить, что в вопросе о том, как понимать «лимиты», вносится путаница, которую на этом совещании следовало бы изжить.

Перехожу к вопросу об организационных и технических задачах, которые перед нами

стоят. Создан отдел надзора за местами лишения свободы. Мы понимаем, что наше внимание должно сосредоточиваться на местах лишения свободы. В то же время все остальные отделы прокуратуры также имеют отношение к местам лишения свободы. Союзная прокуратура имеет целый ряд вопросов, связанных с местами заключения, а наше внимание нужно сосредоточить особенно на тех указаниях, которые предъявляются к нам в отношении ИТУ.

Перейду к докладу т. Крыленко. Те положения, которые он затронул в своем докладе, очень важны, но предложения, которые он внес, представляются явно недостаточными. Мы не должны ограничиваться лишь принятием положений и резолюции, а должны создавать те организационные предпосылки, которые будут содействовать выполнению правильной линии. Приведу к примеру правила о соблюдении 3-дневного срока в КПЗ.

Тов. Крыленко предлагает «напомнить» прокурорам относительно необходимости соблюдения этого срока. Я думаю, что у прокуроров память достаточно хороша. Когда я был на месте, я не видел, чтобы они не знали, что нам нужно соблюдать 3-дневный срок.

Но я не случайно коснулся этого 3-дневного срока и утверждаю, что этот вопрос нуждается в переработке и уточнении.

Мое предложение сводится к тому, что нельзя при теперешнем положении, при теперешней территориальной дислокации мест лишения свободы требовать выполнения 3-дневного срока, если не будет коренных изменений. Мы должны перейти к ДПЗ в дальнейшем. Район имеет только КПЗ. Там человек сидит только 2—3 дня. Вы должны потребовать, чтобы его вывезли в ДПЗ. Его вывозят в ДПЗ, потом вывозят обратно, и получается ненужная волокита. Я не даром привел этот пункт и считаю, что надо разработать конкретное положение о 3-дневном сроке.

У меня есть конкретное предложение. Ведь в месте содержания арестованного в КПЗ подчас находятся все материалы, и там должен быть суд. А его возят из этого места в ДПЗ, потом посылают обратно, получается совершенно ненужная волокита.

В данном случае у меня есть предложение. Географически там, где нужно КПЗ превратить в ДПЗ, 3-дневный срок для ДПЗ не нужен, а для КПЗ сохранить. (Крыленко. Деньги). Николай Васильевич говорит, что деньги нужны. Но я думаю, что целый ряд вопросов этого порядка мы можем разрешить и без денег в порядке дальнейшей проработки предложений по докладу т. Крыленко в комиссии. Это надо обсудить и принять решения.

Я хочу также сказать, что постановка надзора за местами лишения свободы в части не только правильного содержания, но и пересмотра неправильно содержащихся требует поддержки всей системы прокуратуры, потому что силами одного отдела осуществить всю эту работу невозможно.

Фирсов (прокурор Ойротской автономной области). Тов. Солц сказал, что органы прокуратуры и суда абсолютно не справились с работой по проведению в жизнь закона от 7 августа и инструкции от 8 мая. Я с такой оценкой при всем своем уважении к т. Солцу не согласен. Я согласен с той оценкой, которую дал в своем докладе Н. В. Кры-

ленко. Безусловно нельзя закрывать глаза на извращения в революционной законности, они были и в Ойротской автономной области, где за хищение одной курицы дали 10 лет (нар-судья т. Чубуков Агудайского аймака).

Мы не могли не реагировать на подобные вещи и не анализировать их.

Когда мы спросили т. Чубукова (национал-алтаец, выдвигенец), почему вы вынесли такой приговор, он ответил на это: «Коли вышел закон, так не смей брать и иголки социалистической, так я и понял».

Подобно приведенному случаю имел место еще целый ряд и других фактов. Почему это происходит?

Потому, что кадры, особенно в национальных областях, чрезвычайно слабы. Здесь выступал товарищ из Московской прокуратуры, жаловался на то, что у него мало кадров и что их неоткуда черпать. Если в Московской области нет кадров, то каково же положение с кадрами в Ойротской области, на границе Монголии и Китая, где до советской власти только 7% населения было грамотно?

Причина недочетов по нашему мнению заключается в кадрах. Какую реальную помощь мы имеем от НКЮ и от края в вопросе кадров? Безусловно некоторую помощь от НКЮ и крайпрокуратуры мы получили, больше, чем это было раньше, но это еще недостаточно. Я не знаю, как в других нацреспубликах, может быть это исключение для Ойротии. Мы получаем дифференцированное руководство. Посылаются копии циркуляров всем областям, краям и областной краевой прокуратуре, посылаются этот циркуляр всем районным прокурорам, копии облпрокурорам. И так, три-четыре копии по одному и тому же вопросу (Голов Зарпортовался). Нет, т. Барков, не зарпортовался, вы пишете районному прокурору, копию облпрокурору. По существу получается именно «дифференцированное» руководство на сегодняшний день.

По моему мнению, благодаря организационной неувязке, автономные области в части руководства ими НКЮ и краевых органов находятся на положении пасынков. Краевые и областные суды думают: позвольте, это дело НКЮ, НКЮ говорит: это дело крайпрокуратуры и суда.

Я работаю 4 года областным прокурором в Ойротской области, причем и до меня, за исключением т. Баркова, никто не был, если не считать случайных приездов. В течение 7 лет Ойротская областная прокуратура ни разу не обследовалась. НКЮ в течение 2 лет намечает в своих планах работы обследовать Ойротскую облпрокуратуру, но, увы, дальше плана дело не идет.

Дальше, вопрос о пропаганде права. Мы в течение 2 лет несколько раз писали в НКЮ о помощи нам для перевода хотя бы положения о группах содействия, положения о товарищеско-производственных судах, о сельских судах, о революционной законности, но материальной помощи мы не получили и еле-еле своими силами мы издали эту брошюру. Другого у нас ничего нет, чтобы дать возможность националу читать советские законы. Других возможностей, кроме этих, мы не имеем. Поэтому я прошу обратить особое внимание на этот вопрос.

У меня просьба к нашим руководителям, чтобы они больше и реальнее помогали бы нам

в практической работе, и тогда мы, работники национальной области, как и вообще работники прокуратуры, сумеем успешно вести борьбу с классовым врагом, обязуемся решение XVII партсъезда твердо и неуклонно провести в жизнь.

Грибов (пред. Ленинградского облсуда). Товарищи, доклады тт. Акулова и Крыленко поставили перед нами большие политические задачи, которые мы должны будем с вами разрешить после того, как разведемся на места. Тов. Акулов в своем докладе подчеркнул, что мы с вами работаем в подавляющем большинстве плохо. Если это так, то насколько мы политически сможем оправдать решение XVII партсъезда по существу качества судебной и прокурорской работы. Мне кажется, что нам придется с большой политической ответственностью, в связи с теми задачами, которые перед нами стоят, мобилизовать себя на последние качества нашей работы, ибо из двух докладов, заслушанных уже на совещании, главным образом вытекали две основных задачи: первая — улучшить качество нашей работы и вторая — повысить нашу политическую ответственность за дела, которые у нас проходят.

В самом деле, если декрет 8 декабря дает нам право судить любого директора завода или фабрики, почему мы не можем судить самих себя за плохое качество нашей работы? Я должен сказать, что мы, работники суда, слишком перегружены. С другой стороны наши судебные работники являются иногда политически безграмотными, это показала проводимая у нас чистка ленинградских организаций. В силу загруженности судебные работники не имеют времени заниматься учебой, они не имеют времени даже читать газету. Вот эти две основные задачи, они не дают нам возможности повысить качество нашей работы.

Нам в связи с решениями XVII партсъезда и в связи с перестройкой нашей системы судебного аппарата пришлось проверить работу нарсудов Ленинграда.

Чем занимаются наши народные суды? Когда мы с карандашом в руках проверили работу каждого суда в Ленинграде, то установили, что они занимаются в подавляющем большинстве мелкими делами, главным образом гражданскими.

Я хочу поставить здесь вопрос о подсудности мелких дел. Что собою они представляют? В большинстве это искивые заявления на 50, на 100, 150 руб., о взыскании пени, о неустойке по договору и т. п. У нас в 1933 г. было 155 761 таких дел.

Такие дела я считаю мы не должны принимать к производству, а должны передавать их в нотариальную контору для учинения нотариальной бесспорной надписи для взыскания.

С другой стороны, у нас значительно выросли производственно-товарищеские суды и суды жакта. Кроме того имеются административные комиссии при райсоветах. Мы должны целый ряд мелких дел гражданских, жилищных передать этим организациям. И партийные и советские организации нас обязуют усилить роль наших советов путем расширения, привлечения к работе советов рабочих фабрик, заводов, усилить роль профорганизаций.

Мы этого не выполняем. Мы разбираем такие дела, которые много лучше и правильнее можно было бы разрешить в цеху. Например в цеху проработал один рабочий 2 г. и получил

выговор. Он поставил на РКК вопрос о снятии выговора и РКК не соглашается с этим. Тогда рабочий подает жалобу в народный суд, скажите, кто лучше разберет это дело — народный суд или РКК? Конечно РКК, так как она знает лучше условия работы в цеху и обстановку, а нарсудья всегда может попасть в таком деле в ошибку.

Нам необходимо разгрузиться от этих мелких дел, с тем, чтобы мы могли заняться нашими основными делами, имеющими хозяйственно-политическое значение, так как мелочи нас губят, не дают возможности проводить нашу основную работу.

Два слова о кадрах. Очень многие товарищи выступали по докладу т. Акулова о кадрах. Я думаю, товарищи, что основное качество нашей работы и политическая ценность нашей работы, конечно, зависят от подбора наших кадров.

Я считаю, что те, кто здесь так много говорил о кадрах, у себя в области очень мало делают в этом отношении.

Мы в Ленинграде имеем свои областные юридические курсы в порядке переподготовки, мы имеем свои курсы подготовки на 100 чел. работников судов, прокуратуры и ИТУ. Мы взяли их из нашего собственного актива, из народных заседателей и лучших председателей товарищеских судов, потому что каждый областной судья знает, насколько хорошо помогают в работе нарзаседатели. Он берет их на учет и мы таким образом выбираем лучшую часть нашего актива и из них комплектуем подготовительные курсы. Эти курсы дают лучших работников, чем институты советского права. Это доказано практикой нашей работы.

Барков (прокурор Западносибирского края). Одной из особенностей нашей революционной большевистской партии является то, что она никогда не замазывала своих ошибок, а вскрывала эти ошибки и на ошибках учила всю партию и всех работников, работающих в партийных, советских и хозяйственных органах. Но вместе с этим наша партия никогда не скрывала и не скрывает наших достижений. Это и понятно, ибо, если бы мы этого не делали, мы лишили бы работников уверенности в успехе своей работы.

С этой точки зрения я, как и многие другие товарищи, не могу согласиться с т. Солдцем о том, что мы ни в какой мере и ни в какой степени не справились с проведением в жизнь двух исключительно важных указаний партии и правительства, какими несомненно являются закон 7 августа 1932 г. и инструкция ЦК и СНК 8 мая 1933 г. Тов. Солдц сказал, что нас, работников юстиции, очень часто одергивал ЦК нашей партии, помогая нам работать, а мы не помогаем ЦК проводить генеральную линию партии. Невольно напрашивается вопрос, какую же линию мы проводили, если не проводили и не проводим генеральной линии? Ведь не линию же классового врага мы проводили. А всякая другая линия в противовес линии партии является антипартийной, линией классового врага. Поэтому мне кажется, что т. Солдц неправ, и оценка нашей работы, данная в докладе Николая Васильевича Крыленко, совершенно правильна, ибо мы действительно с практическим преломлением двух исторических декретов партии и правительства в основном справились.

Оценку т. Крыленко можно подтвердить фактами, примерами, имеющимися в любом крае и любой области. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно только сослаться на общеизвестные факты. Инструкция 8 мая требовала от всех партийных и советских организаций и в первую очередь от прокуратуры создать необходимую правовую атмосферу в части соблюдения законности.

Изменилось ли положение с тех пор, как издана эта историческая директива Центрального комитета партии и Союзного Совнаркома? На основе данных по Западносибирскому краю со всей ответственностью заявляю, что в этом отношении мы достигли коренного изменения. Пренебрежительно все мы ликвидировали знаменитые катажалки, а ведь они раньше существовали почти в каждом сельсовете. Создали такой порядок, что ни один арест, кем бы он ни производился, без санкции прокурора не проходит. Благодаря этому мы значительно сократили факты незаконных арестов.

Вычеркнуть эту положительную работу прокуратуры нельзя. Разве мы мало сделали в части упорядочения системы арестов? Пользуясь присутствием на совещании представителей ОГПУ и милиции, я спрашиваю: сделали ли мы что в этом отношении или нет? Помоему сделали очень многое по практической реализации инструкции. (Голос с места. Правильно).

Одновременно с этим мы должны прямо сказать, что у нас еще очень много недоделок, что мы еще по закону 7 августа допускаем немало политических ошибок, но опять-таки нельзя смазывать основного положения, что мы нанесли серьезный удар по классовому врагу и по его основной форме сопротивления против советской власти, путем воровства и расхищения общественной (социалистической) собственности.

Вместе с этим мы должны подчеркнуть, что в ряде мест отдельные партийные и советские организации тормозили проведение в жизнь майской директивы. Разве мало таких фактов, когда от нас требовали судить и судить, в то время как к этому нет достаточных оснований? Наши же прокуроры не всегда умели противопоставить попыткам массовых репрессий четкую, ясную и конкретную директиву партии.

Островский (председатель Азово-Черноморского крайсуда). Я считаю, что оценка работы органов юстиции по применению закона 7 августа и директивы 8 мая, которая дана т. Крыленко, является совершенно правильной, потому что нельзя отрицать тех достижений, которых добились органы юстиции и которые практически на деле помогли партии и правительству решительно разгромить кулацкие антисоветские элементы, покушающиеся на социалистическую собственность. С другой стороны, нужно признать, что мы допустили ряд грубейших ошибок, которые необходимо самым решительным образом изжить.

Я полагаю, что там, где сказано, что эти недостатки относятся целиком к непониманию рядом судебно-прокурорских работников краев и областей, нужно добавить и отдельными работниками центрального аппарата. Это будет соответствовать действительности, потому что и работники Верхсуда и работники прокуратуры в отдельных случаях давали явно неправильную оценку отдельным делам.

Я считаю, что основной вопрос, который

здесь также должен быть поставлен наряду со всеми вопросами, — это вопрос не только о работе органов юстиции, но и о работе органов дознания. В практике нашей работы почти 99% дел расследуется милицией. Мы имеем такой пример, когда начальник милиции дал директиву своим районным управлениям о том, чтобы они сообщали ему о всех случаях прекращения дел нарсудами и доводили об этом до сведения районного комитета партии. Отсюда получается то, что привлекая, пишут обвинительные заключения, дело направляют в суд, а суд зачастую не может выдержать напора, который направлен на него со стороны органов расследования, и прокуратуры, и местных партийных органов.

Следующий вопрос — это вопрос о защите наших работников, которые призваны партией бороться, невзирая на лица, с теми, кто нарушает советские законы.

Товарищи, я должен сказать, что защита таких работников у нас поставлена еще неудовлетворительно. Характерный пример в этом отношении имел место недавно в Азово-Черноморском крае, где поставили вопрос перед краевым прокурором о снятии с работы нарсуды и райпрокурора Лабинского района за совершенно правильный приговор.

Мы для установления ясности по этому делу написали письмо и направили дело в Прокуратуру Союза, чтобы Прокуратура Союза защитила нас, если мы правы, но Прокуратура Союза возвратила нам дело без малейшей пометки. Правда, я слышал уже здесь, что крайком направили письмо, в котором указывается, что оснований для пересмотра дела нет, а подлежащего по решению крайкома снятию райпрокурора, если нет возможности использовать в крае, Прокуратура Союза просит направить его в свое распоряжение для использования в другом крае. Разве это защита?

Я считаю, товарищи, что сейчас вопрос о кадрах, вопрос о защите работников юстиции должен являться основным и решающим в нашей работе.

Пашутин А. (нарсудья БССР). Товарищи, слушая из доклада т. Акулова и Крыленко о всех тех извращениях и отдельных ошибках, над которыми мы здесь смеемся, должна сказать, что очень часто мы с вами, работая на месте, не всегда замечаем эти ошибки.

И в Белоруссии, в районном суде, где я работаю, были все эти извращения по закону от 7 августа, которые имели место и в других районах, например, в Слуцком районе (БССР), мы применяли закон 7 августа за то, что трудящийся, идя мимоходом, взял с поля две морковки или выкопал один корчок картофеля.

Эти случаи имели место в конце 1932 года и начале 1933 года. Если же взять вторую половину 1933 г., то таких случаев, в частности в районе, где я работаю, больше нет.

Имеются другие болезни. Мы знаем, что кассационная инстанция, которая является нашим контролем, которая дает низовой сети установку, как работать в дальнейшем, эта кассационная инстанция, очень часто нас запутывает.

Вот пример: дело нарсуда поступает в кассационную инстанцию, (дело проходило по закону 7 августа), суд, видите ли, не умудрился к 10 годам лишения свободы добавить еще конфискацию имущества и кассационная инстанция добавляет еще к этой мере наказания

и конфискацию имущества и получается, поскольку эти случаи — частое явление, то осужденные просто боятся жаловаться, так как боятся, чтобы им не увеличили меру наказания.

Были случаи, когда кассационная инстанция отменяла приговор суда по закону от 7 августа, находя его неправильным, и совершенно прекращала дело за отсутствием состава преступления. Такой случай имел место в Слуцком районе.

Кто следит за делами по закону от 7 августа, тот должен быть хорошо осведомлен о нем, чтобы не было извращений. Как может быть хорошо проведено следствие, если в районе на протяжении 5 месяцев нет ни следователя, ни прокурора, если следователя нет не потому, что вообще нет кадров, того забрали, а нового не дали, прокурор же сидит на кампаниях по распоряжению райкома партии. Утверждать аресты некому, люди содержатся под стражей без всяких утверждений. Я уже не говорю, что некому утверждать постановления о предании суду по закону от 7 августа.

Теперь о коне. Директивы, которые мы получаем непосредственно из Минска, вносят путаницу в это дело. Весной 1933 г. мы получили инструкцию, что нужно судить, если в общественном секторе будут бить коней, причем надо применить закон от 7 августа. Начали применять этот закон, а через некоторое время кассинстанция перекалфицировала эти преступления по другим статьям.

Старовойтов (пом. генер. прокурора УССР). Я хочу, товарищи, остановиться на вопросах новой работы, если можно так назвать, в системе нашей прокуратуры. Мы знаем, товарищи, что недавно была организована новая прокуратура по надзору за ИТУ. По своему существу эта прокуратура явилась отражением или вернее сказать была организована в связи с инструкцией 8 мая. Много ли мы сделали в этой области? Я думаю, что в этой части работа проделана большая. Я сейчас хочу поставить вопрос о пересмотре лимитов. Мы на сегодня должны сказать, что цифра, которая указана в инструкции от 8 мая, должна быть сокращена. Сегодняшний день требует, чтобы мы на основании инструкции от 8 мая шли дальше. Для этого, я думаю, нам нужно будет взять за основу единый измеритель, который может лечь для определения дальнейших лимитов, — это метраж, который должен быть увеличен на каждого заключенного, дальнейшее улучшение условий содержания заключенных. Кроме этого должно быть максимальное сокращение со стороны областных и краевых органов юстиции применения лишения свободы.

Я не согласен с теми взглядами, которые привел здесь т. Ширвиндт, говоря о том, была ли у нас или нет специальная терминология в инструкции от 8 мая. Не в этом дело, т. Ширвиндт. Дело в том, чтобы мы правильно поняли эту инструкцию и правильно осуществляли ее на практике.

Еще одна болячка, о которой я здесь хотел сказать, это относительно следственных, находящихся в наших закрытых ИТУ, о сроках, которые не соблюдаются следственными органами и, в первую очередь, прокурорами.

Мы до сих пор наблюдаем небрежное отношение прокурорско-следственных органов к соблюдению сроков расследования. Приведу несколько примеров из украинской действитель-

ности. У нас люди находятся под следствием по 15—16 месяцев, областные органы мало обращают внимания на то, чем мы заполняем наши лимиты, что мы перегружаем установленные для нас нормы содержанием в закрытых ИТУ. Это влияет на нашу работу.

Шляпочников (Директор Гос. Инст. уголовной политики). В своем докладе Николай Васильевич совершенно правильно подчеркнул единство закона 7 августа и директивы от 8 мая, неразрывно связанных между собою и обусловленных той исторической обстановкой, в которой сейчас осуществляется процесс социалистического строительства. И он был совершенно прав, сказав, что тот, кто разделяет эти два закона, эти две политические директивы, тот ничего в них не понимает.

Эту обусловленность директивы 8 мая, создавшейся исторической обстановкой и в городе и в деревне, к сожалению не понимают очень многие. В сегодняшнем выступлении т. Винокурова также имеется непонимание этой исторической обусловленности декрета 8 мая. У него получилось, что инструкция от 8 мая была вызвана тем, что мы перегнули при проведении декрета 7 августа, ЦК вмешалась в это дело и дало инструкцию 8 мая.

Это неверно. Так ставить вопрос — это значит не понимать того, что инструкция от 8 мая определяет формы и содержание нашей работы в связи с переживаемым нами сейчас историческим этапом.

Если спросить, как мы справились с применением этой директивы, имея годичный опыт, то нужно сказать, что имеющиеся у нас данные свидетельствуют о известном неблагополучии в этой области. Неверно, что у нас картина благополучная. Тов. Винокуров сказал: «после директивы от 8 мая политика судов изменилась и в настоящее время мы имеем картину довольно благоприятную».

Правильно ли это? Нет, неправильно. Это ориентирует нас не на изживание тех коренных недочетов, которые связаны с отсутствием поворота в деле осуществления этой директивы при наличии только некоторых сдвигов, а ориентирует нас в том направлении, что у нас все благополучно. В такой же форме выступал т. Пальгов, который хотел доказать, что именно перемена политической обстановки не дает возможности за годичный период времени оценить практику проведения директивы 8 мая. Так ставить вопрос нельзя. У нас имеется целый ряд цифр осужденных, сигнализирующих о неблагополучии, — здесь говорил, что цифрам верить нельзя, конечно к цифрам нужно подходить очень осторожно.

Что является стержнем майской директивы? Стержнем майской директивы являются вопросы судебной политики, политики предания суду. Неправы те товарищи, которые сводят директиву 8 мая к вопросу о лимитах. Эта директива требовала коренного поворота в нашей политике предания суду. С этой точки зрения майская директива должна была привести к снижению судимости не на основе ослабления борьбы с классовым врагом, а к снижению судимости за счет более правильной политической направленности наших репрессивных ударов. Между тем те цифры, которые мы имеем, свидетельствуют о том, что этого снижения по целому ряду преступлений нет.

Я возьму пример из области должностных преступлений. Число осужденных за должност-

ные преступления во 2-й половине 1933 г. возросло на 20 с лишним процентов. Нормально ли это? Нет, ненормально. Можно привести десятки примеров, которые свидетельствуют о неправильном направлении удара в этом вопросе в ряде случаев.

Как ставит вопрос т. Винокуров? Он в своем выступлении сегодня говорил, что действительно много судили должностных лиц, но это правильно. Правда, бьют, говорил он, наших процентов на 60, но зато процентов 10 осудили классовых врагов. (Винокуров в. Ничего подобного, вы все спутали).

Я считаю, что такая постановка нас дезориентирует, ибо мы за должностные преступления судим очень большое количество людей. Поговорите с работниками районов и с любым прокурором. Правильно товарищи здесь подчеркивали, что известную роль и даже большую роль в этом играет нажим на месте со стороны некоторых местных организаций.

Я приведу очень интересный факт, который мне самому пришлось наблюдать в одном районе. Проводилось собрание колхозников, где принимался план по кенафу, который сеялся впервые. Два колхозника, члены правления, выступили против этого плана. После собрания выезжала комиссия из района и дала директиву арестовать этих двух колхозников, чтобы обеспечить посев кенафа в колхозе, вместо того чтобы провести разгильническую работу. Таких примеров можно привести много. Они свиде-

тельствуют, что здесь у нас в смысле проведения директивы 8 мая дело обстоит неблагоприятно, несмотря на ряд имеющихся сдвигов.

В связи с этим я хочу остановиться на одном моменте, имеющем для нас огромное значение, — это на вопросе, как мы изучаем нашу судебную практику, политику предания суду. Нужно сказать, что мы никак ее на местах не изучаем, и это мешает нам правильно направлять наши удары репрессии по тем участкам, которые наиболее больны и которые требуют вмешательства прокуратуры и суда.

Мы рассматривали материалы, которые имеются по делам, связанным с хлебосдачей. Целый ряд районов проводил судебные процессы по хлебосдаче уже после того, как в районе была закончена хлебосдача и в целом район свой план выполнил. Правильно ли это положение? Конечно нет. Нужно было их судить своевременно и нужно было этот удар нанести своевременно. Это можно сделать и для того чтобы это сделать, нужно изучать судебную практику и политику предания суду. В НКЮ и на местах этим не занимаются. Если же будут этим заниматься, то наш Институт уголовной политики будет иметь большие возможности обобщения материалов и мы не будем представлять таких бледных конъюнктурных обзоров, которые мы представляем в настоящее время, ориентируясь главным образом на некоторое количество дел и статистический материал, не имея возможности использовать материал с мест.

Прения по докладу зам. прокурора Союза А. Я. Вышинского — О мероприятиях по улучшению качества судебной прокурорской работы

(Утреннее заседание 26 апреля)

Мурашко (народный следователь Московской областной прокуратуры). Из докладов тт. Акулова и Вышинского мы, народные следователи, должны усвоить, что перед нами сейчас стоят серьезные задачи.

Я старый следователь. Работал в трибуналах народным следователем, и вся история нашей работы близка мне. Я беру период с 1918 по 1922 гг. Мы как нарследователи, как следователи трибуналов, более или менее с работой в то время справлялись. Мы вместе с рабочим классом били капиталистов, буржуазию и как будто бы все было благополучно. Далее, я помню тот период, когда мы работали в окружных и губернских прокуратурах. Это было до 1930 г. Здесь также следователи более или менее с работой справлялись.

А вот после начинает с нами, народными следователями, происходить что-то неладное. Мы сделали незаконнорожденными заместителями прокуроров. Мы превратились, как сказал т. Вышинский, в затычки, нас завалили разными обследованиями и рейдами. Прокуроры нас заваливают всякого рода мелкими поручениями. Как положительный фактор нашей работы надо отметить то, что мы обросли группами содействия. Прокуратура получает массу сигналов, и все эти сигналы в конце концов сваливают на следователя для разработки, для проверки, изучения и т. д.

Дела по контрреволюционным преступлениям как правило от нас отошли. Все это в целом привело к тому, что следователи «упростились», «техника» расследования совершенно заброшена, учета нашей работе нет, как нет и контроля. Следователем стали назначать того, кто негоден для другой работы. Тов. Акулов и Вышинский одновременно берутся за нас, но я должен сказать, что по Московской области Мособлпрокуратура за нас давно взялась. Мы имеем ряд положительных моментов в нашей работе. Нужно признать, что основной кадр следственных работников в Московской области все-таки сохранился.

Сергеев (нарследователь Ленобластной прокуратуры). В докладах тт. Акулова и Вышинского проходит красной нитью, что следовательская работа является основным участком работы и наиболее неблагоприятным участком работы.

Дефекты, которые имеются в работе суда, и казусы, которые приводили тт. Крыленко и Вышинский, это в конечном счете результат плохо проведенного следствия. Требования, которые к нам сейчас предъявляются, вызваны тем, что партия потребовала от нас нанесения ударов уголовной репрессии более меткого и организованного.

По линии НКЮ РСФСР мы имеем значительные успехи и сдвиги.

Здесь выступали товарищи и говорили о проверке следователями дел милиции и надзора их за милицией. Коллегия НКЮ РСФСР в своем постановлении от 25 августа положила конец той вакханалии, которая имела место в этом отношении.

Тов. Вышинский в прошлом году на совещании сказал, что следователя превратили в лошадку. У нас в НКЮ РСФСР эта лошадка уже в значительной степени разгужена. Перестройка, которая проведена по линии НКЮ РСФСР, я считаю, дает возможность сделать следователя центральной фигурой судебно-прокурорской системы.

Тов. Вышинский прямо поставил вопрос, что следователь должен заниматься только следствием и должен существовать только для следствия. Это положение нужно провести по всем краям и областям.

Каким путем мы можем повысить качество следствия? Я — районный работник, и должен сказать, что за 3½ года я получил всего 2 методички. Ни одного совещания следователей, ни одной конференции не было проведено. А это в Ленинградской области.

Тут кажется т. Нюрина приводила пример, что 3 раза засудили неосновательно председательницу колхоза. Я спрашиваю: сколько вы методических писем спустили по расследованию дел в колхозе? Ни одного. (Вышинский. Правильно).

Сейчас основное — небрежное отношение к низовому советскому аппарату и, в первую очередь, к председателю колхоза. Действительно, пришел председатель колхоза к колоссальному массиву земли, к большому числу крестьян, организовывать массы трудно, и вот ему пишут: не сумел организовать труд в колхозе, неправильно установил нормы выработки и т. д., как следствие — невыполнение посевной кампании, и его притягивают по статье 111, а иногда и по 109 УК.

Нужно научить людей работать, а не судить их сразу. Вопросом должностных преступлений в колхозах должны заняться сейчас те учреждения, которым следует это делать. Бесспорно, повышения качества нужно добиться путем широкого привлечения общественности. Был такой дискуссионный вопрос: привлекать или не привлекать к уголовной ответственности лицо, которое не доносит о преступлении, предусмотренном законом 7 августа о хищениях социалистической собственности, привлекать или не привлекать за доноительство? Я считаю, что это ненужный спор. Когда у нас будут организованы группы содействия прокуратуре, когда работа с общественностью будет поставлена так, что каждый завод, каждый колхоз будет охвачен щупальцами этой общественности, тогда сигналы о преступлениях пойдут к нам, и не нужно будет ставить вопроса о привлечении или непривлечении к ответственности за доноительство.

Вопрос относительно открытых форм следствия — о привлечении групп содействия прокуратуры к следствию, это вопрос, который подлежит не дискуссии, а претворению в жизнь.

По УПК следователь имеет право вести следствие 2 месяца. Куда годятся такие темпы? Максимум для ведения следствия нужно дать 10—15 дней. Предложение т. Вышинского о том, что устанавливается не больше месяца срока для следствия с момента ареста, должно быть уточнено, и поставлен вопрос о месячном сроке

с момента возбуждения дела, а не с момента ареста. Нужно обычный срок для следствия сократить до 1 месяца. (Вышинский. Это, пожалуй, будет очень жестко). Нет, это не жестко. (Вышинский. Если вы можете сократить — сокращайте; мы говорим: не больше. Если сказано: не больше, значит, может быть и меньше). Совершенно верно, я считаю, что нужно не больше месяца.

Обязательно подлежит вручению обвинительное заключение за 3 дня до момента слушания дела. Кто-то додумался, что дело, которое было на месте оформлено и рассмотрено в 2 дня (по хищению зерна), было затем отменено, причем отмена мотивировалась тем, что не было вручено обвинительное заключение за 3 дня до слушания. Но этого по кампанийским делам сделать нельзя.

Вопрос о повышении уровня следователей. Нужно ввести техминимум для следователя и прокурора.

Последний вопрос о зарплате. У нас по линии зарплаты имеет место уравниловка, о которой говорил т. Сталин; а нужно чтобы подходили дифференцированно к каждому следователю, исходя из качества его работы.

Гуревич (БССР). Отмеченные в докладе т. Вышинского недостатки в работе судов действительно имеют место. Суды рассматривают в день 20 дел, а если попадают гражданские дела, то и больше. Качество материалов, которые доставляются в суд, очень плохое. Можно конечно привести много фактов такой работы, но их достаточно было в докладе т. Вышинского.

Как же нам улучшать качество работы? Если мы подойдем к этому вопросу, то мы обязательно столкнемся с таким моментом, что большую часть дел безусловно необходимо отсеять. Здесь уже говорили относительно привлечения к ответственности по ст. 196. Необходимо обратить серьезное внимание на это, необходимо часть дел пускать в дисциплинарном и административном порядке, через товарищеские суды, а часть дел в отношении маловажных преступлений совсем прекратить.

В предложениях т. Вышинского имеется целый ряд пунктов об усилении роли прокурора в том отношении, что он должен санкционировать предание тех или иных граждан суду, что милиция сама не может возбуждать уголовно-преследования без санкции прокурора, что следователь не может вести дела без санкции прокурора и т. д.

Таким образом в лице прокурора создается такое ответственное лицо, с которого можно будет требовать ответ по тому или иному делу, а в связи с этим по каждому пустяковому делу не будет дергать людей и не будут загружать суды. Это очень хорошо, но если мы посмотрим на предложение т. Вышинского относительно ведения распорядительного заседания, то я хочу выступить против этого предложения, мотивируя это тем, что у нас 4 месяца тому назад НКЮ Белорусской республики выдвинул такой проект, подверг его обсуждению, и из 15 судебных и следственных работников города только один высказался за это предложение.

Представьте себе такое положение: мы соберем заседание распорядительного собрания, на котором будут присутствовать два заседателя, прокурор, судья, последний должен будет подготовить материал по делу, должен доложить дело, вызвать обвиняемого, а потом, если это-

го захочет обвиняемый, вызвать свидетеля, а в связи с этим необходим будет дополнительный материал, а если прокурор не согласится с этим постановлением, он может опротестовать, дело пойдет в Верхсуд, и тут начнется волокита. Обвиняемый на этом заседании скажет, что он признает себя виновным, а мы ему скажем, что мы тебя вызвали просто так, а для признания мы тебя вызовем потом.

Я считаю, что основные пункты, которые имеются в проекте т. Вышинского, обеспечивают ответственность за то, чтобы зря не предавать суду, и этот фильтр в виде распорядит. заседания является лишним и будет просто формальностью.

Тов. Акулов и т. Вышинский говорили здесь, что следователь является в настоящий период центральной фигурой, а с другой стороны, товарищи, права следователя ущемляются, хотя бы, скажем, в том, что он не может возбуждать уголовного преследования без санкции прокурора. Это хорошо, когда прокурор должен вести контроль, но он сам не всегда делает.

Борисов (пом. прокурора Союза ССР). Товарищи, т. Вышинский дал развернутую программу борьбы за повышение качества следственной и прокурорской работы.

Я думаю, что т. Вышинский не откажется от того, что вся намеченная им программа должна быть распространена в одинаковой степени и на разбор гражданских дел и на хоз.-правовые конфликты в обобщественном секторе нашего хозяйства.

Я хочу напомнить, что к этой области работы имеет место исключительное пренебрежение со стороны суда и прокуратуры. Гражданские дела рассматриваются как своего рода принудительный ассортимент, которым судья должен волей или неволей заниматься. Нам часто из центра приходится добиваться того, чтобы суд не отказывался от рассмотрения гражданских дел.

Суд зачастую не знает разницы между гражданским правонарушением и уголовным.

Прокурор в течение ряда лет не заглядывает во 2 статью ГПК, обязывающую прокурора вмешиваться в судебное рассмотрение гражданских дел, когда этого требуют интересы государства и трудящихся масс.

А между тем этот забытый участок касается огромного количества дел, проходящих через следственную инстанцию.

Я должен сказать, что несмотря на такое огромное количество дел, которые были рассмотрены судебной системой РСФСР, Президиум Верхсуда РСФСР внимания этим делам не уделял.

952 постановления Президиума Верхсуда РСФСР за 1933 г. касаются уголовных дел и только 60 гражданских дел, общих же разъяснений по гражданским делам было всего 3 и то не по принципиальным вопросам.

Верхсуд таким образом мало занимается гражданскими делами и не уделяет этому должного внимания. Никакого изучения работы нет, никаких вопросов гражданского законодательства Верхсуды не поднимают. Мы получаем предложения и поручения по этим вопросам непосредственно от директивных органов и от правительства. Так сейчас было с проектом нового жилищного закона и с вопросом о правах частных застройщиков.

Все эти вопросы поднимаются партией и правительством, но суды проходят мимо них.

Наконец о гражданских и процессуальных нормах. Тов. Вышинский приводил случаи упрощенчества в уголовном процессе, но я должен сказать, что мы имеем такие же случаи легализованного упрощенчества в гражданском судопроизводстве. Что это за упрощенчество? Я хочу сказать относительно недопустимости обжалования решений по искам до 100 руб. Есть трудящиеся, для которых это составляет большую сумму. Почему этот закон должен быть сохранен? Кому нужно, чтобы кассационная инстанция, не видя людей и свидетелей и не рассматривая никаких документов, выносила по существу новое решение, в 10 раз худшее, чем то, которое вынес нарсуд? Если кассколлегии не нравится решение нарсуда, и она хочет сама вынести решение, то следует провести все то судебное следствие, которое может привести к новому решению. Нельзя превращать кассационную инстанцию в худший суррогат апелляционного производства, который выносит решения без свидетелей, без документов и т. д.

Необходимо также добиться того, чтобы определения кассинстанции об оставлении жалобы без последствий были обязательно мотивированы.

Румянцев (председатель Днепропетровского областного суда).

Я думаю, что мы не должны только говорить и казаться в ошибках, которые имеются в нашей работе. Наша задача заключается в том, то каждый из нас должен поставить перед собой вопрос срочного исправления всех недочетов, которые у нас имеются. Мы должны переклеститься на правильную постановку работы, на правильное выполнение директив партии и правительства.

Я хочу привести один пример. Один из народных судов всего несколько дней тому назад рассматривал дело учителя—члена партии. Обвинялся этот учитель в том, что он, будучи членом партии, добровольно имел половые сношения с одной колхозницей. Это дело стало достоянием широких масс. Народный суд выносит приговор и приговаривает учителя к 2 годам лишения свободы только за то, что это стало достоянием народных масс.

«Наряду с этим суд, признавая, что он не виновен, ибо действие совершено с обоюдного согласия, но так как он член партии и как член профсоюза дискредитировал партию и профсоюз,— заключить его под стражу на 2 года».

Второй пример по работе следственного аппарата. Мы наблюдаем целый ряд случаев, когда следователи, как говорил т. Вышинский, привлекают к ответственности тех, кто никакого отношения к делу не имеет. Так было на заводе им. Ленина. Привлекли мастера Жидких, якобы за недоброкачественный выпуск продукции, а он никогда в этом цехе не работал. В другом случае по Соломянскому району привлекли к ответственности кладовщика Гринько за то, что он допустил халатное отношение к делу охраны семян. Судили и осудили, а затем выяснилось, что этот кладовщик проработал только два дня, и сам же сигнализировал о безобразном положении на складе.

В своем докладе т. Вышинский сказал о необходимости восстановления распорядительных заседаний. Это, товарищи, является необходимым и обязательным, ибо, введя распорядительные заседания, мы тем самым будем иметь возможность лишней раз проверять то или

другое дело. Этим самым мы будем иметь возможность вступать в процесс с более проверенным делом и с более доброкачественным материалом. При том положении, которое сейчас имеется на Украине, введение распорядительных заседаний необходимо.

Считаю необходимым предоставить право облсудам Украины затребовать в любой стадии то или иное дело, и опротестовать его, если это нужно, непосредственно в Верховсуд.

На Украине, если областной суд обнаруживает ту или иную ошибку в том или другом деле, он обязательно должен сообщать об этом прокурору, который дает свое заключение на опротестование.

Третий вопрос — я считаю необходимым предоставить право пленумам облсудов разрешать дела и отменять те, которые неправильно разрешены в нарсуде, этим самым мы ликвидируем ту волокиту, которая у нас сейчас существует.

Тов. Акулов и т. Вышинский в своих докладах подчеркивали целый ряд недостатков в работе украинских органов юстиции. Конечно было бы совершенно неверно, если бы мы сказали, что в работе Донецкой, Киевской и Харьковской областей не было недостатков, недостатки конечно есть и их нужно исправлять. Но также было бы неправильно, если бы мы сказали о том, что со стороны Украины не принимались и не принимаются меры для предотвращения этих недостатков.

Возьмите борьбу за качество продукции, у нас в области дело обстоит не плохо.

Посевная кампания у нас прошла не плохо, Днепропетровская область закончила посевную кампанию одной из первых, и вместе с тем количество осужденных по посевным делам у нас чрезвычайно мало.

Последний вопрос — это вопрос следствия. Я считаю, что наша задача должна заключаться в том, чтобы следователь не увлекался обвинительными тенденциями; задача следователя должна заключаться в том, чтобы он представлял материалы за и против.

Я считаю, что мы, разъезжая по местам после этого совещания, сможем выполнить задачи, поставленные перед нами партией и советским правительством.

У д-рис Э. М. (председатель Верховсуда УзбССР). Тут совершенно правильно говорилось о плохой работе органов суда и вообще органов юстиции Средней Азии и в частности Узбекистана. Это совершенно правильно. По сравнению с РСФСР и рядом других ведущих республик наши суды работают куда хуже.

В основном, поскольку я успел ознакомиться с работой на месте, я считаю, что главной причиной плохой работы судебных органов в УзбССР является то, что руководство там не только не руководило, но занималось иногда преступными делами. Правда я не могу здесь не напоминать того, что в Средней Азии фактически революция была проведена в 1928—29 г.; когда были окончательно ликвидированы феодально-помещичьи хозяйства.

К тому же культурная и политическая отсталость здесь имеет большое значение, но все-таки было бы ошибочно полагать, что органы юстиции, в частности Узбекистана, совершенно не помогали партии — это неверно. Я должен отметить, что в Узбекистане и в других республиках Средней Азии не только расширяются посевные хлопковые площади, но и выполнен

план по заготовке и сдаче государству хлопка. По сравнению с первыми годами первой пятилетки, мы в прошлом году дали государству в полтора раза больше хлопка, а это имеет громадное значение и для нашей текстильной промышленности, и для обороны нашей страны. То же самое и по развитию и заготовкам кокона. Посевную кампанию этого года мы уже заканчиваем, она должна быть закончена к 5 мая, правда, 20 дней у нас шли дожди, которых в Узбекистане никогда так долго не было, выпал снег, заморозивший фруктовые деревья и т. д.

Все это задержало сроки посевной, однако к 5 мая посевную мы закончим. На места нами были высланы 8 судебных бригад, которые, проводя показательные процессы, успешно помогали посевной.

Я должен засвидетельствовать, что ЦК КП(б) Узбекистана очень хорошо меня встретил, и обещал оказывать Верховсуду конкретную помощь в работе. Тов. Икрамов говорил, что нужно прекратить командование судами, а судами в УзбССР командовали и командуют все, кому не лень. Я за 18 дней своей работы в УзбССР уже натолкнулся на 3 секретарей райкомов, которые командовали народными судами. Была заметка в газете, что один нарсудья вынес неправильный приговор. Этого было достаточно, чтобы нарсудью без ведома Верховсуда и НКЮ УзбССР сняли с работы и исключили из партии, а судья этот — красный командир, 10 лет прослуживший в Красной армии и член ВКП(б) с 1920 г. Мы этот вопрос поставили в ЦК и в комиссии партийного контроля, которые пошли нам навстречу.

Другой случай был в Самарканде. В одном сельском участке было несколько дел по посевной на русском языке, а нарсудья там национал, не знающий русского языка. Мы со своей стороны предписали нарсудье г. Самарканда выехать на место и разобраться эти дела, но судья не поехал, так как секретарь райкома запретил ему выезжать. Этот случай мы также поставили в партконтроле.

За Верховсудом УзбССР неправильно перечисляют заключенных и прокуратура, и милиция, и органы ПТУ. Нами обнаружен случай, когда люди больше года содержались под стражей без допроса и предъявления обвинения и были неправильно перечислены за Верховсудом.

У меня есть акты помпрокурора республики, свидельствующие о том, что прокуратура и ПТУ перечисляют за Верховсудом заключенных, когда у них сроки содержания под стражей истекли, оставляя дела на этих лиц у себя в производстве или направляя эти дела в соответствующие инстанции для утверждения обвинительных заключений.

В своих предложениях т. Вышинский совершенно правильно указал, что в основу деятельности прокуратуры должна быть изложена работа в суде, участие прокурора в судебных процессах и конкретное руководство работой следователей. У нас в этом отношении совершенно недопустимо плохо обстоит работа. Протесты в основном у нас вносятся в президиум по делам, по которым Союзная прокуратура делает прямое предложение об опротестовании приговора. Прокурор республики у нас на президиумах Верховсуда не участвует. Через него попадают в президиум только такие протесты, когда прокуратура республики требует повышения меры соцзащиты.

О следователях. В связи с полевой у нас поступает много дел о кражах и злостных пережогах горючего. Под Ташкентом, в с. Кибрай был обнаружен случай расхищения и злостного пережога горючего. Поручили следователю по важнейшим делам расследовать это дело. Он лично расследовал это дело, составил обвинительное заключение. По обвинительному заключению и было установлено, что 941 кг бензина похищено. Главный вор, Кадиев, по обвинительному заключению кулак. Обвинительное заключение опубликовали в печати, создали показательный процесс с участием нач. политотдела, секретаря райкома, директора МТС и др. На суде оказалось — нет кражи, нет и кулака, а налицо экономия горючего и обвиняемых надо премировать за работу. Спрашивается, где был прокурор и следователь по важнейшим делам? Вот какой у нас в республике аппарат. Если в республиканском аппарате сидят такие следователи по важнейшим делам, то что можно требовать от нарследователя и районного прокурора?

В заключение — у меня есть просьба — побольше руководить нами, помогать конкретно в работе и выделить несколько работников для укрепления центрального аппарата Верховсуда и Прокуратуры УзССР. Без этого мы ничего не добьемся и работу улучшить не сможем.

Для примера укажу, что в Ташкенте есть юридические курсы, которые находятся не при НКЮ, а при коллегии защитников. Это неверно. Судей и прокуроров должны готовить не коллегии защитников, а мы. Я думаю, что эти курсы надо реорганизовать.

Назаров (зам. Московского областного прокурора). Надо сказать, что целый ряд чрезвычайно важных и интересующих нас вопросов, поставленных в докладе т. Вышинского, действительно являются актуальными вопросами, которые сейчас занимают внимание нашего совещания.

Первое — это работа нашего следственного аппарата. Совершенно правильно тт. Акулов и Вышинский заострили этот вопрос, как один из основных вопросов нашей работы. Но по-моему надо было прямо сказать, кто же виноват в том, что наш следственный аппарат доведен до такого состояния? Я считаю, что виновным является прежде всего Народный комиссариат юстиции, который в своих указаниях и письмах районным прокурорам все время упрощал методы нашего следствия.

Надо сказать, что виноваты и мы областные работники, что допускали упрощенчество в следственной работе. Мы нарушали УПК на каждом шагу, причем это нарушение целиком и полностью было связано с тем, что мы давали недоброкачественную продукцию в наши суды. Когда партия и правительство борются за доброкачественную продукцию и судят директора фабрики и завода и директора треста за то, что они дают недоброкачественную продукцию, то в этот момент качество нашей продукции должно быть исключительно высоким и хорошим. К сожалению мы этого качества продукции не обеспечиваем, не обеспечиваем этого качества продукции даже и такая передовая область, как Московская.

По докладу т. Вышинского выступал здесь т. Мурашко, старый следователь, который заявил, что он работал хорошо, а потом допустил упрощенчество в своей работе и сейчас недостаточно хорошо работает и не дает продук-

ции, которая от него требуется. Почему это? Потому что от него не требовали того качества работы, которое нужно было требовать, потому что, когда т. Мурашко писал обвинительное заключение в развернутом виде, это считали излишним бюрократизмом, на это не обращали внимания и этого от него не требовали. И вот упрощенство в следственном аппарате привело к недоброкачественной продукции. По Московской области количество прекращенных дел достигло 25%.

Наряду с этим мы имеем и другие примеры, когда следователь, вернее прокурор, серьезно занимается вопросами следственной работы.

В Павлово-Посадском районе прокурор прежде, чем направить дело, просматривает материал, выясняет отдельные моменты, требует, если нужно, дополнительные материалы.

Прокурор должен предварительно собирать обвинительный материал, и, только убедившись, что нужно того или иного человека отдать под суд, должен передавать материал в следственные органы.

Ундревич (директор Ленинградского института советского права). Совершенно очевидно, что все наши жалобы на кадры, что все наши жалобы на то, что у нас недостаток людей, наше своеобразное соревнование, что из нас расскажет о более нелепых случаях из судебной практики, должны дать понять, что кадры мы должны создавать сами, что кадры в порядке самотека не появятся. От этого важнейшего вопроса зависит очень много, от этого зависит вопрос укрепления наших органов юстиции культурными, грамотными кадрами советской юстиции.

Тов. Вышинский подчеркнул чрезвычайное значение нашей работы, значение нашего законодательства и важность умелого его применения. Между тем мы очень часто опираемся на большие цифры нашего актива, но не умеем готовить эти кадры. Очень часто мы нашего актива не знаем, и своего актива не воспитываем. По отношению к вузам мы имеем совершенно своеобразное положение в этом отношении и со стороны НКЮ. Станный, если не сказать больше, подход. Нашим вузом в НКЮ руководит довольно отсталый отдел кадров. К нам в Ленинград и в другие высшие учебные заведения очень редко приезжает кто-нибудь из представителей НКЮ. Я помню только два случая, когда представители НКЮ вынуждены были заглянуть к нам. Это определяет удельный вес, который этот вопрос занимает в НКЮ.

Например Карельская область присылает к нам молодую девушку. Мы отправляем ее обратно, но она начинает плакать. А когда мы спрашиваем: «Как вы попали сюда и какое вы имеете отношение к органам юстиции», то она рассказывает, что она просто была безработной, увидела объявление, что набираются в вузы, пришла, получила путевку и приехала.

Я хотел бы остановиться еще на одном участке правового образования — на заочном образовании.

Задача, поставленная партией о поднятии идейного уровня работников, в первую очередь относится к работникам юстиции. Для повышения своего уровня заочное образование может оказать большую помощь. Поэтому надо поставить руководство этим делом на местах поставившему. Между тем мы этого не имеем.

Я считаю, что совершенно естественно и необходимо, чтобы работники, которые выпуска-

ются высшими правовыми школами, были бы работниками, готовыми к практической работе. Отрыв наших преподавателей и наших кафедр от практической жизни юстиции, отсутствие вооруженности не дают возможности так осуществлять построение преподавания, чтобы оно целиком было бы связано с практикой органов юстиции. В этом отношении я думаю, что вопрос обстоит весьма и весьма неудовлетворительно.

Тов. Акулов сказал, что сейчас принимаются меры к укреплению правового образования, необходимо это сделать как можно скорее, чтобы не терять приближающегося учебного года и чтобы знать, с чем нам нужно притти к новому учебному году.

Рогинский (пом. старшего прокурора Союза СССР). Товарищи, впервые на нашем совещании вопросы качества всей нашей следственно-прокурорской и судебно-прокурорской работы поставлены в таком масштабе, с такой остротой и с такой четкостью, как это поставлено в докладе т. Вышинского. Мы на наших совещаниях не раз обсуждали отдельные вопросы судебно-прокурорской работы, но мы их брали именно как отдельные вопросы, мы их выхватывали из той суммы вопросов, которые составляют существо судебно-прокурорской работы, и только на этом совещании впервые все эти вопросы поставлены как единое целое, показана зависимость и связь одного вопроса с другим и всех вопросов вместе между собой.

Такая постановка вопроса именно на этом совещании, на совещании, стержнем которого является осуществление перестройки работы на основе и в связи с решениями XVII партсъезда, перестройки не только организационной, но и перестройки методов, и существа, и содержания всей нашей работы, является отнюдь не случайным.

Такая постановка вопроса является ответом на те положения, на те требования о перестройке всей нашей работы, которые были поставлены в докладе т. Акулова. Эта постановка вопроса определяет собой основное существо, основную суть нашей прокурорской работы, а также определяет то направление, по которому мы должны вести перестройку своей работы. Эта перестройка работы должна решительным образом изменить то понимание основы прокурорской работы, которое у каждого из нас за последние годы сложилось, укоренилось и отказаться от которого нам в значительной мере трудно.

В самом деле, на первый план выдвигается судебно-прокурорская работа, а что мы имели до сих пор? Вопросы следствия, вопросы надзора за следствием, вопросы участия прокуратуры в работе суда — эти вопросы у нас находились в тени. Они находились во втором плане. У нас превалировала так называемая «общенадзорная работа», причем именно «общенадзорная работа». Именно она, эта «общенадзорная» работа, создавала такие условия, при которых прокурор работал на всех, работал за всех и являлся так сказать «толчком» в интересах одного предприятия против другого.

Эта надзорная работа районных прокуроров не была связана с существом работы прокурора. Те указания, которые сделал т. Вышинский, и та постановка вопроса, которую он дал в своем докладе, совершенно ясно подчеркивают, что основной работой прокуратуры является судебно-следственная работа. Вопросы надзорной ра-

боты должны быть заключены в определенные узкие пределы и рамки, причем мы должны в этой области бить по действительным нарушениям ревзаконности. А эти вопросы сплошь и рядом выпадают из поля зрения прокуратуры.

Вот возьмите те данные, о которых в своем докладе говорил т. Акулов, — вопрос борьбы с общественной политикой. Этим вопросом мы стали заниматься только недавно, а между тем этот вопрос в практике работы прокуратуры должен был давно обратиться на себя внимание. Вопросы надзора, так как они построены сейчас, должны быть решительно изменены, «толкательство» целиком из нашей практики надо выбросить. Надо сказать, что универсализм приводил нас к тому, что мы вступали в конкуренцию с РКИ. Сейчас у нас имеется опасность вступления в «конкуренцию» с Комиссией советского контроля.

Я об этом говорю на основании некоторых данных, эта тенденция имеет место не только на местах. Вот недавно в 20-х числах февраля было опубликовано постановление СНК Союза, в котором Комиссии советского контроля поручалось расследование причин засылки в Среднюю Азию недоброкачественных частей к тракторам Уральского Надеждинского завода. СНК поручил расследовать это дело Комиссии советского контроля, а не прокуратуре. Прокуратура Союза не дала никаких распоряжений прокурору Урала по этому поводу, но приехав на Урал, я застал следующую телеграмму из Прокуратуры РСФСР: «Свердловск, прокурору области Лейману — организуйте рейд по расследованию дела о засылке недоброкачественных частей к тракторам в Среднюю Азию».

Я считаю, что такого рода телеграмма является тенденцией вступить в «конкуренцию» с Комиссией советского контроля, с другой стороны, она дезорганизует работу, и сейчас это сказалось. Когда Комиссия советского контроля доложила это дело в СНК и вынесено было постановление о привлечении определенных лиц к уголовной ответственности, то Уральская прокуратура никак не может этого дела довести до конца, несмотря на то, что рейд этот она провела.

Вот почему я думаю, что, перестраивая свою работу и включая в ограниченные рамки вопросы надзорного порядка, мы перестроимся так, как это требуется от нас партией и правительством.

Я думаю, что освобождение от излишних функций должно относиться не только к прокурорскому аппарату, но должно относиться также и к нарсуду. Тот лозунг, который вчера выдвинул т. Вышинский по отношению к прокурорам — лицом повернитесь к суду, — должен отнестись и к краевым и областным судам, — краевые и областные суды должны повернуться лицом к нарсуду.

Надо нарсуд освободить от целого ряда функций, не связанных непосредственно с судебной работой.

Мне приходилось при выезде на места встречаться с таким положением, когда нарсуд занимается очисткой колхозов от чуждых элементов, нарсуд занимается обследованием элеваторов, нарсуд занимается вопросом, как поставлена противопожарная охрана в том или ином колхозе. И совершенно понятно, что качество непосредственно судебной работы понижается, совершенно понятно, что это приводит к тем глупостям, о которых вы слышали здесь.

Здесь кроется причина того, что нарсуд значительно оторван от своей непосредственной судебной работы.

Я не имею возможности привести вам ряд фактов, но один интересный факт я оглашу. Орловский суд (ЦЧО) пишет в своем отчете: «Со стороны суда также уделялось внимание противопожарной охране. В сельсоветах и колхозах в ночное время делается пробная тревога (это нарсуд делает!). Вывозилось в поле 3 воза соломы, эту солому поджигали, что дало возможность проверить охрану от пожара». В районе были 2 случая пожара, и проба не помогла.

Вот чем занимался Орловский суд. Если бы мы здесь говорили о работе нарсудов ЦЧО, мы бы вам показали, что там из рук вон плохо поставлена судебная работа. Определение точных пределов нашей работы, отказ от универсализма, мне кажется, являются основным и гарантирующим нам такую перестройку, которая должна дать то качество и те темпы, которые необходимы в нашей работе.

Я хочу еще остановиться на двух вопросах — на вопросе предания суду и на вопросе о кассационной инстанции. Вопрос о предании суду поставлен т. Вышинским совершенно правильно. Здесь уже оглашался ряд цифр, характеризующих, как обстоит плохо дело с преданием суду.

Мы прошли ряд этапов, связанных с преданием суду. В 1923—1924 гг. вопрос предания суду был поставлен таким образом, что у нас были распорядительные заседания, которые рассматривали только обвинительные заключения, исходя только из того, есть ли основания для предания суду или нет. Это приводило к простой штамповке дел. Сейчас всю ответственность за предание суду возлагают на прокурорский аппарат. Подготовительные заседания работают от случая к случаю, а то и вовсе не работают.

Я думаю, что качество нашей судебной и следовательской работы диктует необходимость поднять вопрос предания суду на более высокой ступень, и мы должны внести сюда радикальные изменения.

Нужно создать такую преграду, которая бы оградила направление в суд негодных по качеству дел и повысила бы качество той продукции, которая поступает в суд. Надо создать такое положение, когда следователь, прокурор и судья были бы ответственны за то дело, за которое они взялись.

Та постановка вопроса, которая дается в тезисах т. Вышинского, создает такую организацию, которая сможет поднять качество тех дел, которые направляются в суд.

Вопрос о работе кассационной инстанции. Кассационная инстанция является той инстанцией, которая призвана направлять и исправлять судебную работу нашего суда. Я утверждаю, что работа наших кассационных инстанций не отвечает тому назначению, для которых кассационная инстанция существует. Надо сказать, что кассинстанция работает небрежно, работает плохо, кассационная инстанция по сути дела не руководит судебной практикой и политикой. Она проходит мимо самых серьезных нарушений, которые допускаются в суде; более того, сплошь и рядом она санкционирует эти нарушения.

Я приведу пример из практики Западного областного суда. В Западной области в Труб-

чевском районе учитель Розин был осужден за следующее: он, будучи сельским учителем, пошел в колхоз убирать хлеб в порядке общественной активности, и его предали суду по ст. 128 УК за то, что он не успел убирать некоторое количество хлеба с поля. Вместе с ним предадут суду и председателя и зам. председателя колхоза, всех по ст. 128. Суд вынес по этому делу следующий приговор: хотя достаточных данных нет, что Розин в прошлом был белогвардейцем, но суд признает, что он белогвардеец и к нему применяется закон от 7 августа и его приговаривают к 10 годам.

Дело поступило в кассационную инстанцию Западного областного суда. Казалось бы, что на это дело нужно было бы обратить особенное внимание, но суд только переквалифицировал обвинение Розину. Что делает кассационная инстанция? Все эти вопросы, связанные с существом этого дела, вопросы, почему нарсуд так грубо нарушил закон и вынес такой приговор, кассинстанция обошла. Она применила к Розину ст. 111 и определила ему 3 года. Причем надо сказать, что председатель и заместитель председателя колхоза были осуждены к одному году лишения свободы.

Ведь это какая-то игра в судебный футбол — ст.ст. 128, 111, от 7 августа! А главное — все без всяких оснований.

Учитель обратился в Прокуратуру РСФСР, и т. Осипов, ознакомившись с этим делом, оставил в стороне все вопросы и занялся одним только вопросом, насколько нужно осудить учителя Розина, и внес протест в суднадзорную коллегия, где Розину дают один год исправительно-трудовых работ, и опять-таки оставляют все вопросы, почему был вынесен приговор к 10 годам в отношении Розина, без внимания.

Только тогда, когда вопрос был поднят комиссией партконтроля, выяснилось, что секретарь партиячейки и председельсовета использовали суд для того, чтобы расправиться с этим учителем.

Если бы кассационная инстанция работала так, как она должна работать, и понимала бы свою ответственность такого положения с этим делом мы не имели бы.

Тагер (член Московской коллегии защитников). Товарищи, мы, защитники, — гости на вашем съезде. Из всего того богатства вопросов, с которыми выступил Андрей Януарович Вышинский, позвольте мне, в пределах отведенного мне времени, остановиться лишь на двух вопросах, каждый из которых имеет сейчас большое значение. Это, во-первых, вопрос об оказании юридической помощи населению. В такой формулировке я позволю себе обобщить ту проблему, которую поставил А. Я., говоря о защите в уголовном суде. Второй вопрос, который нуждается в значительном развитии, — это вопрос о кассационном процессе. Кассационный процесс — это есть в нашей судебной работе своеобразный контроль исполнения, и вот на этом своеобразном судебном контроле исполнения и нужно было бы остановиться более подробно.

Теперь о защите. Я помню, что в 1918 или 1919 г., когда Петр Иванович Стучка впервые приступил к организации судебного аппарата, он в одной из своих статей, напечатанной в «Правде», противопоставляя будущий советский суд суду дореволюционному, в числе различных признаков противоположения указывал, что если дореволюционная юстиция интересовалась,

главным образом, обвинением, то советскую юстицию интересует главным образом защита. Это было конечно увлечение, которое не имело никаких шансов воплотиться в какие-нибудь организационные формы. Но прошло 10 лет. Оказалось возможным, чтобы в Москве публично перед широкой аудиторией был поставлен доклад о том, нужна ли вообще защита в советском суде. И не то еще важно, что доклад на такую тему был поставлен, а важно то, что докладчик, бывший в то время руководителем суда в Москве, счел возможным решить этот вопрос в том смысле, что отличие советского суда от суда буржуазного в том и должно заключаться, что в советском суде, в противоположность буржуазному суду, защиты никакой быть не должно. Это был 1929 г.

Присутствовавшие на докладе гг. Винокуров, Солц и другие здесь присутствующие товарищи, довольно энергично изолировали докладчика, но он был председателем Московского суда, он был членом Коллегии НКЮ, его мнение распространялось далеко за пределы Москвы, и он был далеко не одинок. Я это говорю вовсе не для того, чтобы сказать, что у нас в коллегии защитников все благополучно. И у нас вопросы кадров также имеют первостепенное значение, вопросы руководства также являются первостепенными, для нас также имеют первостепенное значение условия работы в суде.

Высоко поставленная защита есть одна из совершенно необходимых ступеней, по которой качество работы суда может быть поднято на более значительную высоту, и если эту ступеньку отнять, то качество судебной работы не сможет подняться до той высоты, добиться которой мы совместными усилиями непременно должны.

Позвольте разоблачить перед вами некоторые тайны адвокатского кабинета. В нашей копилке грустных курьезов также имеется не мало случаев аналогичных тем, о которых здесь говорили все докладчики.

Нам, москвичам, — а на Украине в таком же положении находятся наши харьковские товарищи, — приходится иметь дело с кассационными делами, поступающими с периферии, приходится по этим делам иметь переписку с провинциальными товарищами.

Не редки случаи, когда мы вместе с кассационными материалами получаем от товарищей письма, в которых нам сообщают, что в кассационной жалобе далеко не исчерпаны кассационные нарушения. Нас просят такие-то кассационные поводы и выводы дополнительно поставить перед Верховным Судом, «ибо, как письма гласят, в наших условиях нам всех этих доводов указывать неудобно и невозможно». Я очень виню этих товарищей за недостаток настойчивости и мужества. Но надо прямо сказать, что если создаются такие условия работы, при которых защитнику неудобно изложить кассационные доводы, это свидетельствует о том, что обстановка работы коллегии защитников совершенно ненормальна.

Еще один момент, и затем можно сделать и некоторые общие выводы. Недавно в президиум Московской коллегии защитников поступило дисциплинарное дело. Один член коллегии защитников в судебном заседании заявил, что поддерживает ходатайство о применении высшей меры социальной защиты к своему подзащитному, а затем написал великолепно аргумен-

тированную кассационную жалобу, доказывая, что применение высшей меры совершенно не обосновано, и эта кассационная жалоба была удовлетворена Верховным Судом.

Если вы от этих фактов перейдете к обобщению, то вы увидите, что в коллегиях защитников существует явление, для которого язык выработал и определенный термин: «подхалимаж». С ним нужна решительная борьба и внутри коллегий и вне них, среди судебных и прокурорских работников.

Я не буду останавливаться на том, что мы делали и что нужно еще сделать внутривнутриколлегиальным путем, но нужны организационные мероприятия, которые не зависят только от одних коллегий защитников. Вопросы руководства имеют в этом отношении первостепенное и первоочередное значение.

Если у нас в Москве мы еще не справились со всеми стоящими перед нами вопросами, то год тому назад, при помощи НКЮ, мы добились решительного перелома в Москве. То, что мы знаем о провинциальных коллегиях, указывает на то, что там до перелома еще довольно далеко.

На это должно быть обращено серьезное внимание. Я прошу вас поставить перед собой вопрос в такой форме. Представляете ли вы себе такого председателя суда, который, руководя судом, сам бы для себя считал заторным и невозможным судить и участвовать в судебных заседаниях? Представляете ли вы себе такого прокурора, который, руководя прокурорской работой, считал бы для себя заторным выступать обвинителем или составить обвинительное заключение? Но вы встретите не мало руководителей коллегий защитников, которые к предложению выступить в суде в качестве защитника отнеслись бы как к насмешке над собой. Настолько они далеки от мысли о том, что они сами должны участвовать в той работе, которой они руководят. Этому положению должен быть положен конец. Это совершенно нетерпимое положение.

Дальше вопрос о руководстве в центре. Собственно говоря, коллегии защитников до сих пор никакого руководства в центре не имеют. Сплошь и рядом, когда нужно было в НКЮ выяснить какой-нибудь общий вопрос, касающийся коллегии, приходилось тратить некоторое количество времени, чтобы разыскать тех, кто вообще занимался этим вопросом (голос с места: там был Оргинстр), и в пределах этого Оргинстра это тоже не легко было выяснить.

Вопросы руководства коллегиями защитников должны быть подняты на принципиальную высоту. Дело оказания юридической помощи населению должно быть провозглашено делом первостепенной государственной важности наряду с задачей прокуратуры.

Для того чтобы поднять на должную высоту дело оказания юридической помощи населению, в составе НКЮ, наряду с верховными и прокуратурой, должно быть создано специальное управление по организации и руководству юридической помощи населению. Это будет естественный центр, который по логике вещей должен будет об этом заботиться и это дело растить. Я не предпрещаю сейчас точной организационной формы того центра, который должен быть создан. Сейчас о руководстве этой юридической помощи населению в центре ни-

кто в достаточной мере не заботится. Это положение должно быть изменено.

Еще одно замечание.

Коллегия защитников имеет колоссальный накопленный опыт, опыт, который не может быть восполнен ни судебным, ни прокурорским опытом. Мы видим такие факты, с которыми ни суд, ни прокуратура не знакомы и их не видят. То, что видит суд и прокуратура — сверху, то мы видим снизу. Мы стоим непосредственно около тех живых людей, о которых говорил т. Вышинский, мы знаем их беды и их нужды ближе и лучше, чем прокуроры и судьи.

Что вы скажете о таком положении, когда приходит к защитнику человек: «У меня имеется судебное дело». Защитник его спрашивает: «Вы хотите, чтобы я вас защищал?». «Нет, я хочу слышать ваше мнение,—если пригласит защитника, то не слишком ли это повредит делу, я слышал, что в суде лучше без защитника, что в суде защитников не любят».

Товарищи, это свидетельствует о совершенно ненормальном положении вещей. С такими вопросами обращаются не только малограмотные, но и культурные люди, до которых дошло то, что руководитель Московского суда публично выступил и говорил, что защиты не нужно, до которого дошло, что защитник не может быть допущен к защите, потому что он может иметь в своих руках документы, которые могут опровергнуть обвинение, которые знают, что следствие может продолжаться чуть ли не год, а между тем как оно только поступило в суд, то нельзя отсрочить его, хотя бы на два дня для того, чтобы защитник ознакомился с делом, настолько дело оказывается срочным. Немудрено, что при таких условиях с жалобами не обращаются, так как считают их бесполезными и безнадежными.

Демонстрирование отсутствия доверия к защите со стороны суда компрометирует защиту в глазах тех, кто в ней нуждается. Поверьте мне, что если будет проявлено к вопросу защиты немного больше внимания, немного больше доверия, немного больше заботы, то в ряды работников, которые должны стоять ежечасно и ежедневно на страже социалистической законности, волеется великолепно дисциплинированный отряд.

Берман (Зампред. Верховного суда РСФСР). Если взять основную мысль обширного и яркого доклада т. Вышинского, то этот доклад можно назвать призывом к судебным и прокурорским работникам соблюдать законность. Это может показаться парадоксальным: к судебным прокурорским работникам, призванным охранять революционную законность, приходится обращаться с такого рода призывом, но я думаю каждому из нас, в особенности после проведенного совещания, очевидно, что именно несоблюдение закона является самым большим местом во всей нашей работе. Оно является главной опасностью у нас, ибо об этом забыли и с нарушением закона в нашей среде борются слабо. Очень часто мы negliжируем законом. Если вспомнить все примеры анекдотического порядка, которые здесь приводились, то значительную часть их можно отнести не за счет той или иной политической ошибки или за счет безграмотности того или иного суда, но большей частью, приговоры с дефектами и неправильно проведенным следствием своим источником имеют несоблюдение строго обусловленных законом правил.

Обсуждая доклад т. Вышинского, мы подошли к самому больному вопросу и основному звену всей нашей работы, от которого исходя можно только ставить вопрос по настоящему об улучшении качества нашей работы. Достоинство доклада т. Вышинского именно в том, что он собрал воедино всю сумму больших вопросов судебно-прокурорской работы, нашего процесса.

Надо сказать, что в negliжировании закона повинны не только местные работники, но и все мы, начиная с руководящих работников по судебно-прокурорской линии. Все последние годы мы за соблюдением правил процесса строго не следили и не боролись. Я бы сказал даже больше: мы сами питали настроения negliжирования. В этом повинна и наша теория, наша теоретическая мысль. Не случайно, что до сих пор мы не имеем ни одной серьезной работы по этому вопросу.

Это и является результатом того, что все последние наши теоретические работы по вопросам уголовного права в значительной степени питали настроение negliжирования законом, negliжирования процессом. И в наших вузах тоже не случайно, а как результат отмеченной линии за последние годы — проблема процесса занимает скромное место: на протяжении 3 лет учебы всего несколько десятков часов. Наконец, если мы обратимся к нашей практике, к руководству судами, то беря такой серьезный участок руководства судами, каким является кассационная практика, деятельность кассационной коллегии, мы видим, что кассколлегии, отменяя приговор, изменяя ту или иную санкцию, почти никогда или в самых редких случаях не направляют работу народного суда в связи с несоблюдением ими процессуальных норм, по линии несоблюдения ими законов.

И не случайно во время доклада, несмотря на то, что т. Вышинский по сути дела вносил ряд далеко не новых предложений, — предъявление обвинения, предание суду, порядок ведения следствия и права прокурора, и проч., настроение у аудитории было таково, точно ей преподносили целый ряд новых вещей. Это не случайно потому, что все направление мысли в нашей судебно-прокурорской работе было таково, что мы чрезвычайно мало внимания уделяли этому вопросу. И потому казалось, что преподносится что-то новое, тогда как на самом деле предлагается то, что довольно точно и ясно изложено в нашем кодексе.

Я думаю, что мы должны выдвинуть своего рода лозунг, которым каждодневно должен руководствоваться каждый работник суда и прокуратуры, что только строжайшее соблюдение всех правил нашего процесса может дать обоснованный и действительно правильный приговор, что всякое отклонение от законных требований нашего процесса всегда будет связано с дефективностью приговора. Я думаю, что такой лозунг мы сейчас должны провозгласить, потому что до последнего времени обязанность соблюдения норм процесса не усвоена судебными прокурорскими работниками. Характерным примером является только сегодня мне доложенное дело Саратовского краевого суда. Дело по Саратовской ФЗТК. Обвинительное заключение составляется дознавателем ФЗТК, обвинительное заключение утверждается начальником ФЗТК. И только сбюку приписка прокурора: «согласен».

Сколько раз мы требовали от председателей судов, чтобы они сами знакомились с делами, по которым может быть вынесена серьезная мера репрессии, и несмотря на это, мы имеем такие разительные случаи утверждения обвинительного заключения инстанцией, нигде не предусмотренной, — начальником ФЭПК.

Несколько замечаний по конкретным вопросам о следствии и распорядительном заседании.

Совершенно прав г. Вышинский, когда говорит о том, что нельзя ставить прокурора, от которого мы требуем наблюдения за следствием и утверждения обвинительного заключения, в такое положение, когда он лишается всяких прав, кроме наблюдения за следственным аппаратом, и потому совершенно правильно поставлен вопрос о том, что следственный аппарат должен быть в ведении прокурора.

За последнее время мы начали требовать от краевых (областных) судов прохождения дел через подготовительные заседания. Я могу привести одну цифру, которая покажет значение подготовительных заседаний. Мы имеем целый ряд краевых и областных судов, где сейчас начинают действовать эти подготовительные заседания. И вот там, где эти подготовительные заседания действуют, отсеивается 25% тех дел, которые проходят через эти заседания. 25% дел — это, товарищи, немалый показатель брака. И это лучше всего доказывает необходимость разрывания работ подготовительных заседаний.

Два слова о судебных заседаниях. Здесь, товарищи, мне хотелось бы обратить внимание на несоблюдение правил ведения судебного заседания и я здесь остановлюсь лишь на одном моменте.

Тов. Вышинский в своем докладе совершенно правильно сказал о том, что хозяином процесса должен быть председатель суда. Но я должен сказать и это, мне кажется, подтвердят все работники суда, присутствующие здесь на совещании, что в значительном количестве случаев председательствующий не знает дела. Быть хозяином процесса, не зная дела, чрезвычайно трудная штука; как правило, мы должны требовать, чтобы председательствующий на суде знал дело.

Я позволю себе привести случай в Средней Волге, когда председательствующий в суде решил, что он дело знает, и вынес приговор, не вызвав обвиняемого, не вызвав свидетелей, без протокола судебного заседания, а просто переписал обвинительное заключение. Недостаточная проверка обвинительного заключения, не вызов свидетелей на заседание суда очень часто имеет место.

Пару слов о заочном приговоре. Исключительный случай вынесения заочного приговора имел место в Бурят-монгольской республике, когда председательствующий в суде Ильин вынес приговор к высшей мере социальной защиты некоему Хондукову. Хондукова на суде не было, его не вызывали, не допросили и заочно приговорили к высшей мере. Это, правда, исключительный случай заочного приговора. Но очень часто судьи у нас увлекаются заочными приговорами, не проверив, было ли сделано все для вызова обвиняемого.

Последний вопрос, на нем никто не останавливался, о котором не сказал в своем докладе и г. Вышинский, — о судебном исполнителе. Вопрос о судебном исполнителе является важным вопросом и серьезным звеном во всей на-

шей работе, от которого не в малой степени зависит наша работа.

Судебный исполнитель — это важное звено, которым нужно руководить и которое до сих пор у нас на 90% является бесконтрольным. Я думаю, что по вопросу о судебном исполнителе в предложении т. Вышинского необходимо указать о подчинении судебных исполнителей нарсудье, о систематической проверке их работы.

Са а к я н. В Закавказье до второй половины 1933 г. мы имели одного районного прокурора на 5—6 районов и только в 1933 г. удалось на каждый район получить по одному прокурору. Представьте себе радиус работы в 200—250 километров, бездорожье, — отсюда совершенно ясно вытекают все трудности надзора со стороны прокурора за следствием и судом.

Качество работников, далеко не такое, которое может обеспечить значительный надзор, действительно осуществлять социалистическую законность, но вкрад ли вы найдете такого прокурора района, который сумел бы драться с председателем рика или с секретарем райкома, если они вмешиваются в компетенцию судебно-прокурорских дел.

У нас не мало недочетов в Закавказье, усложняющихся тем, что у нас национальный состав очень разнообразен. Не менее важным вопросом является национальный вопрос в наших органах юстиции. Надо подготовить курда в народные судьи, надо подготовить аджарца. Крайком партии и ЦК национальных республик в особенности после XVII съезда и решений, связанных с этим съездом, приступили вплотную к перестройке наших органов, к пересмотру всего состава органов юстиции, в особенности районного состава народных судей, следователей, прокуроров и т. д. Но это не значит, что мы не должны обращать внимания на подготовку кадров из национальных меньшинств.

Я должен остановиться и на директиве 8 мая. Недавно на совещании политотделов милиции некоторые политические инспектора заявили, что они эту инструкцию даже не читали.

Начальник республиканской милиции оставил у себя в ящике эту директиву и только после прихода нач. политсектора удалось разыскать эту инструкцию и наметить мероприятия по ее выполнению.

Прокурорский надзор над милицией не только нами не осуществляется, но было такое положение, когда допущенные милицией ошибки районным прокурором оформляются задним числом.

Нахimson (нач. ГУИТУ РСФСР). Вопросам исправительно-трудовой политики на этом совещании отведено совершенно недостаточное место. Я надеюсь, что настанет наконец момент, когда мы после коллегии защитников, авторитет которой мы хотим поднять и усилить, заговорим может быть об исправительно-трудовой системе, о поднятии ее авторитета и отведении соответствующего ей места, которое она в конце концов должна занять и добьется, чтобы это место занять.

Как можно говорить о реорганизации, о коренной перестройке, о поднятии авторитета следственной и судебной работы и ни слова не сказать об исправительных органах.

Мы говорим об ИТУ тогда, когда там есть провал, когда нужно карать, когда нужно ста-

вить вопрос по отношению к отдельным конкретным гнойникам. Приятным исключением было выступление т. Акулова, который смел сказать о Магнитогорской колонии. Недооценивается то, что ИТУ занято серьезной работой по преодолению пережитков капитализма в сознании людей. Здесь в этой работе много срывов, нелепостей, преступлений, но имеются и большие достижения. О них нужно было бы говорить, если бы было время, о ряде крупнейших объектов, о ряде показателей, о которых можно, стоит и должно говорить.

Мы в своей работе зависим от работы прокуратуры и суда. Как преломляется работа суда и прокуратуры в нашей деятельности? Позвольте привести вам несколько конкретных примеров из действительности. Вот например было прокурорское распоряжение разместить лишенных свободы в канцелярии бюро ИТР буквально в суточный срок: начальнику ИТР (Нижняя Волга) взять из рума всех лишенных свободы... немедленно использовать на работе

Как можно позволять такое беззаконие? Однако прокурор дает новое распоряжение о приеме 120 человек, среди которых были осужденные к 10 годам. Начальник бюро ИТР спрашивает: что же дальше—открывать домзак вместо ИТР?

Другой случай. Несмотря на неоднократные обращения к прокурору начальника рума о принятии мер к переводу арестованных в домзаки, последний мер никаких не принял, санкции на содержание арестованных никаких не дал и заявил, что это формальность. А люди сидят.

Такое же отношение и у ряда других прокуроров. Мы имеем случаи, когда прокурор считает ниже своего достоинства разговаривать с нашими работниками и работниками конвойных войск. Начальник Ленинградского облИТУ пишет, что прокурор дает приказание принять лишенных свободы сверх лимита. Зам. начальника донес, что по категорическому предложению прокурора он должен был принять осужденных сверх лимита. Прокуроры прямо приказывают, считая себя распорядителями всех лимитов. Прокурор Новороссийска ответил на протест: распоряжается прокурор по своему усмотрению.

Большим бичом для нас является кассационные, о которых здесь достаточно говорилось. Для того, чтобы долго не останавливаться, я приведу только несколько цифр, взятых из постановления президиума Верховного Суда РСФСР. По ЦЧО—28% кассационных, по Ленинградской области—24%, по Западной—24%, по Восточносибирской—26%, по Западносибирской—23%. Вы понимаете, что это значит для мест лишения свободы? Такая работа кассационной инстанции является грузом, срывающим всю работу по соблюдению лимитов.

Содержание следственных сверх положенного срока срывает всю политику лимитов.

Я хотел бы остановить ваше внимание на исправительно-трудовых работах, которые являются важнейшим участком в нашей работе.

Удельный вес исправительно-трудовых работ в судебной политике занимает грандиозное место. В первом квартале 1933 г. мы имели удельный вес исправительно-трудовых работ 37, в последнем квартале—57, это—по РСФСР. Мы имеем снижение числа осужденных к лишению свободы с 38 до 22. Надо сказать, что мы получаем очень большой брак от судебной работы, приговоры судов из-за этого брака нельзя реализовать. Для уточнения этого обстоятельства я приведу несколько цифр за один только февраль. За февраль этого года по нескольким краям РСФСР пришлось вернуть ввиду их не реальности немало приговоров. По Московской области за февраль таких приговоров было 3351, по ЦЧО—3522, по ИПО—1252, по Горьковскому краю—1204. В Уфимском районе суд не только выносит приговоры, он прямо пишет в приговоре, что ввиду того, что они боятся того, что осужденный к исправительно-трудовым работам убежит, мы направляем его с конвоем в бюро исправительно-трудовых работ.

Таких случаев можно привести массу. Приведу еще один характерный пример: Московский суд судил 85-летнего старика и дал ему исправительно-трудовые работы. В Западной Сибири 26 февраля нарсуд 2-го участка Аникинского района за кражу домашних вещей лицами, которые совершали подобные кражи несколько раз, дает 3 месяца исправительно-трудовых работ. За кражу вещей лицом, которое имеет 10 приводов, дают исправительно-трудовые работы. Еще один случай: нарсуд приговаривает старика 65 лет по ст. 61 к 1 году и к 3 годам высылки, причем в описательной части пишет: «Он мог продать дом, купить себе избу похуже для того, чтобы на вырученные деньги приобрести семян, а так как он этого не сделал, то вредил государству».

Я не могу не сказать о нашем хозяйственном уклоне. Хозяйственный уклон у нас действительно есть, программу мы выполняем большую; достаточно сказать, что программа в 1933 г. составляет 138 млн. руб., мы посеяли в 1933 г. 136 тыс. га, а в 1934 г.—155 тыс., все это требует организованной плановой дисциплины, но к несчастью обстоит так, что на нас смотря, как на того богатого дядюшку, которого можно сосать и сосать без конца, до бесчувствия.

Теперь мы уже смотрим иначе на это дело. Начальник, который сидит в крае, это не значит, что он богатый магнат, который может расточать свои средства и швыряться деньгами.

Товарищи, в предложениях т. Акулова имеется вопрос о кадрах. Кадры для нас играют большую роль. Мы в 1933 г. два раза производили пересмотр кадров, и на 30% обновили наши кадры, можем то же самое сделать и в этом году, но не этим решается вопрос. Мы должны суметь переломить отношение, которое имеется к нашим органам, мы должны создать такую обстановку, чтобы в наши органы шли так же, как и в другие органы юстиции, лучшие люди.

Проверка исполнения

«Правильная организация проверки исполнения имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной».

Сталин.

В деле улучшения работы как партийного, так и в особенности советского аппаратов огромнейшее значение имеет правильно организованная проверка исполнения. Ленин очень часто в своих высказываниях по вопросам улучшения работы государственного аппарата говорил о том, что проверка исполнения имеет в нашей работе основное значение. «Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики» (т. XVIII, ч. II, стр. 17).

Наша партия, очень большое внимание уделявшая улучшению работы государственного аппарата, борьбе с бюрократизмом и канцелярщиной, в основу способов исправления работы госаппарата брала организацию проверки исполнения.

На XVI партконференции она по докладу «Об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом» в своем постановлении отмечала огромное значение проверки исполнения. В этом постановлении говорится: «проверка фактического исполнения становится самой важной частью всей работы по улучшению государственного аппарата». Слов нет, в том, что после этого решения партии в области организации проверки исполнения мы имели некоторые сдвиги. Наш Центральный комитет партии за ряд последних лет, взявшись вплотную за разрешение проблемы угольной, транспорта, показывал образцы не только конкретного руководства, но и руководства, основанного на проверке исполнения важнейших директив партии и правительства.

Общезвестно значение той работы, которую комиссия ЦК ВКП(б) провели по выправлению работы Донбасса и общезвестны результаты работ этих комиссий.

В решениях XVII съезда ВКП(б), в докладах тт. Сталина и Кагановича с особой остротой и силой был поставлен вопрос о проверке исполнения.

Мы не страдаем от отсутствия правильных и хороших решений по всем вопросам строительства, но мы страдаем от того, что очень часто эти важнейшие политические решения бюрократами и канцеляристами кладутся под сукно. «Хорошо поставленная проверка исполнения, — говорит т. Сталин, — это тот прожектор, который помогает освещать состояние работы аппарата в любое время и выводить на свет божий бюрократов и канцеляристов».

Возьмем только один вопрос, на вид частный и очень маленький, но вопрос, имеющий, скажем, для нашей армии огромнейшее политическое значение, — это исполнение на местах Кодекса законов о льготах семьям красноармейцев. По этому вопросу ежегодно Президиумом ЦИК СССР давались указания о необходимости на местах наблюдения за выполнением этих законов (7 февраля 1932 г.), и все-таки при проверке в 1933 г. положения с выполне-

нием этого закона на местах, этот важнейший закон проводится недостаточно, что даже людей, которые обязаны были бы наблюдать за выполнением этого закона, исполкомы вообще не выделили, и дело идет самотеком, как констатирует постановление Президиума ЦИК СССР от марта 1934 г.: «работа местных органов в этой области остается все еще в ряде случаев неудовлетворительной».

А ведь здесь речь идет о законе, имеющем прямое отношение к укреплению боеспособности нашей армии. Выше мы говорили о том, что за ряд последних лет в области проверки исполнения мы имеем кое-какие сдвиги. В целом ряде звеньев нашего государственного аппарата была особо выделена проверка исполнения. Но надо сказать, что эти сдвиги не решали дела. Проверка исполнения не носила систематического, повседневного характера, и проверка исполнения очень часто выполнялась как формально нужная работа, второстепенными лицами, лицами или секторами, сплошь и рядом оторванными от производства, осуществляющими эту проверку по бумагам.

Сталин, отмечая значение проверки исполнения, указывает на то, что «необходимы два условия, чтобы проверка исполнения достигала цели: систематичность и руководство ею лиц, возглавляющих организацию».

XVII съезд партии в постановлении, вынесенном по докладу т. Кагановича, дал ясные и четкие указания о том, как должна быть построена система проверки исполнения. Съезд постановил «ликвидировать существующие специальные сектора проверки исполнения и предложить руководителям всех органов управления сверху донизу лично проверить исполнение решений и распоряжений соответствующих органов».

Съезд принял решение, в целях усиления контроля за исполнением решения партии и правительства и укрепления советской дисциплины, организовать комиссию советского контроля при СНК СССР и комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Эти комиссии на местах имеют уполномоченных, которые, будучи ответственны только перед центром, должны развернуть работу по наблюдению за выполнением важнейших директив партии и решений правительства.

Хорошо налаженная проверка исполнения имеет огромное значение для дисциплины аппарата, приучая его к точности в исполнении.

Вместе с этим, правильно налаженная проверка исполнения дает возможность проверять на местах и работу центральных учреждений, внося в нее нужные поправки и улучшая работу соответствующих наркоматов.

Проверка исполнения систематическая несомненно подымет всю работу нашего государственного аппарата и приведет ее в полное соответствие с теми величайшими задачами, которые второй пятилеткой поставлены перед всей страной.

К созыву Всесоюзного совещания по уголовной статистике

Институт уголовной политики в ближайшие месяцы созывает I Всесоюзное совещание по вопросам реорганизации системы учета и статистики в органах юстиции.

Вопрос об учете, контроле, статистике был заострен на XVII съезде ВКП(б). Коренная перестройка учетно-статистических работ, резкое сокращение «канцелярско-статистического погона», беспощадная борьба со статистическим бюрократизмом — вот о чем говорилось на съезде по докладу т. Кагановича.

Вот почему задачи, стоящие перед совещанием, приобретают не только специальный интерес, но имеют и большое общеполитическое значение.

Разработать систему статистики органов юстиции и смежных с ними органов на основе марксо-ленинского наследства в разрезе директив XVII съезда ВКП(б), наметить общесоюзную программу уголовно-статистических работ, проработать методологию научно-исследовательской работы в этой области, подвести итоги преподавания, статистики в наших правовых вузах — такова обширная программа совещания.

Совещание организуется Институтом совместно с ИССП Комакадемии при ближайшем участии Прокуратуры СССР, НКЮ РСФСР и союзных республик, союзных институтов по изучению уголовной политики, правовых вузов и т. д.

Ряд докладов и информационных сообщений поручается работникам союзных республик. Так, например, Всеукраинскому институту уголовной политики поручена подготовка большого доклада о качественном учете мер борьбы с преступностью.

Для того чтобы обеспечить реальную продукцию совещания, Институт проводит большую, углубленную проработку конкретных практических мероприятий. Институт на совещании выступит с подробным проектом реорганизации учетно-статистической работы органов юстиции на основе решений XVII съезда. Для того чтобы внести на совещание такой проект, необходимо заранее разработать детально основные вопросы учетно-статистиче-

ской работы всех звеньев органов юстиции, проработав не только самую систему отчетности, но и организацию единого для СССР методологического и синтезирующего центра.

В практических результатах работы совещания заинтересована и прокуратура и НКЮ союзных республик, и наши исследовательские институты.

Провести большую подготовительную работу к совещанию Институт сможет лишь при том условии, если органы юстиции окажут непосредственную помощь этому совещанию, присылая в оргбюро по созыву совещания свои предложения и замечания о действующей системе учета и статистики в органах юстиции.

Эта работа должна состоять в просмотре форм отчетности и даче по ним заключений, постановке перед оргбюро совещания вопросов, подлежащих освещению на совещании, помощь в работе подготовительных комиссий и т. д.

Оргбюро уже провело ряд мероприятий не только по линии установления связи с перечисленными выше организациями, но и подготовило I проект реформы учета и статистики в органах прокуратуры. Этот проект в настоящее время рассматривается руководством союзной прокуратуры.

Оргбюро обращается ко всем работникам центральной и местной прокуратуры с просьбой принять участие в подготовке совещаний по намеченной выше программе.

Материалы следует направлять в Прокуратуру СССР на имя председателя оргбюро совещания т. А. Я. Вышинского¹ или непосредственно в Институт уголовной политики.

А. Г.

¹ В оргбюро входят: А. Я. Вышинский, А. С. Шляпочников (директор Инст. угол. политики), Ф. Е. Нюрина (зампрокурора РСФСР), Г. И. Волков (зав. секцией уголовной политики ИССП Комакадемии), Б. С. Ошерович (зам. директора Института уголовной политики), А. А. Герцензон (ст. науч. сотрудник Института уголовной политики).

Официальный отдел

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ АТТЕСТОВАНИИ ПРОКУРОРСКОГО СОСТАВА

Общая часть

1. Аттестование прокурорского состава является одним из основных средств в деле правильного подбора, целесообразного использования, воспитания и выращивания квалифицированных прокурорских работников.

2. Аттестование возлагает на всех руководящих работников прокуратуры огромную ответственность за правильную оценку подчиненных им работников. Это требует со стороны руководящего состава работников прокуратуры самого тщательного и всестороннего изучения подготовленности своих работников по кон-

кретным показателям и результатам выполнения ими работы.

3. Одной из важнейших задач аттестования прокурорских работников является своевременное выдвижение на более ответственные должности способных, растущих, показавших образцы в своей работе прокурорских работников или целесообразность использования по другой служебной линии, в соответствии с подготовкой и способностью данного работника.

Содержание аттестации

1. В основу аттестования должно быть положено изучение того, насколько каждый прокурорский работник проявляет в своей работе необходимые качества работника прокуратуры: классовую бдительность, умение ориентирова-

ться в сложной политической обстановке, твердость в борьбе за генеральную линию партии и за революционную законность, знание действующего законодательства, овладение техникой своей работы.

2. Аттестация должна оценить аттестуемого по следующим основным показателям.

А. Общие показатели для всех категорий работников

1. Марксистско-ленинская подготовка, умение правильно, по-большевистски ориентироваться в политической обстановке.

2. Юридическая подготовка, знание действующего законодательства.

3. Классовая бдительность. Твердость в работе за генеральную линию партии, твердость в осуществлении надзора за революционной законностью.

4. Умение привлекать к своей работе общественный актив из лучших работников и колхозников.

5. Инициативность в работе и в подготовке новых вопросов, вытекающих из практики работы и направленных на улучшение прокурорской работы и работы советско-хозяйственных органов.

6. Плановость в работе. Умение организовать свою работу.

7. Дисциплинированность, энергичность.

8. Для работников национальных республик и областей дополнительно — знание коренного языка и местной обстановки, ленинской национальной политики.

Б. В целях более развернутой оценки отдельных категорий работников устанавливаются следующие дополнительные показатели для руководящих прокурорских работников краев и областей, их заместителей и помощников).

1. Наличие опыта руководящей работы.

2. Умение подобрать аппарат, правильно расставлять силы, организовать контроль исполнения, умение привлечь общественность к прокурорской работе.

3. Знание условий и особенностей работы в данной местности.

4. Состояние того участка прокурорской работы, которым данный работник руководит.

5. Знание подчиненных ему работников в центре и на периферии.

6. Число и качество выступлений на суде в роли государственного обвинителя.

В. Для прокуроров отделов и секторов

1. Опыт прокурорской работы, знание действующего законодательства по отрасли выполняемой работы.

2. Количество и качество протестов и заключений по пересмотренным делам и материалам, число и качество выступлений на суде.

3. Участие в расследованиях, ревизиях и инструктаже периферийных органов.

Г. Для районных прокуроров

1. Опыт прокурорской работы.

2. Знание политико-экономической обстановки района.

3. Взаимоотношения с местными органами. Умение противостоять местным влияниям.

4. Состояние прокурорской работы в районе.

5. Руководство органами расследования.

6. Реагирование на жалобы трудящихся.

7. Количество и качество протестов на незаконные постановления местных органов.

Д. Для следователей по важнейшим делам, старших следователей и нарследователей

1. Знание текущего законодательства.

2. Овладение техникой и методикой расследования.

3. Качество законченных следственных дел, темпы и результаты расследования. Количество дел прекращенных и по которым вынесен оправдательный приговор.

ПОРЯДОК АТТЕСТОВАНИЯ И СОСТАВ АТТЕСТАЦИОННЫХ КОМИССИЙ

1. Для аттестования прокурорского состава создаются:

а) при Прокуратуре Союза ССР — центральная аттестационная комиссия в составе: прокурора Союза и его заместителя, трех старших помощников прокурора Союза и пом. прокурора Союза ССР по кадрам;

б) при прокуратурах союзных республик — республиканские аттестационные комиссии в составе: прокурора республики, его заместителя и трех старших помощников прокурора;

в) при прокуратурах областей, краев и автономных республик — областные, краевые и республиканские аттестационные комиссии в составе: прокурора области, края, автономной республики и двух старших помощников прокурора.

2. Аттестованию центральной аттестационной комиссии подлежат:

а) прокуроры союзных и автономных республик и их заместители;

б) прокуроры краев и областей и их заместители;

в) прокуроры по надзору за органами ОГПУ;

г) прокуроры железных дорог и водных бассейнов;

д) прокуроры аппарата Прокуратуры Союза ССР.

3. Аттестованию республиканской аттестационной комиссии подлежат:

а) старший пом. прокурора краев и областей;

б) пом. прокурора краев и областей;

в) прокуроры аппарата прокуратур союзных республик.

4. Аттестованию областных (краевых и автономных республик) аттестационных комиссий подлежат:

а) прокуроры секторов прокуратур автономных республик, краевых и областных прокуратур;

б) старшие следователи;

в) райпрокуроры;

г) нарследователи.

Примечание. В союзных республиках, не имеющих областного деления, районные прокуроры и нарследователи аттестованию проходят в аттестационных комиссиях прокуратур союзных республик.

5. а) Военные прокуроры округов, морских сил, дорог аттестуются аттестационной комиссией ПУР РККА, с последующим утверждением аттестаций Прокурором Союза ССР.

б) Военные прокуроры войск ОГПУ, их помощники и военследы аттестуются общевойсковым порядком, с последующим утверждением аттестации главным военным прокурором;

в) Пом. военного прокурора округов, дорог и морских сил, военные следователи аттестуются армейскими аттестационными комиссиями

при политуправлениях округов, с последующим утверждением аттестации главным военным прокурором РККА.

6. Аттестованию подлежат все перечисленные в настоящем положении прокурорские работники один раз в год на 1-е января каждого года.

Примечание. Прокурорам республик, краев и областей предоставляется в случае надобности право досрочного аттестования того или иного работника, с последующим донесением прокурору Союза ССР о результатах и мотивах досрочного аттестования.

7. Аттестация хранится в личном деле аттестуемого и является основным документом,

определяющим служебные и личные качества прокурорского работника и его дальнейшее служебное использование.

8. Аттестуемый, в случае несогласия с данной ему аттестацией, имеет право обжаловать ее по восходящей линии в декадный срок со дня объявления ему аттестации.

Утверждено

Прокурором Союза ССР

И. А. Акуловым.

31 марта 1934 г.

СПБГУ

№129895
ЮФ СПБГУ

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Ответств. редактор И. А. Акулов.

Адрес изд-ва: Москва, Красная пл., здание ЦИК,
пом. 28.

Редколлегия: А. Я. Вышинский (зам. отв. редак-
тора), Р. П. Катанян, С. Н. Орловский, С. С. Пиляв-
ский, Г. К. Рогинский, Г. М. Сегал, В. В. Сорокин.

Сдано в производство 19—22/V 1934 г.; подписано к печати 16/VI—1934 г.; 4 печ. л. 10,45 авт. л.
в 1 бум. л. 232 28 зн.; формат бум. 72 × 104. С—04п № 328. Технический редактор Ю. Хантон

Уполном. Главлита В—87054

Заказ 790

Тираж 5100.

15-я типография «Полиграфкнига», Мал. Дмитровка, 18.